

may 16

3

89

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА

ИЗДАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

1885

КНИГА ТРЕТЬЯ

МАРТЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

1885

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

I. Узаконенія и распоряженія правительства	XVII—XXXI.
II. Личный составъ	1 — 2.
III. Замѣчанія на проектъ особенной части уложенія о наказаніяхъ <i>А. фонъ-Резона</i>	1 — 30.
IV. О недостаткахъ нашихъ гражданскихъ законовъ (1 ч. X т.) <i>К. Змирлова</i>	31 — 51.
V. Бабьи стоны и новое уложеніе <i>Г. Джанишѣва</i>	52 — 66.
VI. Желательное отношеніе будущаго гражданского уложенія къ нашему обычному праву <i>И. Табашикова</i>	67 — 107.
VII. Критика трехчленнаго дѣленія: преступленія, проступки и правонарушенія. <i>А. Баишкова</i>	108—127.
VIII. <i>Критика и библиографія</i> : 1) <i>А. Бейтгигель</i> . О судѣ присяжныхъ (популярные этюды). 2) <i>Geyer. Grundriss zu Vorlesungen über gemeines deutsches Strafrecht.</i> <i>А. Д.</i>	128—140.
Замѣтки.	
IX. Наша уголовная статистика <i>Ц. Я.</i>	1 — 22.
X. Бракъ и разводъ ссыльно-поселенцевъ <i>М. Гребенщикова</i>	22 — 32.
XI. О злоупотребленіяхъ судебныхъ приставовъ мировыхъ съѣздовъ при требованіи съ наслѣдниковъ вознагражденія за производство охранительныхъ описей наслѣдственнаго имущества <i>А. Бардэскаго</i>	33 — 71.
XII. Объявленія	I — XI.
Приложенія.	
XIII. Протоколы уголовного отдѣленія с.-петербургскаго юридическаго общества. 1884 годъ. LII. (Засѣданіе 7 января) Сообщение <i>Н. Д. Сергѣевскаго</i> О смертной казни и ея формахъ. LIII. (Засѣданіе 28 января) Сообщение <i>К. Д. Анциферова</i> Порядокъ преслѣдованія за служебныя преступленія LIV. (Засѣданіе 3 марта) Сообщение <i>В. К. Случевскаго</i> , О реформѣ уголовного судопроизводства въ Венгріи, Франціи и Бельгіи, по новѣйшимъ проектамъ, разсматриваемымъ законодательнымъ порядкомъ LV. (Засѣданіе 31 марта) Сообщение <i>Н. В. Муравьева</i> Объ общихъ началахъ и кругѣ устройства прокуратуры. LVI. (Засѣданіе 12 мая) Рефератъ <i>И. Я. Фойницкаго</i> О вѣдомствѣ присяжныхъ засѣдателей въ отношеніи территориальномъ.	1 — 32.
XIV. Право наслѣдованія. Соч. <i>К. Кавелина</i>	65 — 96.
XV. Руководство по уголовному процессу. Соч. <i>Ю. Глазера</i> . Переводъ <i>А. Лихачева</i>	97 — 128.

*Касс. рѣшенія сданы на почту: 4 марта гражд. за 1884 годъ
9—14 листы.*

См. на слѣд. стр.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(съ 15-го января по 15-е февраля 1885 г.).

ОТДѢЛЪ I.

А. Высочайшія повелѣнія.

14) *О порядкѣ присутствованія въ правительствующемъ сенатѣ сенаторовъ, состоящихъ въ военныхъ и военно-морскихъ чинахъ третьяго класса.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра юстиціи докладу, въ 16 день января 1885 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: во время присутствованія въ правительствующемъ сенатѣ всѣмъ сенаторамъ, въ томъ числѣ и состоящимъ въ военныхъ и военно-морскихъ чинахъ третьяго класса, занимать мѣста по старшинству пожалованія ихъ въ соотвѣтствующіе чины (№ 84).

15) *О обязательномъ выкупѣ надѣловъ крестьянъ, уволенныхъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныя земляхъ (№ 89).*

16) *О распространеніи выкупной операціи на надѣлы крестьянъ, превышающіе установленныя высшіе размѣры (№ 90)*

17) *Объ упраздненіи одной должности судебного слѣдователя и объ увеличеніи содержанія судебныхъ слѣдователей въ губерніяхъ: Астраханской, Уфимской, Оренбургской, Олонекской и части Вологодской (№ 92).*

18) *Объ открытіи въ гор. Ригѣ Лифляндскаго женскаго отдѣленія попечительнаго о тюрьмахъ общества (№ 102).*

ж. гр. и уг. пр. кн. III 1885 г.

19) *Объ измѣненіи порядка отпуска семействамъ умершихъ пенсіонеровъ и пенсіонерокъ недополученныхъ послѣдними пенсіонныхъ денегъ.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

Пенсіонныя деньги, недополученныя умершими пенсіонерами или пенсіонерками въ счетъ производившихся имъ пенсій изъ государственнаго казначейства, могутъ быть выдаваемы кассами министерства финансовъ оставшимся послѣ умершихъ семействамъ (вдовцамъ, вдовамъ и дѣтямъ), по представленіи ими свидѣтельствъ о службѣ и смерти пенсіонера или пенсіонерки (ст. 180—182).

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 11 декабря 1884 года Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 103).

20) *Объ упраздненіи нѣкоторыхъ мѣстъ заключенія гражданскаго вѣдомства и объ учрежденіи, взамѣну ихъ, другихъ мѣстъ.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

1) Псковскую и Пермскую центральныя каторжныя тюрьмы, а также Новгородское исправительное арестантское отдѣленіе упразднить.

2) Учредить въ городѣ Псковѣ исправительное арестантское отдѣленіе на триста шестьдесятъ человѣкъ.

3) Положенное въ Ярославскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи число заключенныхъ увеличить на двѣсти сорокъ человѣкъ, расширивъ, сообразно сему, помѣщеніе означеннаго отдѣленія.

4) Въ Высочайше утвержденномъ 26 января 1882 г. росписаніи должностей и расходовъ по управленію и надзору въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ (собр. узак. 1882 г. ст. № 141) сдѣлать слѣдующія измѣненія: 1) включить: а) одну должность начальника отдѣленія, съ годовымъ окладомъ содержанія въ тысячу двѣсти рублей; б) одну должность помощника начальника отдѣленія съ годовымъ окладомъ содержанія въ шестьсотъ двадцать пять рублей; в) пять должностей младшихъ надзирателей перваго класса и сорокъ семь должностей такихъ же надзирателей втораго класса, съ присвоеннымъ тѣмъ и другимъ, по росписанію, жалованьемъ, и г) сто девяносто рублей на наемъ писцовъ и на канцелярскія принадлежности, и 2) исключить одну должность начальника отдѣленія, съ годовымъ окладомъ содержанія въ семьсотъ пятьдесятъ рублей.

Рас. мая 13, 1905.

5) Временно, въ теченіи пяти лѣтъ со дня приведенія въ дѣйствіе мѣръ, означенныхъ въ статьяхъ 2 и 3 настоящаго узаконенія, отпускать ежегодно изъ средствъ государственнаго казначейства: а) по Ярославскому исправительному арестантскому отдѣленію—на содержаніе врача пятьсотъ рублей и фельдшера триста рублей; б) по Псковскому отдѣленію — на вознагражденіе врача двѣсти рублей и на жалованье фельдшеру двѣсти сорокъ рублей.

6) Число надзирателей при тюремныхъ замкахъ, опредѣленно. Высочайше утвержденными 9 февраля 1882 г. и 18 октября 1883 г. мнѣніями государственнаго совѣта (собр. узак. 1882 г. ст. № 192 и собр. узак. 1883 г. ст. № 894), усилить однимъ старшимъ и пятью младшими надзирателями. съ положеннымъ для нихъ содержаніемъ: причемъ приводитъ означенную мѣру въ дѣйствіе постепенно, сообразуясь съ наличностью ассигнованной на этотъ предметъ суммы, за покрытіемъ указаннаго въ статьѣ 10 расхода.

7) Содержаніе смотрителя Пермскаго тюремнаго замка увеличить на двѣсти рублей въ годъ, съ распредѣленіемъ сей прибавки между жалованьемъ и столовыми деньгами поровну.

8) Служащихъ въ упраздняемыхъ мѣстахъ заключенія должностныхъ лицъ, если они, ко времени закрытія сихъ мѣстъ, не получаютъ новаго назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи.

9) Вызываемые указанными въ пунктѣ 1 статьи 4, а также въ статьяхъ 5—7 настоящаго узаконенія, мѣрами новые расходы: *постоянный* — въ размѣрѣ *четырнадцати тысячъ шестисотъ пятинадцати* рублей въ годъ, и *временный* (на пять лѣтъ)—въ размѣрѣ *одной тысячи двухсотъ сорока* рублей въ годъ, обратить на сумму въ пятнадцать тысячъ девятьсотъ двадцать рублей, освобождающуюся вслѣдствіе упраздненія Псковской и Пермской тюремъ и одной должности начальника исправительнаго арестантскаго отдѣленія (ст. 1 и 4 п. 2), а образующійся за симъ остатокъ въ *шестидесять пять* рублей причислить къ свободнымъ средствамъ государственнаго казначейства.

10) Временный расходъ по выдачѣ содержанія должностнымъ лицамъ, остающимся за штатомъ (ст. 8), отнести на сумму, назначенную на постепенное увеличеніе числа надзирателей въ тюремныхъ замкахъ (ст. 6).

11) Экономическій капиталъ упраздняемаго Новгородскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія распредѣлить между Псков-

скимъ и Ярославскимъ исправительными арестантскими отдѣленіями по равнымъ частямъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 11 декабря 1884 года Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 104).

21) О порядкѣ соединенія дворянскихъ опекъ.

Государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

Статью 1721 т. II общ. губ. учр. и примѣчаніе 1 къ этой статьѣ (по своду изд. 1876 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

Статья 1721. Дворянскія опеки учреждены на одинъ или нѣсколько уѣздовъ и составляются, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго, по нахожденію опеки, уѣзднаго предводителя дворянства, изъ опредѣленнаго числа засѣдателей, отъ двухъ до четырехъ, назначаемыхъ по выбору дворянства подвѣдомственныхъ опекамъ уѣздовъ. Уѣзднымъ предводителямъ дворянства тѣхъ уѣздовъ, которые подвѣдомственны соединенной опекамъ, предоставляется участвовать въ засѣданіяхъ оной по дѣламъ своего уѣзда, съ правомъ голоса.

Примѣчаніе 1. Разрѣшеніе ходатайствъ губернскихъ дворянскихъ собраній о сосредоточеніи опекунскихъ дѣлъ по нѣсколькимъ уѣздамъ одной губерніи, въ общую для сихъ уѣздовъ опеку, опредѣленіе срока и ближайшаго норядка закрытія уѣздныхъ опекъ и передачи ихъ дѣлъ по принадлежности въ соединенную опеку, а также установленіе или увеличеніе числа засѣдателей соединенной опеки, въ предѣлахъ сей статьию указанныхъ, предоставляется министру юстиціи, который входитъ по этому предмету въ соглашеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и затѣмъ о распоряженіяхъ своихъ предлагаетъ правительствующему сенату для опубликованія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 11 декабря 1884 года Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 105).

22) О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ учрежденіи объ Императорской фамилии (указъ правительствующему сенату).

Прародитель Нашъ, Императоръ Павелъ I, 5 апрѣля 1797 г., въ попеченіи о пользахъ государственныхъ, опредѣлилъ порядокъ наслѣдія престола и права членовъ Императорской Фамиліи.

Нынѣ, признавъ за благо установить для имѣющихъ возник-

нута новыхъ поколѣній нѣкоторые противу первоначальнаго положенія измѣненія, повелѣваемъ:

1) Великими Князьями, Великими Княжнами и Императорскими Высочествами почитать сыновей, братьевъ, дочерей, сестеръ, а также внуковъ Императоровъ, по прямой линіи отъ мужескаго поколѣнія происшедшихъ; правнуковъ же Императоровъ, отъ мужескаго поколѣнія происшедшихъ, признавать Высочествами, Князьями и Княжнами крови Императорской.

2) Приступить, подъ ближайшимъ руководствомъ и согласно указаніямъ Нашимъ къ пересмотру нынѣ дѣйствующаго учрежденія объ Императорской Фамиліи 5 апрѣля 1797 г., для чего Нами имѣть быть назначена особая комиссія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано
С.-Петербургъ. 24 января 1883 года „АЛЕКСАНДРЪ“.

(№ 112).

23) *Объ устройствѣ контрольныхъ учреждений по надзору за оборотами частныхъ желѣзныхъ дорогъ* (№ 116).

24) *О взысканіяхъ за нарушенія постановленій по строительной части.*

Государственный совѣтъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Статью 66 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (суд. уст. Императора Александра II. изд. 1883 г.), изложить слѣдующимъ образомъ:

„За нарушеніе техническихъ и другихъ о постройкахъ правилъ, предписанныхъ въ уставѣ строительномъ и въ изданныхъ установленнымъ порядкомъ мѣстныхъ постановленіяхъ, виновные въ томъ подвергаются: когда допущенное нарушеніе угрожаетъ личной безопасности - денежному взысканію не свыше ста рублей, а въ прочихъ случаяхъ — такому же взысканію не свыше пятидесяти рублей“.

II. Возложенное Высочайше утвержденнымъ 20 ноября 1864 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта на министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и на главноуправлявшаго бывшимъ вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи порученіе относительно подробнаго разграниченія проступковъ, подходящихъ подъ правила статьи 66 устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, а также составленный въ исполненіе сего порученія списокъ нарушеній строительнаго устава, опублико-

ванный при указѣ правительствующаго сената 21 сентября 1866 г. (полн. собр. зак. т. XLII, № 43657), — отмѣнить.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 8 января Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 137).

25) О пенсіяхъ лицамъ, состоящимъ при вѣдомствахъ или къ нимъ причисленнымъ (№ 149).

Б. Указы и опредѣленія правительствующаго сената.

3) По вопросу о томъ, вправъ ли крестьяне собственники, не уплатившіе окончательно въ казну выкупной ссуды, отчуждать принадлежащія имъ усадебныя постройки на сносъ.

1883 г. ноября 18 и 1884 г. октября 16 чиселъ. По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ слушали: дѣло по предложенію оберъ-прокурора 1 департамента правительствующаго сената, по вопросу о томъ: вправъ ли крестьяне собственники, не уплатившіе окончательно въ казну выкупной ссуды, отчуждать принадлежащія имъ усадебныя постройки на сносъ. Приказали: оберъ-прокурору 1 департамента правительствующаго сената, въ предложеніи отъ 18 августа 1877 года, за № 1490, изъяснить, что за министра юстиціи, товарищъ министра, препровождая къ нему полученное отъ министра внутреннихъ дѣлъ представленіе Костромскаго губернатора за № 3207, по вопросу о томъ, въ правѣ ли крестьяне собственники, не уплатившіе окончательно въ казну выкупной ссуды, отчуждать принадлежащія имъ усадебныя постройки на сносъ, поручилъ ему, оберъ-прокурору, предложить упомянутый вопросъ на разсмотрѣніе и законное постановленіе правительствующаго сената. Сообразивъ возбужденный вопросъ съ дѣйствующими узаконеніями, правительствующій сенатъ находить, что на основаніи 37 ст. мѣстн. великорос. полож., въ составъ крестьянской усадебной осѣдлости входитъ вся земля, состоящая въ одной окружной чертѣ селенія или поселка подъ крестьянскими жилими, хозяйственными, общественными и всякими другими строеніями, съ принадлежащими къ нимъ крестьянскими огородами, садами и проч. Изъ смысла сего узаконенія слѣдуетъ, что не только одна усадебная земля, но и постройки, на ней находящіяся, входятъ въ составъ усадебной осѣдлости крестьянъ и, слѣдовательно, служатъ также цѣнностію, обезпечивающею безостановочный и правильный

взносъ выкупной ссуды, пополненіе которой составляетъ обязанность крестьянъ. Выводъ этотъ подтверждается и подлежащими узаконеніями, содержащимися въ положеніи о выкупѣ по сему послѣднему предмету. На основаніи 126 и слѣдующихъ статей сего положенія, устанавливающихъ мѣры взысканія выкупныхъ платежей, пополненіе выкупной ссуды отдѣльными плательщиками обеспечивается какъ самою землею, приобретенною при посредствѣ выкупной операціи, такъ равно всѣми необходимыми принадлежностями хозяйства и сельскаго промысла крестьянъ. Затѣмъ въ ст. 127, 133 и слѣд. полож. о выкупѣ не только указаны способы взысканія недоимокъ по выкупной ссудѣ съ неисправныхъ плательщиковъ, но и установлены мѣры къ предупрежденію таковой неисправности, состоящія, между прочимъ, въ воспрещеніи неисправному хозяину отчуждать что-либо изъ доходовъ и вообще изъ имущества его, хотя бы движимаго, безъ разрѣшенія особо назначеннаго къ недоимщику опекуна (п. 3 ст. 127, п. 4 ст. 133 и п. 1 ст. 139). Въ виду означенныхъ правъ и сопряженныхъ съ ними обязанностей и отвѣтственности сельскихъ обществъ по круговой поруцѣ, правительствующій сенатъ признаетъ, что хотя въ положеніи о выкупѣ и не имѣется прямыхъ указаній на ограниченіе правъ крестьянъ собственниковъ, неуплатившихъ окончательно выкупныхъ ссудъ, отчуждать на сносъ принадлежащія имъ постройки, составляющія существенную принадлежность крестьянской усадьбы, но въ виду приведенныхъ соображеній, означенные крестьяне не могутъ считаться имѣющими право совершать акты на отчужденіе усадебныхъ построекъ на сносъ (№ 140).

Ъ) По предмету разъясненія узаконеній, опредѣляющихъ составъ избирательныхъ собраній земскихъ и городскихъ.

1884 г. января 18 дня. По указу его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ слушали: докладъ экспедиціи по предмету разъясненія узаконеній, опредѣляющихъ составъ избирательныхъ собраній земскихъ и городскихъ. Приказали: Изъ вошедшихъ на разрѣшеніе сената дѣлъ усматривается, что при производствѣ выборовъ гласныхъ въ земскія собранія и городскія думы, къ участію въ избирательныхъ сѣздахъ нерѣдко допускаются лица, не внесенныя въ списки избирателей; собранія же и думы, при провѣркѣ дѣйствительности и законности выборовъ гласныхъ, не находятъ въ семъ существеннаго нарушенія установленнаго для

выборовъ порядка. Сообразивъ вышеизложенное, правительствующій сенатъ признаетъ необходимымъ войти въ обсужденіе относящихся къ означенному предмету узаконеній. На основаніи правилъ, приложенныхъ къ ст. 1817 (примѣч.) общ. губ. учр. т. II ч. I св. зак., изд. 1876 года, коими должны руководствоваться уѣздныя земскія управы въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ открытію избирательныхъ сѣздовъ,—списки: а) уѣздныхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ полный избирательный цензъ, б) лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ черезъ уполномоченныхъ, в) городскихъ избирателей и г) сельскихъ обществъ,—составляются до открытія избирательныхъ сѣздовъ, причемъ земскія управы пользуются всѣми свѣдѣніями, имѣющимися въ присутственныхъ мѣстахъ и у должностныхъ лицъ; распоряжаются, если нужно, собраніемъ свѣдѣній на мѣстѣ чрезъ своихъ членовъ, а также посредствомъ газетъ, повѣстокъ или иными, по ближайшему своему усмотрѣнію, способами приглашаютъ всѣхъ, имѣющихъ право на участіе въ избирательныхъ сѣздахъ землевладѣльцевъ и городскихъ, доставлять письменныя извѣщенія о своемъ имени, званіи, мѣстѣ жительства и имуществѣ (п.п. 8 и 10). Составленные, такимъ образомъ, списки представляются въ мѣстѣ присутствія подлежащей управы, а также печатаются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и вообще распространяются между жителями всякими, по усмотрѣнію управы, способами, дабы, съ одной стороны, всякое лицо, имѣющее по закону право на участіе въ выборахъ, но почему либо въ списки не включенное, могло заявить о семъ управѣ, а съ другой—чтобы каждый, внесенный въ списокъ, могъ заявлять объ исключеніи тѣхъ, кои занесены въ оный неправильно (п.п. 16—18), на представленіе каковыхъ заявленій полагается мѣсячный, со дня опубликованія списковъ, срокъ (п. 23). Затѣмъ, списки представляются управою, вмѣстѣ съ заявленіями, жалобами и своими по онымъ заключеніями, губернатору, коимъ окончательно утверждаются. Соотвѣтственные правила для руководства городскихъ общественныхъ управленій содержатся въ ст. 1973—1976 общ. губ. учр. т. II ч. I св. зак., изд. 1876 г., на основаніи коихъ списки лицъ, имѣющихъ право голоса на городскихъ выборахъ, объявляются во всеобщее свѣдѣніе тѣмъ способомъ, который опредѣленъ городскою думою. причемъ въ теченіи двухъ недѣль со дня объявленія оныхъ, городскіе обыватели имѣютъ право представлять въ городскую управу возраженія свои противъ неправильности или неполноты списковъ; по заявленіямъ, признаваемымъ управою неосновательными, постановляются опредѣленія городскою ду-

мою, недовольные же распоряженіями думы могутъ обжаловатьъ оныя губернатору, который передаетъ дѣло на разсмотрѣніе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, и если послѣднее, по обсужденіи жалобы, признаетъ оную уважительною. то о рѣшеніи его немедленно даетсяъ знать городской управѣ для соотвѣстнаго измѣненія списка избирателей. Точный смыслъ приведенныхъ законоположеній не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что независимо отъ положительныхъ въ законѣ указаній о порядкѣ и срокахъ составленія, исправленія и утвержденія списковъ лицъ, имѣющихъ право на участіе въ выборахъ земскихъ гласныхъ и гласныхъ городской думы, правильность составленія сихъ списковъ, а слѣдовательно и законность личнаго состава избирательныхъ собраній, подчиняется общественному контролю; при допущеніи же къ выборамъ лицъ, не внесенныхъ въ списки, ни возложенное на губернаторское начальство наблюденіе за ихъ полнотою и правильностью, ни предоставленное частнымъ лицамъ право требовать ихъ исправленія, не могли бы имѣть полнаго примѣненія. Признавая, посему, что послѣ окончательнаго утвержденія избирательныхъ списковъ, какъ земскихъ, такъ и городскихъ, опредѣляющихъ личный составъ предстоящихъ избирательныхъ сѣздовъ, лица, въ списки сіи не внесенныя, не могутъ быть допускаемы къ участію въ выборахъ властью предсѣдателей сѣздовъ или постановленіями самихъ сѣздовъ; что подобное допущеніе этихъ лицъ представляетъ существенное нарушеніе порядка. для земскихъ и городскихъ выборовъ установленнаго, и что помянутыя лица, въ случаѣ избранія ихъ, не могутъ быть допускаемы къ участію, въ качествѣ гласныхъ, въ дѣлахъ и постановленіяхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ,—правительствующій сенатъ опредѣляетъ: о вышеизложенномъ разъясненіи дать знать циркулярными указами губернаторамъ и градоначальникамъ. (№ 141).

5) По вопросу о порядкѣ опредѣленія неспособности къ труду членовъ семейства призываемаго къ исполненію воинской повинности, одержимыхъ психическимъ разстройствомъ.

1884 года февраля 1 дня. По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ слушали: дѣло по рапорту. за министра внутреннихъ дѣлъ, товарища министра, отъ 30 января 1883 года за № 415, относительно порядка опредѣленія способности къ труду членовъ семейства призываемаго къ исполненію воинской повинности, одержимыхъ психическимъ разстройствомъ. Приказали: правительствующій сенатъ, по выслушаніи 21 октября 1881

года. въ присутствіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ и начальника главнаго штаба, дѣла по рапорту, за министра внутреннихъ дѣлъ, товарища министра, отъ 16 мая того же года за № 1805, относительно порядка освидѣтельствующихъ новобранцевъ, страдающихъ умопомѣшательствомъ, напелъ: 1) что точный смыслъ устава о воинской повинности не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что присутствіямъ по воинской повинности предоставлено право признавать призываемыхъ къ исполненію воинской повинности неспособными къ военной службѣ вслѣдствіе слабоумія, идіотизма и умопомѣшательства во всѣхъ степеняхъ и видахъ; 2) что, согласно ст. 42 уст. о воин. повин., изъ лицъ, подлежащихъ поступленію на службу по жеребью, могутъ быть зачисляемы въ службу лишь тѣ, которыя окажутся къ оной способными, освидѣтельствованіе же призванныхъ къ исполненію воинской повинности производится уѣздными, окружными и городскими присутствіями, причемъ присутствія, въ отношеніи признанія свидѣтельствуемыхъ способными или неспособными, не обязаны подчиняться мнѣнію врачей, производящихъ осмотръ (ст. 144 и 149 уст. о воин. пов.); 3) что болѣзни, препятствующія поступленію на службу, и правила о порядкѣ освидѣтельствующихъ призываемыхъ къ исполненію воинской повинности лицъ указаны въ наставленіи присутствіямъ по воинской повинности для руководства при освидѣтельствующихъ тѣлосложенія и здоровья лицъ, призванныхъ къ исполненію воинской повинности, изданномъ на основаніи 43 ст. уст. о воин. повин., и въ росписаніи болѣзней и тѣлесныхъ недостатковъ, препятствующихъ приему на службу, въ § 18 лит. А коего указаны слабоуміе, идіотизмъ и умопомѣшательство во всѣхъ степеняхъ и видахъ, и 4) что, такимъ образомъ, представляется несомнѣннымъ, что присутствіямъ по воинской повинности вѣщено въ обязанность не принимать на службу такихъ лицъ, которыя, по освидѣтельствующихъ ихъ присутствіемъ, окажутся слабоумными, идіотами или сумасшедшими, но такое признаніе лица слабоумнымъ, идіотомъ или сумасшедшимъ со стороны присутствія по воинской повинности имѣетъ своимъ послѣдствіемъ только непринятіе его на службу и не можетъ повлечь за собою какихъ либо ограниченій въ его правоспособности, такъ какъ подобныя ограниченія имѣютъ мѣсто только въ случаѣ признанія лица умалишеннымъ порядкомъ, установленнымъ ст. 367—380 т. X ч. I св. зак. гражд. изд. 1857 года. А потому правительствующій сенатъ опредѣлилъ: о вышеизложенномъ, въ разрѣшеніе рапорта

отъ 16 мая 1881 года за № 1805, министра внутреннихъ дѣлъ и. для свѣдѣнія и руководства, министра военнаго и губернаторовъ увѣдомить указами, а для всеобщаго извѣстія напечатать въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства. Нынѣ, за министра внутреннихъ дѣлъ, товарищъ министра, рапортомъ отъ 30 января 1883 года за № 415, доноситъ правительствующему сенату, что Калужское губернское по воинской повинности присутствіе, въ виду того, что означенный указъ сената касается лишь опредѣленія способности лицъ, одержимыхъ психическимъ разстройствомъ, къ военной службѣ, тогда какъ, при назначеніи льготъ по семейному положенію, можетъ встрѣтиться необходимость въ опредѣленія способности къ труду одержимыхъ такимъ разстройствомъ членовъ семьи призываемаго, — возбуждаетъ вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должна быть опредѣляема въ подобныхъ случаяхъ способность членовъ семьи призываемаго къ труду. Представляя означенный вопросъ на разрѣшеніе правительствующаго сената, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ присовокупляетъ: 1) что вопросъ этотъ имѣетъ общее для всей имперіи значеніе, почему разъясненіе его, въ установленномъ порядкѣ, въ виду важности могущихъ возникнуть отъ сего разъясненія послѣдствій, представляется не только полезнымъ, но даже необходимымъ, и 2) что примѣняясь къ разъясненію правительствующаго сената по вопросу о порядкѣ освидѣтельствованія одержимыхъ умопомѣшательствомъ относительно способности къ военной службѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ, согласно съ мнѣніемъ военнаго министра, полагало бы для опредѣленія способности или неспособности къ труду одержимыхъ психическимъ разстройствомъ членовъ семейства призываемыхъ не устанавливать какого либо новаго порядка, такъ какъ учрежденія, опредѣляющія способность или неспособность къ труду означенныхъ членовъ семейства вообще (приложеніе къ ст. 46 прим. 2 уст. о воин. повин. изд. 1876 года), имѣютъ полное право принимать при этомъ въ соображеніе всякое болѣзненное состояніе свидѣтельствуемаго, не исключая и душевныхъ болѣзней. Разсмотрѣвъ настоящій рапортъ министра внутреннихъ дѣлъ, правительствующій сенатъ находитъ: 1) что на основаніи приложенія къ ст. 46 (прим. 2) уст. о воин. повин. изд. 1876 года, учрежденія, опредѣляющія способность или неспособность къ труду членовъ семьи призываемаго, вслѣдствіе увѣчья или болѣзненнаго разстройства, вправѣ принимать въ соображеніе всякое болѣзненное

состояніе свидѣтельствуемаго и 2) что, такимъ образомъ, опредѣленіе способности къ труду членовъ семейства призываемаго, одержимыхъ психическимъ разстройствомъ, должно быть производимо въ порядкѣ, установленномъ для опредѣленія этой способности относительно всѣхъ болѣзней, т. е. въ общемъ порядкѣ, указанномъ приведеннымъ приложеніемъ къ 46 ст. уст. о воин. повин., но при этомъ признаніе лица неспособнымъ къ труду, вслѣдствіе обнаруженной у него душевной болѣзни, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ только исключеніе его изъ числа способныхъ къ труду членовъ семьи и не можетъ повлечь за собою какихъ либо ограниченій въ его правоспособности, такъ какъ подобныя ограниченія имѣютъ мѣсто только въ случаѣ признанія лица умалишеннымъ въ порядкѣ, установленномъ ст. 367—380 т. X ч. I св. зак. изд. 1857 года, правительствующій сенатъ опредѣляетъ: о вышеизложенномъ увѣдомить указами военнаго министра, губернаторовъ и губернскія по воинской повинности присутствія. (№ 142).

2) *Объ оставленіи безъ измѣненія на слѣдующее трелѣтїе таксы относительно платы въ пользу чертежной за выдаваемыя тѣмъ, кто желаетъ или изъ повѣренныхъ копій съ плановъ, находящихся въ межевыхъ установахъ (№ 143).*

3) *По вопросу о томъ, имѣетъ ли распубликованіе закона въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства, по распоряженію о томъ правительствующаго сената, значеніе официальнаго его обнародованія и съ какого времени въ присутственныхъ мѣстахъ каждый законъ воспріимлетъ свою силу и долженъ быть примѣняемъ къ дѣламъ.*

1884 года ноября 20 дни. По указу Его Императорскаго Величества. правительствующій сенатъ слушали: предложеніе оберъ-прокурора I департамента правительствующаго сената, отъ 9 октября 1884 г. за № 2310, по вопросу о томъ, имѣетъ ли распубликованіе закона въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства, по распоряженію о томъ правительствующаго сената, значеніе официальнаго его обнародованія и съ какого времени въ присутственныхъ мѣстахъ каждый законъ воспріимлетъ свою силу и долженъ быть примѣняемъ къ дѣламъ. Приказали: Согласно 57 ст. основ. госуд. зак. ч. I т. I свод. зак., законы общіе, содержащія въ себѣ новое правило, или дополненіе, либо отмѣну прежнихъ законовъ, обнародываются во всеобщее извѣстіе правительствующимъ сенатомъ, а на основаніи примѣчанія I къ этой статьѣ законы сообщаются присутственнымъ мѣстамъ при указахъ прави-

тельствующаго сената; по силѣ же ст. 59 тѣхъ же основ. зак., законъ получаетъ обязательную силу не прежде, какъ со дня его объявленія, причемъ въ присутственныхъ мѣстахъ каждый законъ воспріимлетъ свою силу и долженъ быть прилагаемъ къ дѣламъ не прежде, какъ со дня полученія его въ томъ мѣстѣ, къ исполненію коего онъ подлежитъ. Первоначально узаконенія обнародовались правительствующимъ сенатомъ, въ формѣ отдѣльныхъ печатныхъ указовъ, въ каждомъ случаѣ. Но въ измѣненіе этого порядка послѣдовало Высочайше утвержденное 16 февраля 1838 г. мнѣніе государственнаго совѣта о правилахъ обнародованія печатными собраніями и листами узаконеній и распоряженій правительства и объявленій по судебнымъ и распорядительнымъ дѣламъ. Статья 1 этихъ правилъ упоминаетъ, что „всякое, въ печатномъ изданіи помѣщенное, узаконеніе.... признается офиціально изданнымъ, если оно напечатано, по распоряженію правительства, установленнымъ порядкомъ;“ статья 3—что „всѣ вообще собранія законовъ...., печатаемыя при правительствующемъ сенатѣ, суть изданія офиціальныя;“ статья 5—что „при правительствующемъ сенатѣ издаются: а) особыя собранія узаконеній и распоряженій правительства, подлежащихъ свѣдѣнію и исполненію, какъ общему въ имперіи, такъ и отдѣльному по какому либо вѣдомству....“ Далѣе, въ статьяхъ 6 и 7, это собраніе узаконеній именуется „собраніемъ указовъ,“ а въ ст. 16 постановлено, что за симъ всѣ бесплатно разсылавшіеся до 16 февраля 1838 г. по разнымъ мѣстамъ экземпляры указовъ отмѣнены и одни только указы правительствующаго сената мѣстамъ и лицамъ, непосредственно ему подчиненнымъ, рассылаются по прежнему за подписью оберъ-секретарей, „какъ необходимыя по производству дѣлъ исходящія бумаги.“ Изъ этого слѣдуетъ заключить, что помѣщеніе законовъ въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства, по опредѣленіямъ о томъ правительствующаго сената, составляетъ актъ ихъ офиціального обнародованія и припечатаніемъ закона въ этомъ изданіи, полученіе котораго обязательно для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ,—въ полной мѣрѣ исполняется требованіе 57 ст. осн. зак. и перваго къ ней примѣчанія. Заключение это находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ практическомъ соображеніи, что всѣ безъ исключенія законы помѣщаются въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства, тогда какъ отдѣльные по нимъ указы сената посылаются присутственнымъ мѣ-

стамъ въ рѣдкихъ относительно случаяхъ, отчего, однако, не могутъ почитаться не воспріявшими силы тѣ законы, обнародованіе которыхъ послѣдовало однимъ припечатаніемъ ихъ въ собраніи узаконеній. Посылка присутственнымъ мѣстамъ отдѣльныхъ указовъ, съ изъясненіемъ новыхъ законовъ, кромѣ напечатанія ихъ въ собраніи узаконеній, можетъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ, признана правительствующимъ сенатомъ необходимою и имъ предписана въ виду принадлежащаго сенату, на основаніи 26 ст. его учрежд., права, въ нужныхъ случаяхъ, чинить распорядокъ самаго обнародованія закона на мѣстахъ. Таковая посылка указовъ безусловно необходима при обнародованіи Высочайшихъ манифестовъ, печатаемыхъ на отдѣльныхъ листахъ и доводимыхъ до всеобщаго свѣдѣнія съ особою торжественностью, приличествующею обращенію Монарха къ своему народу; но за этимъ исключеніемъ, припечатаніе закона, по опредѣленію о томъ правительствующаго сената, въ собраніи узаконеній имѣетъ официальное значеніе обнародованія закона, и въ присутственныхъ мѣстахъ каждый законъ воспріимлетъ свою силу и долженъ быть прилагаетъ къ дѣламъ со дня полученія въ томъ мѣстѣ листовъ собранія узаконеній и распоряженій правительства, въ коемъ онъ припечатанъ. Вопросъ объ относительномъ значеніи обнародованія законовъ чрезъ распубликованіе ихъ въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства и разсылку ихъ присутственнымъ мѣстамъ въ формѣ отдѣльныхъ указовъ сената уже восходилъ на разрѣшеніе правительствующаго сената и сенатъ, опредѣленіемъ, распубликованнымъ въ № 87 собр. узак. и расп. прав. за 1874 годъ, вслѣдствіе возбужденнаго вопроса о томъ, съ какого времени должны быть введены въ дѣйствіе правила о лицахъ, имѣющихъ право быть повѣренными по судебнымъ дѣламъ, разъяснилъ, что напечатаніемъ въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства законъ признается обнародованнымъ и подлежащимъ исполненію, если на этотъ предметъ не содержится въ самомъ законѣ особыхъ постановленій. Между тѣмъ изъ имѣющихся въ виду правительствующаго сената свѣдѣній оказывается, что сомнѣнія по этому предмету еще и нынѣ возникаютъ въ практикѣ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ, а потому правительствующій сенатъ признаетъ нужнымъ разъяснить, что распубликованіе закона, по опредѣленію о томъ правительствующаго сената, въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства имѣетъ значеніе официального его обнародованія и въ присутственныхъ

мѣстахъ каждый законъ воспріемлетъ свою силу и долженъ быть прилагаетъ къ дѣламъ со дня полученія въ томъ мѣстѣ листовъ собранія узаконеній и распоряженій правительства, въ коихъ онъ припечатанъ. Посему правительствующій сенатъ опредѣляетъ: о такомъ разъясненіи опубликовать во всеобщее свѣдѣніе установленнымъ порядкомъ и дать знать указами всѣмъ подчиненнымъ сенату присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ (№ 165).

В) Распоряженія правительства.

Министра юстиціи.

В) Объ учрежденіи въ мѣстечкѣ Леово, Бессарабской губерніи, нотаріальной конторы (№ 85).

ОТДѢЛЪ II.

Личный составъ.

Высочайшіе приказы

По Министерству Юстиціи.

НАЗНАЧАЮТСЯ: Товарищъ предсѣдателя Витебскаго о. ружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Забугинъ**—членомъ Кіевской судебной палаты; товарищъ прокурора Московскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Кривцовъ**—членомъ Московскаго окружнаго суда; товарищъ прокурора Одесскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Айвасъ**—членомъ Одесскаго окружнаго суда; товарищъ прокурора Нижегородскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Жигмонть**—членомъ Черниговскаго окружнаго суда; состоящій при министерствѣ юстиціи, коллежскій ассесоръ **Рукавишниковъ**—членомъ Кишиневскаго окружнаго суда; членъ Ломжинскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Короновскій**—товарищемъ предсѣдателя Люблинскаго окружнаго суда; состоящій при канцеляріи Варшавскаго генералъ-губернатора **Боссовичъ**—членомъ Ломжинскаго окружнаго суда; исправляющій должность судебного слѣдователя 2-го участка Шацкаго уѣзда, округа Тамбовскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Вогословскій** и состоящій при департаментѣ министерства юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 1-го участка Варшавскаго уѣзда, округа Тамбовскаго окружнаго суда надворный совѣтникъ **Величковскій**—судебными слѣдователями въ округъ того же окружнаго суда; предсѣдатель Елисаветпольскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Вартеневъ**—предсѣдателемъ Владикавказскаго окружнаго суда; членъ Тифлисскаго судебной палаты **Кривецкій**—предсѣдателемъ Ели-

савитиольскаго окружнаго суда; товарищъ председателя Симферопольскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Покровский**—товарищемъ председателя Московскаго окружнаго суда; членъ Кіевскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Дзюба**—товарищемъ председателя Витебскаго окружнаго суда; членъ Новгородскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Ветлицкій**—товарищемъ председателя Лубенскаго окружнаго суда; членъ Пензенскаго окружнаго суда, коллежскій ассессоръ **Зачинскій**—товарищемъ председателя Саратовскаго окружнаго суда; оберъ-секретарь 4-го департамента правительствующаго сената, надворный совѣтникъ **Носенко**—товарищемъ председателя Симферопольскаго окружнаго суда; судебный слѣдователь 11-го участка гор. С.-Петербурга, коллежскій секретарь **Кукинъ**—членомъ С.-Петербургскаго окружнаго суда; исправляющій должность старшаго нотаріуса Пермскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Василисовъ**—старшимъ нотаріусомъ того же суда; судебный слѣдователь Кальварійскаго уѣзда, округа Сувалкскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Курчениновъ**—судебнымъ слѣдователемъ 1-го участка Новооскольскаго уѣзда, округа Курскаго окружнаго суда; исправляющій должность судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ въ округѣ С.-Петербургскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Петровский**—судебнымъ слѣдователемъ въ округѣ С.-Петербургскаго окружнаго суда; оберъ-прокуроръ уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената, тайный совѣтникъ **Неклюдовъ**—оберъ-прокуроромъ общаго собранія кассационныхъ департаментовъ и соединеннаго присутствія 1 и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго сената; председатель департамента С.-Петербургской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Кони**—оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената; состоящій при министерствѣ юстиціи, статскій совѣтникъ **Теохаровъ**—членомъ Тифлисской судебной палаты.

УВОЛЬНЯЮТСЯ: старшій председатель Московской судебной палаты, тайный совѣтникъ **Шаховъ**—отъ должности старшаго председателя означенной палаты, согласно прошенію; съ оставленіемъ въ знанія сенатора; исполняющій обязанности оберъ-прокурора общаго собранія кассационныхъ департаментовъ и соединеннаго присутствія 1 и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената, сенаторъ, тайный совѣтникъ **Веръ**—отъ исполненія означенныхъ обязанностей, согласно прошенію, съ оставленіемъ въ званіи сенатора; *отъ должности:* судебный слѣдователь 2 участка Керенскаго уѣзда, округа Пензенскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Демонси**—согласно прошенію, по случаю назначенія товарищемъ прокурора Пензенскаго окружнаго суда.

УМЕРШІЕ исключаются изъ списковъ: членъ Екатеринбургскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Молчановъ** и судебный слѣдователь Новороссійскаго участка, округа Екатеринбургскаго окружнаго суда, коллежскій регистраторъ **Техстремъ**; сенаторъ, тайный совѣтникъ **Кранцъ**.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПРОЕКТЪ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УЛОЖЕНІЯ О НАКАЗАНІЯХЪ.

(Продолженіе)

Прежде чѣмъ перейти къ гл. III, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о вопросѣ, возбуждаемомъ не текстомъ ст. 13—22, а „Объясненіями“, въ которыхъ (стр. 110) проводится именно то мнѣніе, что согласіе лица, бывшаго объектомъ посягательства на тѣлесную неприкосновенность, устраняетъ преступность совершеннаго, какъ скоро пострадавшій былъ дѣеспособнымъ субъектомъ. Не подлежитъ, правда, сомнѣнію, что согласіе потерпѣвшаго, въ извѣстныхъ случаяхъ, уничтожаетъ самый составъ преступнаго дѣянія, и тѣмъ самымъ устраняетъ преступность содѣяннаго; такъ напр. немислимы преступныя нарушенія имущественныхъ благъ при согласіи потерпѣвшаго. Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы согласіе потерпѣвшаго имѣло всегда такія послѣдствія и чтобы ненаказуемость всѣхъ вообще преступныхъ дѣяній, совершенныхъ при согласіи потерпѣвшаго, должна была предполагаться. Разумѣется, что если въ общей части будетъ помѣщено подобное правило, то и споровъ о примѣненіи его къ отдѣльнымъ видамъ преступныхъ дѣяній быть не можетъ, но пова его нѣтъ, придется рѣшить занимающій насъ здѣсь вопросъ отдѣльно, по каждому виду противозаконныхъ дѣяній, смотря по составу и существу ихъ.

Если обратиться къ тѣлеснымъ поврежденіямъ, то прежде всего нужно имѣть въ виду, что, согласно проекту, легкія и

менѣ тяжкія поврежденія наказываются иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, изъ чего слѣдуетъ, что по этимъ дѣламъ законъ признаетъ полнымъ хозяиномъ своего иска потерпѣвшаго который можетъ, по своему усмотрѣнію, начать дѣло или не начать, прекратить его примиреніемъ и т. д. Поэтому, примѣняясь къ такому взгляду законодателя, нельзя не признать, что согласіе потерпѣвшаго при означенныхъ видахъ поврежденій должно дѣйствительно исключать наказуемость сказаннаго посягательства, какъ она исключается нежеланіемъ его подать жалобу и т. д. Остаются слѣдовательно тяжкія поврежденія. Очевидно, что если законодатель относитъ всѣ временныя, преходящія тѣлесныя поврежденія, исключительно къ сферѣ частныхъ интересовъ, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы онъ держался такого же взгляда и относительно тяжкихъ. Я не хочу ссылаться въ доказательство этого на ту разницу, которая существуетъ по проекту между порядкомъ преслѣдованія и наказанія этого вида поврежденій и другихъ, но несомнѣнно, что для государства вовсе не безразлично, будутъ ли его подданные калѣки или люди здоровые, и что, поэтому, оно имѣетъ не только право, но и обязанность защищать, въ указанныхъ границахъ, самое благо здоровья. При этомъ нельзя не обратить вниманія еще и на то, что тѣ, часто благородные мотивы, коими руководится убійца по желанію потерпѣвшихъ, не могутъ имѣть мѣста при нанесеніи тяжкаго поврежденія: можно лишить жизни для избавленія просящаго объ этомъ отъ мучительной агоніи, или психическихъ мукъ, но нельзя другому выколоть глаза или отрѣзать языкъ, не зная что этимъ самымъ будутъ причинены не только мучительныя были, но неизгладимый и неизлечимый вредъ здоровью, разстроивающій навсегда физическое существованіе жертвы. Поэтому, ни съ объективной, ни съ субъективной стороны, я не вижу основаній для признанія, чтобы согласіе пострадавшаго могло бы сдѣлать нанесеніе тяжкаго поврежденія ненаказуемымъ.

ГЛАВА III.

Поединокъ.

„Объясненія“ предпосылаютъ разбору отдѣльныхъ статей довольно подробное введеніе, въ которомъ они опредѣляютъ то мѣсто, которое поединокъ долженъ занимать въ системѣ преступныхъ дѣяній, и при этомъ высказываютъ свой взглядъ на дуэль вообще. Что относится до перваго вопроса, то по изложеннымъ въ „Объясненіяхъ“ соображеніямъ отнесеніе поединка въ посягательствамъ на жизнь и здоровье является вполне правильнымъ. Не то я могу сказать о мнѣніи („Объясненія“ стр. 197), что поединокъ „одинаково противорѣчить и принципамъ христіанской религіи и началамъ нравственности;“ что онъ не находитъ оправданія ни съ разумно психологической, ни съ соціальной точки зрѣнія“ и т. д. Само собою разумѣется, что здѣсь, при разсмотрѣніи статей проекта закона, не мѣсто доказывать пользу или вредъ поединка; для насъ важенъ лишь вопросъ, признаетъ ли разсматриваемый проектъ дуэль особеннымъ видомъ противозаконныхъ дѣяній или нѣтъ. За утвердительнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса, споры о соответствіи или несоответствіи поединка началамъ нравственности и т. д. теряютъ всякое значеніе. Но не могу не сказать, что въ „Объясненіяхъ“ (какъ и по вопросу о смертной казни) не встрѣчается ни одного новаго мотива противъ поединка, и что, поэтому, всѣ тѣ, которые, какъ я, увѣрены въ необходимости его, не имѣютъ повода и нынѣ отказаться отъ этого мнѣнія.

Ст. 23—26. Ст. 23 не опредѣляетъ ни понятія поединка, ни свойства оружія, допускаемаго въ употребленію при дуэли, предоставляя суду опредѣленіе всѣхъ признаковъ его. Такой приѣмъ мнѣ кажется вполне правильнымъ, хотя могутъ встрѣтиться сомнѣнія относительно послѣдняго обстоятельства, т. е. относительно свойства оружія. „Объясненія“ (стр. 206) по этому поводу говорятъ, что „поединокъ долженъ быть на оружіи, т. е. на орудіи, предназначаемомъ для нападенія

и защиты и пригодномъ для нанесенія поврежденій;“ при этомъ „оружіемъ дуэли можетъ быть, во 1-хъ, или общеупотребительное, освященное вѣковымъ обычаемъ, такъ называемое благородное, каковымъ почитаются: изъ огнестрѣльныхъ — пистолеть, изъ холодныхъ — сабля или шпага; во 2-хъ, употребительное по мѣстнымъ обычаямъ...; въ 3-хъ, оружіе, хотя и непринятое по обычаю, но въ которому должны были прибѣгнуть противники, благодаря особеннымъ исключительнымъ условіямъ, въ которыхъ они находились и которыя всегда могутъ быть констатированы судомъ.“ Это опредѣленіе оружія какъ нельзя болѣе правильно; особенно важенъ 2 п. „оружіе, употребительное по мѣстнымъ обычаямъ.“ Изъ этаго слѣдуетъ, что *всякое* оружіе, безъ какого либо исключенія, которое употребляется по мѣстнымъ обычаямъ дуэлянтовъ, можетъ быть оружіемъ дуэли. Такъ напр., авторъ статьи *der Zweikampf nach Deutschlands Strafrecht und Praxis* въ *Goldt. Archiv XXXI*, стр. 172, свидѣтельствуеетъ о томъ, что въ германскихъ лѣсныхъ академіяхъ обычнымъ оружіемъ дуэли служатъ охотничіе ножи (*Hirschfaenger*). Поэтому, если воспитанники такихъ академій будутъ драться у насъ на охотничьихъ ножахъ, то виновные все таки отвѣчаютъ какъ за поединокъ; тоже самое будетъ и въ томъ случаѣ, если пріѣзжимъ американцамъ угодно будетъ избрать оружіемъ дуэли не пистолеть, а ружья или пушки.

Но признавая разъ, что оружіемъ дуэли могутъ быть всякія оружія, допускаемыя мѣстнымъ обычаемъ, нужно идти далѣе и признать, что таковыми должны быть признаны вообще всякія орудія. Самое понятіе поединка этимъ нисколько не измѣняется, а совершается онъ только такимъ способомъ, который по нашимъ мѣстнымъ привычкамъ не принять; слѣдовательно и такъ какъ въ Америкѣ теперь дерутся на кнутахъ (см. *Goldt. Arch. I. c.*), то мы должны признать возможность подобной дуэли, хотя разумѣется только между людьми, могущими считать американскія привычки своими. Тоже самое, разумѣется, относится и ко всѣмъ другимъ видамъ орудій.

Но мнѣ кажется, что даже и этимъ еще не исчерпы-

вается понятіе оружія, допускаемаго при дуэли. Правда, что то особенное чувство чести, которое находитъ свое вознагражденіе только въ поединкѣ, является почти исключительнымъ достояніемъ высшихъ классовъ; но нельзя отрицать, что подобныя чувства *могутъ* явиться и у лицъ низшихъ сословій. Поэтому, если люди такой среды, незнакомые съ употребленіемъ благородныхъ оружій, а привыкшіе кончать свои расправы одними руками, по тѣмъ же побужденіямъ, по которымъ другіе дерутся на шпагахъ или пистолетахъ, устроятъ правильный боксъ, съ соблюденіемъ требуемыхъ для поединка правилъ, то нельзя будетъ не признавать въ этомъ боксѣ одной изъ формъ дуэли. Я по крайней мѣрѣ не вижу оснований, почему лицо, условившееся биться на смерть на пистолетахъ, будетъ отвѣчать какъ за поединокъ, а условившійся биться на смерть на боксѣ, долженъ отвѣчать за убійство; мнѣ кажется что такой порядокъ долженъ быть признанъ ничѣмъ неоправдаемой привилегіей шпаги и пистолета. Поэтому, если проектъ дѣйствительно желаетъ признать поединкомъ только тѣ виды единоборства, которые совершаются на орудіи, предназначенномъ для нападенія и защиты, то намѣреніе это должно быть прямо выражено въ 23 ст.; иначе, по моему мнѣнію, нельзя не давать слову „поединокъ“ болѣе широкое толкованіе.

Другой вопросъ, возбуждаемый 23 и слѣдующими статьями—вопросъ о наказуемости вызова. „Объясненія“ (стр. 216), отрицая цѣлесообразность наказуемости вызова, мотивируютъ свое мнѣніе тѣмъ, что примѣненіе постановленій о наказаніи лицъ, виновныхъ только въ вызовѣ или принятіи вызова на поединокъ, какъ свидѣлствуетъ практика „представляется случаемъ въ высшей степени рѣдкимъ, а между тѣмъ внесеніе ихъ въ проектъ нарушало бы его основныя общія положенія,“ ибо „вызовъ, самъ по себѣ взятый, есть только заявленіе намѣренія совершить воспрещенное закономъ дѣяніе, а принятіе вызова будетъ соглашеніемъ нѣсколькихъ лицъ; переговоры о времени, мѣстѣ и условіяхъ поединка, пріисканіе оружія и т. п. будутъ въ такомъ случаѣ

приготовленіемъ“, а между тѣмъ „соглашеніе нѣсколькихъ лицъ и приготовленіе наказуемы только при наиболѣе тяжкихъ случаяхъ убійства.“ Оба эти соображенія, по моему мнѣнію, несостоятельны. Несомнѣнно, что убійство главы иностраннаго государства или нанесеніе ему тѣлеснаго поврежденія встрѣчалось въ нашей практикѣ (если вообще встрѣчалось) еще рѣже, чѣмъ наказаніе за вызовъ на поединокъ или принятіе его; тѣмъ не менѣе въ проектѣ дѣянія эти выдѣлены въ особую статью. Слѣдовательно, одно то обстоятельство, что извѣстное противозаконное дѣяніе наказывалось рѣдко, по взгляду самаго проекта, не можетъ служить препятствіемъ для помѣщенія его въ уложеніи. Что же касается до втораго возраженія, что внесеніе въ проектъ постановленія о наказаніи вызова, нарушало бы его основныя общія положенія, то противъ этого можно сказать, что и теперь по 27 ст. наказывается одинъ отдѣльный случай вызова и что, слѣдовательно, самъ проектъ совершенно основательно признаетъ возможнымъ нарушить общія положенія въ виду особенной къ тому необходимости. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, представляются-ли какія-либо серьезныя основанія къ наказанію вызова на поединокъ по существу самаго этого дѣянія, или достаточно ограничиться наказаніемъ отдѣльнаго случая, указаннаго въ 27 ст.? Мнѣ кажется, что благодаря особенному характеру дуэли, вызовъ имѣетъ весьма серьезное значеніе; для тѣхъ людей, которые признаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ необходимость поединка, онъ будетъ имѣть въ этихъ случаяхъ, разумѣется, почти обязательную силу, почему вызовъ слѣдуетъ скорѣе приравнивать къ подстрекательству, чѣмъ къ заявленію намѣренія совершить противозаконное дѣяніе. Въ другихъ же случаяхъ и для людей другихъ взглядовъ, вызовъ можетъ представляться весьма серьезной несправедливостью, нарушеніемъ спокойствія, на защиту котораго всякій имѣетъ право, и наконецъ можетъ сопровождаться весьма крупными общественными неудобствами. Если противъ этого „Объясненія“ (стр. 217) возражаютъ, что „если вызовъ былъ сдѣланъ безъ всякихъ основаній, такъ что вызван-

ный может быть заинтересованъ въ уголовномъ преслѣдованіи вызвавшаго, то и по системѣ проекта эта возможность будетъ для него существовать во всѣхъ дѣйствительно серьезныхъ случаяхъ“, то это мнѣніе, мнѣ кажется, не вполне вѣрнымъ, ибо возможность эта будетъ существовать исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда вызовъ соединенъ съ оскорбленіемъ, угрозами и т. д., причемъ все-таки вызвавшій будетъ наказанъ не за вызовъ, а за оскорбленіе или угрозы. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что всякій благовоспитанный человѣкъ, въ случаѣ желанія, сумѣетъ сдѣлать вызовъ крупною непріятностью для вызваннаго и помимо всякихъ преслѣдуемыхъ въ уголовномъ порядкѣ оскорбленій и угрозъ, причемъ съ прагматической стороны слѣдуетъ припомнить и то, что если даже вызовъ будетъ сопровождаться оскорбленіями и т. д., то они будутъ нанесены глазъ на глазъ и, поэтому, далеко не всегда составлять надежный матеріалъ для возбужденія уголовного преслѣдованія.

Наконецъ и критическій аргументъ „Объясненій“ (I. c.), что обложеніе наказаніемъ вызова на поединокъ будетъ содѣйствовать скорѣе выполненію его и притомъ, въ наиболѣе нежелательной формѣ, т. е. безъ надлежащаго обсужденія причинъ и безъ регулированія условій, едва-ли основателенъ. То обстоятельство, что и вызовъ не останется ненаказуемымъ, можетъ только возбудить сознаніе, что онъ, самъ по себѣ, преступенъ, и что поэтому вызывающій уже однимъ своимъ вызовомъ нарушаетъ предписанія закона. Что это сознаніе съ необходимостью должно повлечь за собою желаніе виновнаго усугубить свою вину выполненіемъ самой дуэли, ничѣмъ недоказано. Но лучшимъ аргументомъ противъ мнѣнія „Объясненій“ представляетъ примѣръ иностранныхъ кодексовъ, въ которыхъ, какъ напр. въ германскомъ и венгерскомъ вызовъ наказывается; такъ какъ тамъ поединки несравненно чаще чѣмъ у насъ, то несомнѣнно, что давно отмѣнили бы наказаніе вызова, если бы оно дѣйствительно имѣло тѣ послѣдствія, которыя ожидаютъ „Объясненія“.

Полагая, такимъ образомъ, обложить наказаніемъ вызовъ

на поединокъ, я не нахожу достаточныхъ основаній въ освобожденію отъ наказанія виновныхъ и въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 1499 ст. улож. о нак., ибо, какъ вѣрно замѣчаютъ „Объясненія“ (стр. 220), рѣшить вопросъ о томъ, кто былъ истинною причиною поединка, въ значительномъ числѣ случаевъ, весьма затруднительно; да кромѣ того и лицамъ явно оскорбленнымъ не слѣдуетъ забывать, что вызывая своего противника на дуэль, они поступаютъ хотя и согласно съ своими убѣжденіями, но все-таки противозаконно. Если „Объясненія“ (стр. 219) находятъ, что существующее нынѣ право освободить въ извѣстныхъ случаяхъ вызвавшаго отъ всякаго наказанія представляется еще болѣе необходимымъ въ виду распространенія системы компенсаціи не только на обиду, но и на легкія тѣлесныя поврежденія, то я, откровенно говоря, между распространеніемъ системы компенсаціи и ненаказуемостью вызова на поединокъ, никакой связи найти не могу.

Почти тѣ же соображенія примѣняются и къ принятію вызова, хотя, во многихъ случаяхъ, принявшій будетъ менѣе виновенъ вызвавшаго. Само собою разумѣется, что наказаніе въ обоихъ случаяхъ должно быть легкое— арестъ или непродолжительное заточеніе.

Относительно 25 ст. слѣдуетъ еще сказать, что назначенное первою частью ея наказаніе болѣе строго, чѣмъ то, которое полагается въ 18 ст. за аффектированное нанесеніе тяжкаго тѣлеснаго поврежденія, хотя и влекущаго за собою смерть. Такое соотношеніе наказаній по этимъ двумъ противозаконнымъ дѣяніямъ едва-ли правильно.

Ст. 26. 2 п. этой статьи, опредѣляющій, что виновные въ поединкѣ безъ секундантовъ наказываются поселеніемъ, если было условлено биться на смерть, долженъ быть, по моему мнѣнію, вовсе исключенъ, ибо условія эти, не измѣняя самаго существа дуэли, не должны вліять на избраніе самого вида наказанія, а могутъ только имѣть своимъ послѣдствіемъ увеличеніе его размѣра. Поэтому, слѣдовало-бы ограничиться постановленіемъ 1 п. настоящей статьи, согласно которому

виновные въ поединкѣ безъ секундантовъ подвергаются наказаніямъ, предшествующими статьями установленнымъ, но съ возвышеніемъ ихъ на половину. Правда, что въ этомъ случаѣ признаніе указаннаго во 2 п. 26 ст. дѣянія преступленіемъ или проступкомъ будетъ зависѣть уже отъ суда, рассматривающаго дѣла по существу, но это формальное неудобство вознаградится возможностью болѣе вѣрнаго соразмѣренія наказанія и виновности.

Ст. 27. Выдѣленіе предусмотрѣннаго этою статьею случая, т. е. вызова должностнаго лица по поводу отправленія имъ обязанностей службы, представляется вполне правильнымъ; мнѣ только кажется, что назначенное наказаніе — арестъ не выше трехъ мѣсяцевъ, недостаточно строго. Вызовы на дуэль нелюбимаго должностнаго лица и въ особенности нелюбимаго начальника могутъ явиться просто средствомъ для достиженія совершенно постороннихъ цѣлей, а именно нарушеніемъ спокойствія жизни заставить его отказаться отъ занимаемаго мѣста. Подобные случаи особенно легко возможны тамъ, гдѣ популярность или непопулярность должностнаго лица зависитъ преимущественно отъ извѣстнаго политическаго направленія его. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ вызвавшіе могутъ ссылаться на тѣ общія уменьшающія вину обстоятельства, которыя примѣняются къ поединкамъ вообще, и что, слѣдовательно, нѣтъ основанія подвергнуть виновныхъ только *custodia honoris*. Поэтому, мнѣ казалось бы справедливымъ, предоставить на выборъ суда назначить, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или арестъ или тюрьму.

Ст. 28. Текстъ этой статьи „подстрекавшій въ вызову, или принятію вызова на поединокъ, или къ возобновленію поединка, буде поединокъ послѣдовалъ“, не вполне ясенъ. Возобновленіе поединка предполагаетъ, что онъ уже послѣдовалъ; слѣдовательно, при нынѣшней редакціи, можетъ явиться сомнѣніе, требуется-ли для наказанія, подстрекавшихъ къ возобновленію поединка, чтобы это возобновленіе дѣйствительно имѣло мѣсто или нѣтъ? Для устраненія этихъ

сомнѣній было бы полезно редактировать послѣднюю часть разбираемой статьи болѣе точно, напр. прибавить послѣ слова „послѣдовалъ“, слово „или возобновился“.

Ст. 29. Не подлежитъ сомнѣнію, что виновные въ такъ называемой американской дуэли, подлежатъ наказанію болѣе строгому, чѣмъ за обыкновенный поединокъ; но все-таки не слѣдуетъ забывать, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ извѣстнымъ видомъ поединка, хотя болѣе жестокимъ, а не съ другимъ преступленіемъ. Поэтому, говорить здѣсь о безчестныхъ мотивахъ, какъ объ общемъ правилѣ, положительно нельзя, тѣмъ болѣе, что мотивы, по которымъ предпочитается дуэлянтами американская дуэль, могутъ быть иногда весьма серьезны и вѣски. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать и то, что для американской дуэли требуется больше храбрости и хладнокровія, чѣмъ для обыкновенной, и что тотъ, которому выпалъ счастливый жребій, рискнулъ не менѣе своей жизнью, чѣмъ его менѣе счастливый противникъ. По всему этому я не нахожу никакихъ основаній для примѣненія или, по крайней мѣрѣ, для обязательнаго примѣненія къ виновнымъ, безчестящаго наказанія. Между тѣмъ 29 ст. приравниваетъ наказаніе за американскую дуэль къ наказанію за аффектированное убійство, съ увеличивающимъ вину обстоятельствомъ, и, согласно этому, назначаетъ каторгу на срокъ не свыше восьми лѣтъ. Составъ этихъ двухъ преступленій и степень злой воли виновныхъ до того различны, и послѣдняя насколько ниже, при указанномъ видѣ поединка, что предполагаемое проектомъ наказаніе является вполне несправедливымъ. По моему мнѣнію, здѣсь уместно одно заточеніе, въ крайнемъ случаѣ можно было предоставить суду выборъ между заточеніемъ и исправительнымъ домомъ, если самоубійство совершилось, и заточеніемъ и тюрьмою—если послѣдовало только покушеніе.

ГЛАВА IV.

Оставленіе безъ помощи.

Ст. 31—34. Статьи эти должны быть, по моему

мнѣнію, помѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ: 34, 32, 31, 33. Тогда настоящая глава началась бы постановленіемъ о подѣлѣ ребенка моложе 10 лѣтъ, лицомъ, обязаннымъ по закону или соглашенію имѣть о немъ попеченіе, въ такихъ однако условіяхъ, что жизнь его *не могла* подвергнуться опасности ¹⁾; 2 и 3 статья относились бы къ случаю, когда лишенное возможности самосохраненія лицо, обязаннымъ имѣть о немъ попеченіе оставлено безъ помощи, наоборотъ, при такихъ условіяхъ, что жизнь оставленнаго *могла* подвергнуться опасности, причемъ послѣдняя 33 статья требовала бы еще для своего примѣненія наличность обстоятельства, особо увеличивающаго вину, а именно, что оставленный безъ помощи былъ поставленъ въ такія условія самимъ виновнымъ; четвертая, наконецъ, предусматривала бы тѣ исключительные случаи, когда уголовно наказуемо будетъ и оставленіе безъ помощи лицъ, вполне умственно и физически здоровыхъ. Подобный порядокъ статей, по моему мнѣнію, болѣе послѣдователенъ, и что важнѣе, благодаря ему смыслъ отдѣльныхъ постановленій и взаимное ихъ соотношеніе становится болѣе яснымъ.

Въ частности, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на встрѣчающееся въ 33 ст. выраженіе „корабельщикъ“, подъ которымъ подразумѣвается лицо, управляющее кораблемъ, парходомъ или какимъ либо инымъ судномъ, на которомъ находился оставленный („Объясненія“ стр. 255). Мнѣ кажется, что ограничить дѣйствіе 33 статьи однимъ корабельщикомъ нельзя, такъ какъ и другія лица, наравнѣ съ ними, могутъ оказаться одинаково виновными. Сюда относятся, прежде всего, лоцманы, являющіеся на помощь корабельщикамъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда знаніе послѣдними извѣстной мѣстности или фарватера недостаточно для безопаснаго управленія кораблемъ и т. д. Къ этой же категоріи лицъ должны

¹⁾ Само „Объясненіа“ (стр. 257) говорятъ, что ст. 34 является основнымъ положеніемъ, а ст. 32—какъ бы исключеніемъ, отягощающимъ отвѣтственность подсудимаго.

быть отнесены машинисты на пароходахъ, такъ какъ знаніе машиннаго дѣла, абсолютно необходимое для безопаснаго управленія пароходомъ, присуще, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, только имъ, а не корабельщикамъ. Наконецъ и оставленіе корабля и корабельщика матросами должно быть подведено подъ дѣйствіе 33 ст.

Ст. 35, какъ видно изъ „Объясненій“ (стр. 260) основана на 77 и 127 ст. устава о наказ., причемъ однако постановленія этихъ статей изложены въ обобщенной формѣ. Между тѣмъ кажется, что 127 ст. устава, въ извѣстномъ отношеніи, не уже, а шире 35 статьи, а именно: она говоритъ объ отвѣтственности продавцовъ въ питейныхъ заведеніяхъ за неохраненіе пьянаго, которое напр. будетъ имѣть мѣсто и тогда, если продавецъ заставитъ исполнѣ пьянаго человека удалиться въ холодную ночь, вмѣсто того, чтобы позволить ему выспаться до утра на лавкѣ. Такимъ образомъ, нарушеніе 127 ст. будетъ на лицо, хотя бы виновный, какъ въ данномъ случаѣ, и вовсе не былъ обязанъ по закону „принять безсознательно пьянаго въ заведеніе или доставить его домой“, какія условія между тѣмъ необходимы для наказуемости виновнаго по 35 ст. Поэтому и было бы полезно измѣнить редакцію 35 ст. такъ, чтобы она обнимала дѣйствительно всѣ случаи, указанные „Объясненіями“.

ГЛАВА V.

Посягательства на личную свободу.

Ст. 37. Первый пунктъ настоящей статьи слѣдовало бы раздѣлить на 2 части, ибо разница въ степени виновности задержавшаго другое лицо одинъ день или задержавшаго его 4 недѣли, такъ значительна, что опредѣлить одно общее наказаніе за содержаніе или заключеніе на время не свыше 4 недѣль, едва ли правильно. Поэтому было бы цѣлесообразнѣе опредѣлить одно наказаніе за лишеніе свободы на время не свыше семи дней, а другое — за продолжающееся отъ одной до 4 недѣль. Правда, что и при подобномъ раздѣленіи

принятые сроки будутъ, до извѣстной степени, произвольны; но этого упрека не избѣгаетъ и теперешняя редакція 37 статьи, а между тѣмъ предположенное измѣненіе дастъ, по крайней мѣрѣ, возможность болѣе точнаго соразмѣренія наказанія о виновности.

Независимо отъ сего, мнѣ кажется, что къ 37 ст. могло бы быть прибавлено, по примѣру 49 ст., особое постановленіе о самоуправствѣ, какъ объ обстоятельствѣ, особенно уменьшающемъ вину, такъ какъ 37 ст. обвиняетъ и случаи самовольнаго или самоуправнаго задержанія, когда виновный осуществлялъ этимъ путемъ свое предполагаемое или дѣйствительное право, но для осуществленія коего законъ не предоставилъ ему права заарестованія.

„Объясненія“ (стр. 268) говорятъ по этому поводу, что отдѣльное упоминаніе о самоуправствѣ не представляется необходимымъ, потому „что въ этомъ случаѣ судъ, если найдетъ по обстоятельствамъ дѣла сіе нужнымъ, будетъ пользоваться общимъ предоставленнымъ ему правомъ уменьшенія отвѣтственности“. Но соображенія эти неубѣдительны; если они правильны, то они должны относиться, по одинаковости мотивовъ, и къ 49 статьѣ; если же наоборотъ, признано необходимымъ въ 49 ст. упомянуть объ самоуправствѣ, какъ объ особо уменьшающемъ вину обстоятельствѣ, то это доказываетъ, что и въ данномъ случаѣ недостаточно ограничиться однимъ общимъ правомъ уменьшенія отвѣтственности судомъ.

Ст. 38. По соображеніямъ, изложеннымъ выше, при разборѣ 1 и 2 ст., 1 пунктъ настоящей статьи долженъ быть распространенъ на восходящихъ родственниковъ, супруговъ и т. д.

Ст. 39. Выдѣленіе указанныхъ здѣсь случаевъ лишенія свободы, квалифицированныхъ извѣстнымъ качествомъ объекта и мѣстомъ содержанія, является вполне основательнымъ. Но для примѣненія 39 ст. требуются, по буквальному ея тексту, въ отличіе отъ 37 ст., еще и извѣстные способы содѣянія. Это мнѣніе подтверждается и „Объясненіями“ (стр. 268), гдѣ говорится, что „лишеніе свободы, какъ наказуемое дѣяніе, не

должно находиться въ зависимости отъ одного или другаго способа, при помощи коего оно было достигнуто. Въ этомъ отношеніи комиссія не нашла возможнымъ допустить какія либо ограничительныя указанія; поэтому, подъ дѣйствіе ст. 37 подойдетъ не только лишеніе свободы посредствомъ физическаго насилія, но и лишеніе свободы посредствомъ угрозы или даже посредствомъ обмана, хитрости. *Исключеніе составляютъ тѣ способы и условія, которыя, по 38 и 39 ст. дѣлаютъ лишеніе свободы квалифицированнымъ*. Слѣдовательно, подъ 37 ст. подойдутъ всѣ случаи лишенія свободы вообще, и въ томъ числѣ и указанныя въ 39 ст., если только они не совершены однимъ изъ перечисленныхъ въ ней способовъ; 39 же статья потребуетъ для своего примѣненія не только особенныхъ качествъ объекта и мѣста. содержанія, но и тѣ спеціальныя способы содѣянія, которые въ ней указаны. Впрочемъ, согласно ли это толкованіе, въ дѣйствительности, съ взглядомъ „Объясненій“, я не берусь рѣшить. Если оно не согласно, то необходимо измѣнить теперешнюю редакцію 39 ст., которая можетъ дать поводъ къ такому серьезному недоразумѣнію; если же, напротивъ, оно согласно, то нельзя не сказать, что подобное различіе въ составѣ 37 и 39 ст. лишено всякаго основанія, ибо, какъ мнѣ кажется, нельзя представить ни одного вѣскаго доказательства, почему въ 39, а не въ 37 ст. уместны ограничительныя указанія на способъ совершенія. Всѣ тѣ соображенія, которыя по этому поводу могутъ быть выставлены въ отношеніи одной изъ указанныхъ статей, должны, по самому содержанію своему, цѣликомъ относиться и къ другой.

По моему мнѣнію, было бы вообще цѣлесообразнѣе уничтожить вовсе 39 статью, какъ отдѣльное постановленіе, и прибавить ко 2-му пункту 37 статьи указаніе на приведенные въ ней квалифицирующія обстоятельства, съ изложениемъ его, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: „Если же задержаніе или заключеніе продолжалось свыше четырехъ недѣль, или если лицо завѣдомо неодолимое душевною болѣзнію, помѣщено и задержано въ больницѣ умалишенныхъ,

или лицо женскаго пола, невнесенное въ списокъ публичныхъ женщинъ, въ домѣ терпимости, то виновный и т. д. ¹⁾. Наказаніе, назначенное нынѣ въ 2 п. 37 ст.—исправительный домъ, безъ указанія низшаго размѣра, могло бы быть признано достаточно строгимъ и за предусмотрѣнные въ 39 ст. случаи, такъ какъ согласно 47 ст. и за похищеніе лица женскаго пола для непотребства, каковой проступокъ имѣеть много общаго съ помѣщеніемъ такого же лица въ домѣ терпимости, назначается исправительный домъ не свыше трехъ лѣтъ.

Ст. 40. „Объясненія“ (стр. 277) говорятъ, что подъ состояніемъ рабства слѣдуетъ понимать всякое положеніе, въ которомъ человѣкъ утрачиваетъ возможность распоряжаться собою. Но подобное толкованіе „рабства“ слишкомъ обширно; достаточно указать на лишеніе свободы заключеніемъ въ монастырь, которое, разумѣется нельзя приравнивать къ рабству, хотя и здѣсь потерпѣвшій можетъ быть окончательно лишенъ всякой возможности самораспоряженія. Поэтому, слѣдовало бы прибавить къ 40 статьѣ указаніе на передачу вообще въ такое состояніе, въ которомъ потерпѣвшій лишается возможности распоряжаться самимъ собою. Примѣры такихъ постановленій находимъ въ иностранныхъ законодательствахъ. Такъ напр., прежнее баденское уложеніе говорило о рабствѣ или о подобномъ состояніи отсутствія свободы (Unfreiheit); проектъ австрійскаго уложенія упоминаетъ о лишеніи свободы для передачи въ рабство или для содержанія въ противозаконной зависимости въ такомъ мѣстѣ, гдѣ потерпѣвшій лишонъ защиты государства ²⁾.

Спрашивается затѣмъ, не слѣдуетъ ли прибавить, по примѣру иностранныхъ законодательствъ, еще и указанія на другія цѣли лишенія свободы, а именно на обращеніе потерпѣвшаго въ иностранную военную и морскую службу,

¹⁾ Продолжительность содержанія въ этихъ двухъ случаяхъ, какъ вѣрно замѣчаютъ Объясненія (стр. 275), особеннаго значенія не имѣетъ.

²⁾ Ст. 240 втораго проекта.

или на бросаніе его на произволъ судьбы? Первое постановленіе представляется, по моему мнѣнію, безспорно полезнымъ. Что же касается до втораго, то цѣлесообразность его вызвала, какъ извѣстно, въ нѣмецкой юридической литературѣ большіе споры, окончательный выводъ коихъ однако склоняется въ пользу его, такъ какъ оно относится одинаково къ лишенію свободы не только взрослыхъ, но и дѣтей, вслѣдствіе чего, въ случаѣ отмѣны его, *не оказалось бы статьи, специально предусматривающей случаи лишенія свободы дѣтей съ цѣлью оставленія ихъ безъ помощи.* Эти же соображенія примѣняются и къ нашему проекту, ибо въ указанномъ случаѣ можно было бы теперь примѣнить лишь общія статьи о лишеніи свободы (31 и 41). Наконецъ, мнѣ важется, что и самая редакція 40 статьи „виновный въ лишеніи свободы продажою или передачею въ рабство“, должна быть измѣнена примѣнительно къ редакціи соотвѣтствующихъ статей германскаго уложенія и австрійскаго проекта „кто хитростью, угрозою или силою завладѣетъ человѣкомъ, для того, чтобы обратить его въ рабство“....

Такое измѣненіе редакціи не есть только переставленіе словъ, а имѣетъ весьма серьезное значеніе для самаго состава преступленія; а именно, при теперешней редакціи проекта, настоящее преступное дѣяніе будетъ окончено, когда потерпѣвшій будетъ проданъ или переданъ въ рабство; поэтому, напр., при часто повторяющихся у насъ случаяхъ продажи молодыхъ дѣвушекъ въ рабство или гаремы въ Турцію, преступленіе будетъ окончено лишь въ Турціи, съ момента продажи или передачи ихъ. Слѣдовательно, виновный, застигнутый съ своими жертвами на пароходѣ, отплывшемъ уже или готовомъ отплыть въ Константинополь, будетъ виновенъ только въ покушеніи. Если, наоборотъ, принять редакцію герман. улож., то преступленіе будетъ окончено съ момента лишенія потерпѣвшихъ свободы, безразлично, — достигнута или нѣтъ цѣль, для которой оно послѣдовало. Слѣдовательно, виновный будетъ отвѣчать за оконченное преступленіе, хотя бы онъ былъ застигнутъ еще въ Россіи, если только онъ ли-

шилъ своихъ жертвъ свободы съ указанною въ 40 ст. цѣлью. Поэтому и редакція герман. улож. является болѣе практичною, такъ какъ при существованіи теперешняго текста 40 ст. наказаніе за оконченное преступленіе будетъ возможно лишь въ немногихъ случаяхъ.

Ст. 41. Возраженія вызываются опредѣленіемъ возраста объекта преступленія. Германское уложеніе говоритъ о похищеніи несовершеннолѣтняго лица, т. е. согласно закону отъ 9 декабря 1869 г., недостижнаго 21-го лѣтняго возраста; то же постановленіе встрѣчается въ голландскомъ уложеніи и въ австрійскомъ проектѣ; венгерское уложеніе наказывается за похищеніе ребенка моложе 14 лѣтъ. Такимъ образомъ, всѣ приведенные кодексы допускаютъ наказаніе похищенія при болѣе зрѣломъ возрастѣ объекта, чѣмъ 41 ст. Кажется, что подобный взглядъ правиленъ, ибо дѣяніе это можетъ сдѣлаться ненаказуемымъ лишь съ того времени, съ котораго согласіе похищеннаго можетъ имѣть юридическое значеніе; поэтому нужно признать, что похищеніе малолѣтнихъ должно быть наказуемо пока они не достигли 17 лѣтъ, т. е. того возраста, въ которомъ согласно 38 ст. общ. ч. проекта, разумнѣе уже предполагается.

Независимо отъ сего, слово „нищенство“ можетъ быть исключено, потому что оно предусматривается уже „корыстною цѣлью“.

Ст. 42. „Объясненія“ (стр. 285) говорятъ, что „самый возрастъ ребенка въ ст. 42 выбранъ ниже того, который принять при похищеніи или удержаніи дѣтей, на томъ основаніи, что, по существу этого проступка, онъ можетъ быть предпринять только по отношенію къ дѣтямъ младшаго возраста, которыхъ индивидуальныя признаки еще мало выяснились, такъ что даже иногда самые близкіе люди легко могутъ принять одного за другаго“. Но трудно утверждать, чтобы индивидуальныя признаки дѣтей выяснились только послѣ семилѣтняго возраста; думаю, что всѣ родители и вообще всѣ лица, занимающіяся дѣтьми, подтвердятъ противоположное. Поэтому, если руководствоваться только приведенными сообра-

женіями, то необходимо уменьшить опредѣленный настоящей статьєю возрастъ до трехъ или четырехъ лѣтъ. Но мнѣ кажется, что самыя соображенія эти не полны и не исчерпываютъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, ибо иногда, напр., если ребенокъ съ самаго рожденія жилъ не съ родителями, подмѣнъ дѣтей возможенъ и позже, даже когда жертвѣ болѣе семи лѣтъ. Поэтому, было бы, можетъ быть, правильнѣе говорить въ 42 ст. о подмѣнѣ дѣтей вообще, не опредѣляя возраста ихъ.

Ст. 43. Къ этой статьѣ примѣняется сказанное при разсмотрѣніи 41 ст. объ опредѣленіи возраста объекта преступленія.

Ст. 44 обусловливаетъ наказуемость указаннаго въ ней дѣянія недостиженіемъ ребенкомъ семилѣтняго возраста. Между тѣмъ обстоятельство это является, какъ мнѣ кажется, не особенно существеннымъ, ибо виновность будетъ всегда на лицо, если ребенокъ найденъ при условіяхъ, свидѣтельствующихъ, что онъ фактически не находится подъ чьею либо охраною, и что онъ самъ, безъ посторонней помощи, не можетъ отыскать лицъ, долженствовавшихъ имѣть о немъ попеченіе. Въ такомъ положеніи, очевидно, можетъ находиться и ребенокъ старше 7-ми лѣтъ; слѣдовательно, ставить въ данномъ дѣяніи наказуемость въ зависимость отъ того, что ребенокъ еще не достигъ этого возраста, значитъ обусловливать виновность обстоятельствомъ совершенно случайнымъ и неимѣющимъ никакой связи съ самымъ существомъ разсматриваемаго дѣянія. Поэтому, я полагалъ бы и здѣсь вовсе исключить опредѣленіе возраста, предоставивъ суду, въ каждомъ данномъ дѣлѣ, рѣшить, насколько обвиняемый можетъ отвѣчать за „оставленіе“ у себя ребенка.

Ст. 45 наказываетъ отдачу ребенка „для нищенства, бродяжества или противонравственной цѣли“, причемъ „Объясненія“ (стр. 293) говорятъ, что подъ бродяжничествомъ слѣдуетъ понимать „переходъ изъ одного мѣста въ другое, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, какъ напримѣръ, съ странствующими цыганами, бѣгунами“. По такому разъясненію слова

бродяжничества, подъ него не могутъ подходить т. наз. бродячія профессіи, и, слѣдовательно, отдача ребенка акробатамъ, фокусникамъ, директору цирка и т. под. не можетъ быть подведена подъ дѣйствіе настоящей статьи, хотя она, несомнѣнно, настолько же преступна, какъ и отдача въ нищенство и т. д. Поэтому и такъ какъ 46 ст. къ подобнымъ случаямъ примѣнена быть не можетъ, ибо нѣтъ закона, устанавливающаго для подобныхъ занятій извѣстные возрастные сроки, то слѣдовало бы согласовать редакцію 45 ст. съ редакціею 2 п. 41 ст., т. е. прибавить послѣ слова „или“ слово „корыстной, или“, причемъ слово нищенство, какъ излишнее, могло бы быть исключено. Независимо отъ сего, является и здѣсь вопросъ о возрастѣ; по моему мнѣнію не слѣдуетъ ограничивать наказуемость этого проступка отдачею и т. д. дѣтей менѣе 12 лѣтъ; кажется, что отдача для нищенства 15 лѣтней дѣвушки можетъ быть гораздо безнравственнѣе и преступнѣе, чѣмъ отдача 11 лѣтней.

Ст. 46 вовсе не относится къ главѣ о лишеніи свободы, ибо заключаетъ въ себѣ нарушеніе извѣстныхъ правилъ о сохраненіи народнаго здравія. Послѣдствіемъ же невѣрнаго причисленія этого дѣянія къ нарушеніямъ свободы является то обстоятельство, что настоящая статья обнимаетъ не всѣ нарушенія закона отъ 1 іюня 1882 года, а лишь нѣкоторые изъ нихъ, такъ что, напр., занятіе малолѣтнихъ до 15 лѣтъ работою ночью, между 9-ю часами вечера и 5-ю часами утра, или болѣе 8 часовъ въ сутки, является пока ненаказуемымъ. Трудно предполагать, чтобы таково было намѣреніе законодателя и, поэтому, вѣроятно, что постановленія о наказаніи сихъ дѣяній будутъ помѣщены въ другомъ отдѣлѣ; но тогда постановленія, имѣющія между собою неразрывную связь, будутъ отдѣлены другъ отъ друга безъ всякой серьезной необходимости, что, разумѣется, вполнѣ неправильно.

Ст. 47, по моему мнѣнію, также не относится къ настоящей главѣ, такъ какъ самою существенною частью состава ея является цѣль — непотребство. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, похищеніе есть только средство совершенія преступнаго

дѣянія, направленнаго противъ цѣломудрія, почему и самое дѣяніе относится къ нарушеніямъ женской чести, а не къ нарушеніямъ личной свободы. Иначе, какъ вѣрно замѣчаетъ Geyer, (Verbrechen gegen die persoenliche Freiheit у Holtzendorf, III, стр. 608) нѣтъ никакого основанія выдѣлять похищеніе для непотребства въ особенное преступное дѣяніе, ибо какъ только указанная цѣль отодвигается на задній планъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ общимъ преступленіемъ похищенія.

Независимо отъ этихъ общихъ соображеній, принадлежность настоящаго проступка къ 6 главѣ проекта о непотребствѣ доказывается еще и самымъ содержаніемъ 47 ст., въ которой наказывается опредѣляется по возрасту потерпѣвшей, принятому для наказуемости непотребства. Слѣдовательно, правильность или неправильность этихъ опредѣленій возможно будетъ установить только при разсмотрѣніи дѣяній, изложенныхъ въ 59 и слѣдующихъ статьяхъ. Теперь же, при разсмотрѣніи главы о посягательствахъ на личную свободу, мы находимся, такъ сказать, въ области неизвѣстнаго, ибо намъ пока незнакомы ни основанія опредѣленія, принятаго 47 ст. возрастнаго размѣра, ни соображенія, коими эти основанія оправдываются.

Поэтому, пока 47 ст. будетъ относиться къ посягательствамъ на личную свободу, при опредѣленіи возраста жертвы, насколько оно можетъ имѣть значеніе для опредѣленія наказуемости, должны быть приняты во вниманіе лишь правила, относящіяся къ указанному виду преступныхъ дѣяній, а не тѣ, которыя примѣняются къ непотребству. Слѣдовательно, и такъ какъ при разборѣ 41 ст. я уже старался доказать, что подъ эту статью должны быть подведены всѣ случаи похищенія малолѣтнихъ до семнадцати лѣтъ, то я полагалъ бы въ 47 ст. слова „отъ 12 до 16 лѣтъ безъ ея согласія, или хотя съ ея согласія, но по употребленію ее во зло ея невинности“, какъ излишнія. исключить, а слова „старше 16-ти“ и т. д. замѣнить словами „старше 17-ти“. Тогда наказуемость по 47 будетъ приведена въ согласіе съ постановленіями общей части о вмѣняемости, примѣняющимся и къ посягатель-

ствамъ на личную свободу. Всѣ случаи похищенія малолѣтнихъ, безъ различія цѣли, отойдутъ къ 41 ст., а ненаказуемое, по общему правилу, похищеніе лица женскаго пола, вѣняемость котораго по возрасту предполагается, сдѣлается преступнымъ, если оно было совершено съ спеціальною, указанною въ 47 цѣлью.

Бромѣ того, по примѣру венгерскаго уложенія и австрійскаго проекта, необходимо распространить дѣйствіе 47 ст. и на удержаніе или сокрытіе лица женскаго пола для непотребства, такъ какъ такое дѣяніе настолько же преступно, какъ и похищеніе.

Ст. 48. Въ 1 части этой статьи предусматривается дѣяніе, заключающееся не въ посягательствѣ на личную свободу, а въ нарушеніи правъ родителей относительно ихъ согласія на бракъ дѣтей (Объясненія стр. 301); слѣдовательно и это дѣяніе не относится къ настоящей главѣ.

Ст. 49. Мнѣ кажется, что въ этой статьѣ, наравнѣ съ 50, слѣдовало бы упомянуть, что преступное дѣяніе можетъ быть совершенно посредствомъ злоупотребленія власти или угрозы таковымъ злоупотребленіемъ, такъ какъ одно дисциплинарное взысканіе, какъ это предполагаютъ „Объясненія“ (стр. 311,) можетъ оказаться недостаточною карою виновнаго.

Слова „покушеніе наказуемо“ должны быть помѣщены непосредственно послѣ 1 части 49 ст.; при теперешней редакціи является сомнѣніе, не относятся ли эти слова и къ 2 ч. разбираемой статьи, и не постановлено ли здѣсь, такимъ образомъ, исключеніе изъ общаго правила 44 ст. общей части проекта.

Ст. 51. Дѣйствіе этой статьи должно быть, по моему мнѣнію, распространено и на принужденіе къ забастовкѣ *сельскихъ* рабочихъ. Мнѣніе „Объясненій“ (стр. 323), что при обыкновенныхъ условіяхъ опасный для общества характеръ, въ виду многочисленности участниковъ, могутъ имѣть только забастовки заводскихъ или фабричныхъ работниковъ, едва ли правильно; и въ забастовкѣ сельскихъ рабочихъ (напр. въ

большихъ имѣніяхъ) можетъ участвовать весьма большое число лицъ, и благодаря общности и одинаковости условій быта сельскихъ рабочихъ, подобныя забастовки весьма легко могутъ принимать гораздо болѣе обширные размѣры и распространяться далѣе и скорѣе, чѣмъ забастовки на фабрикахъ или заводахъ.

Ст. 52 и 53. Статьи эти, по моему мнѣнію, слѣдовало соединить, т. е. измѣнить назначенное 52 ст. наказаніе, исключеніемъ словъ „на срокъ не свыше одного мѣсяца,“ и затѣмъ вовсе исключить 53 ст. Причины тѣ же, которыя я уже указалъ при разборѣ 1 и 2 ст., т. е. невозможность перечислить въ законѣ всѣ обстоятельства, которыя могутъ квалифицировать извѣстное дѣяніе. Независимо отъ сего, при теперешней редакціи 53 ст., слова „и при томъ“ въ 3 п. должны быть замѣнены словомъ „или“ ибо, какъ мнѣ кажется каждое изъ указанныхъ обстоятельствъ (угрозы на письмѣ или убійствомъ или поджогомъ) можетъ и безъ соединенія съ другими настолько квалифицировать основное дѣяніе, чтобы допустить болѣе строгое наказаніе, т. е. арестъ и свыше одного мѣсяца.

Ст. 54—56. „Объясненія“ (стр. 340) говорятъ, что подъ жилимъ помѣщеніемъ слѣдуетъ понимать жилище, т. е. „какое либо мѣсто, въ коемъ, во время вторженія, кто либо имѣетъ жительство, будетъ ли это предназначенное или приспособленное къ тому помѣщеніе, домъ, изба, или же вообще какое либо выбранное для сего помѣщеніе, какъ баня, амбаръ“, а подъ помѣщеніемъ нежилымъ—„помѣщеніе, не служащее для жилья, но или составляющее какую либо часть домового хозяйства, каковы напр. амбары, погреба, конюшни, сараи и вообще службы, или служащее мѣстомъ для производства работъ или занятій лица—мастерскія, кузницы, лавки, или даже просто для украшенія владѣнія — бесѣдки, бюски и т. п. Слѣдовательно, къ нежилымъ помѣщеніямъ должны быть отнесены помѣщенія дѣловыя (Geschäftsräume) и помѣщенія, предназначенныя для публичнаго пользованія, для служебныхъ занятій и т. д. Поэтому, если виновный втор-

гается съ насиліемъ противъ сторожа въ канцелярію суда, то, согласно 55 ст., онъ будетъ подлежать аресту или денежной пенѣ не свыше 500 руб., если же онъ вторгается, при тѣхъ же условіяхъ, въ квартиру самого сторожа, то онъ будетъ наказанъ тюремой; другими словами—то обстоятельство, что помѣщеніе назначено для публичныхъ или служебныхъ цѣлей является обстоятельствомъ уменьшающимъ вину. Это постановленіе проекта едва ли можетъ быть признано удачнымъ. Далѣе, по моему мнѣнію, непонятно, почему вторженіе въ помѣщенія дѣловыя, напр. конторы, промысловыя или фабричныя заведенія, должно считаться менѣе преступнымъ вторженія въ жилия помѣщенія. При этомъ однако я не могу не согласиться съ приведеннымъ въ „Объясненіяхъ“ (стр. 339) мнѣніемъ John'a, что всѣ случаи вторженія въ публичныя мѣста, собственно говоря, не заключаютъ въ себѣ нарушенія домового права и не относятся къ группѣ посягательствъ на права частныхъ лицъ, а виновный долженъ былъ бы быть наказанъ или за нарушение порядка въ общественныхъ собраніяхъ, или за неисполненіе или даже сопротивленіе распоряженіямъ органовъ власти.» Поэтому, я полагалъ бы, съ одной стороны, исключить изъ 55 ст. слово публичное, и помѣстить всѣ случаи вторженія въ публичныя мѣста въ другихъ главахъ особенной части, а съ другой—прибавить въ 54 ст. указаніе на дѣловыя помѣщенія (Geschäftsräume).

Но этимъ измѣненіемъ текста 54 и 55 ст. нельзя ограничиться. Я уже не хочу говорить объ томъ, что при теперешней редакціи этихъ статей могутъ явиться основательныя сомнѣнія по вопросу о томъ, подъ какую изъ нихъ слѣдуетъ подвести вторженіе въ нежилое помѣщеніе, находящееся въ общей оградѣ съ жилымъ, хотя и этотъ вопросъ, разумѣется, не лишенъ серьезнаго значенія. Значительно важнѣе является основной вопросъ, насколько цѣлесообразно вообще раздѣленіе случаевъ вторженія на два разные отдѣла? Основаніемъ преступности дѣяній, предусмотрѣнныхъ разбираемыми статьями, служитъ нарушеніе права хозяина на исключительное распоряженіе своимъ жилищемъ, помѣ-

щеніемъ или огороженнымъ мѣстомъ; между тѣмъ, сказать, что вторженіе въ такое-то помѣщеніе, или въ такое-то мѣсто *всегда и абсолютно* болѣе преступно, чѣмъ вторженіе въ другое какое либо помѣщеніе или мѣсто, невозможно; такъ напр., вторженіе въ небольшой городской садъ, хотя и находящійся въ особой оградѣ, несомнѣнно будетъ болѣе серьезнымъ нарушеніемъ правъ хозяина, чѣмъ вторженіе въ отдаленный уголъ громаднаго деревенскаго парка, хотя-бы и находящагося въ общей связи съ жилымъ помѣщеніемъ садовника.

Поэтому, мнѣ казалось бы правильнымъ соединить 55 и 54 статьи въ одну, такъ, чтобы она обнимала вторженіе въ жилия и нежилыя (въ томъ числѣ и дѣловыя) помѣщенія и во всякія огороженные мѣста, причѣмъ наказаніемъ можетъ быть назначена тюрьма, арестъ или денежная пеня. Въ пользу этого соединенія говоритъ и то обстоятельство, что указанное 2 частью 54 статьи увеличивающее вину обстоятельство относится одинаково какъ къ 54, такъ и къ 55 статьѣ; по крайней мѣрѣ я не понимаю, почему, напр., вторженіе ночью нѣсколькихъ лицъ въ городской фруктовый садъ квалифицируетъ дѣяніе только въ томъ случаѣ, если садъ этотъ находится въ общей оградѣ съ жилымъ помѣщеніемъ.

Неменѣе важнымъ вопросомъ является опредѣленіе *способа дѣйствія* при вторженіи; прежде всего слѣдуетъ указать на неточность редакціи 54 ст., въ которой сказано: „посредствомъ насилія надъ личностью наказуемой угрозы“. Очевидно, что наказуема не личность, а угроза, и что наказуемая угроза составляетъ особый способъ вторженія, въ различіе отъ насилія надъ личностью. Поэтому запятая между словами „личностью“ и „наказуемой“, должна быть замѣнена словомъ „или“. Но существенный вопросъ заключается здѣсь въ томъ, слѣдуетъ ли ограничить наказуемость вторженія лишь тѣми случаями, когда оно совершено посредствомъ насилія или угрозы, или же наоборотъ, слѣдуетъ ли признать преступными и всѣ тѣ вообще случаи, когда вторженіе представляется противозаконнымъ? Проектъ, какъ извѣстно, принялъ первое положеніе и „Объясненія“ (стр.

344), въ оправданіе такого взгляда, говорятъ, что проиженіе, несоединенное съ какимъ либо инымъ преступнымъ дѣяніемъ, не представляетъ само по себѣ достаточно оснований для наказуемости. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться весьма трудно. Если вообще признать, что извѣстное лицо имѣетъ право исключительнаго распоряженія помѣщеніемъ или мѣстомъ, то нельзя не признать и слѣдующій изъ сего положенія выводъ, а именно: что оно имѣетъ право требовать, чтобы это исключительное распоряженіе его было уважено всѣми другими и защищено, въ случаѣ нарушенія, государствомъ. Поэтому, противозаконность вторженія или проиженія будетъ заключаться не въ насиліяхъ или угрозахъ, а въ самомъ нарушеніи права исключительнаго распоряженія потерпѣвшаго, при чемъ для наказуемости необходимо лишь то, чтобы потерпѣвшій выразилъ во-время свою волю относительно исключительнаго распоряженія жилищемъ, или чтобы хоть существовало основаніе предполагать эту волю, въ виду извѣстныхъ дѣйствій его, напр. замкнутія нежилаго помѣщенія, обнесенія мѣста оградой и т. под. Сопровождающія же вторженіе случайныя и побочныя обстоятельства, если сами по себѣ представляютъ составъ самостоятельнаго преступнаго дѣянія, должны служить поводомъ для примѣненія правилъ о совокупности, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ обуславливать преступность основнаго дѣянія.

Поэтому представляется самая настоятельная необходимость распространить, по примѣру германскаго и венгерскаго уложеній, наказуемость на всѣ случаи противозаконнаго вторженія; иначе пришлось бы признать, что законъ оставляетъ безъ защиты одну изъ существенныхъ частей права владѣнія или собственности, что, въ свою очередь, не могло бы не вызвать, съ одной стороны, довольно странное понятіе о собственности вообще у тѣхъ, которые таковой не владѣютъ, а съ другой—недовѣріе къ государству со стороны лицъ болѣе зажиточныхъ ¹⁾.

¹⁾ Трудно себѣ представить, напр., что нибудь болѣе глупое и комическое,

Противъ сказаннаго можно, пожалуй, возражать, что 56 ст. наказываетъ не оставленіе чужаго помѣщенія или мѣста, несмотря на требованія хозяина, и что ему этимъ дается полная возможность защиты своего жилища и т. д. Но такое возраженіе было бы совершенно ошибочно, не говоря уже о томъ, что именно эта статья признаетъ несуществующее и противорѣчащее всѣмъ основнымъ юридическимъ понятіямъ право вторженія въ чужую собственность. Достаточно указать на слѣдующіе случаи: 1) въ непосредственномъ сосѣдствѣ города находится усадьба или дача съ садомъ или паркомъ (разумѣется огороженнымъ), который составляетъ для низшихъ классовъ излюбленное мѣсто прогулокъ. Собственникъ дачи однако на это не согласенъ, но по системѣ проекта не имѣетъ законной возможности запретить непрошенымъ гостямъ перелѣзаніе черезъ заборъ или другіе подобные способы вторженія; и вотъ, злополучный хозяинъ, увидѣвши, что въ одномъ концѣ парка, находится незаконный посѣтитель, отправляется туда, чтобы предложить ему немедленно удалиться, тотъ исполняетъ это требованіе, но во время этихъ переговоровъ въ другихъ частяхъ парка явились новые гости; хозяинъ обращается къ ближайшему, затѣмъ ко второму и т. д., но потребовавъ, наконецъ, отъ десяти. чтобы они удалились, онъ убѣждается, что еще сто чело-вѣкъ, на законномъ основаніи, гуляютъ въ его паркѣ, и что даже и тѣ, которые по его требованію удалились, собираются, тоже на законномъ основаніи, вновь перелѣзть чрезъ заборы, ибо собственникъ можетъ только требовать удаленія, но не имѣетъ права запретить возвращеніе? Можно ли въ подобныхъ случаяхъ говорить о защитѣ права хозяина? 2) Усадьба, садъ или дача лежатъ на прямой линіи между двумя населенными мѣстностями, жителямъ которыхъ

какъ положеніе собственника, который видя, что въ его садъ, чрезъ заборъ, перелѣзаетъ команда босоногихъ, не только обязанъ спокойно терпѣть это (ибо перелѣзаніе чрезъ заборъ не есть ни насиліе надъ личностью, ни являющаяся угроза), но и для преслѣдованія вторгающихся долженъ выждать, чтобы его привели.

гораздо удобнѣе пройти черезъ усадьбу, чѣмъ сдѣлать кругъ при обходѣ ея; хозяину однако это вовсе не нравится, и поэтому онъ требуетъ отъ перваго, встрѣтившагося ему, чтобы онъ немедленно удалился; тотъ дѣйствительно и удаляется, только не въ ту сторону, съ которой пришелъ; слѣдовательно онъ совершенно легальнымъ путемъ прошелъ, хотя и противъ желанія хозяина, чрезъ его усадьбу (разумѣется огороженную); его примѣру послѣдуетъ второй и третій и т. д. и хозяину остается только мириться съ мыслью, что его усадьба или садъ обратятся, по желанію сосѣдей, въ большую дорогу. Было бы нетрудно увеличить число подобныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, но и приведенныхъ достаточно, чтобы убѣдиться, что разбираемыми статьями вовсе не ограждаются законныя права собственника.

Ст. 57. „Объясненія“ (стр. 348) говорятъ, что внесеніе этого постановленія (т. е. уголовно наказуемаго нахожденія въ чужомъ помѣщеніи) въ наше право „было бы желательно въ интересахъ личной безопасности, въ особенности въ виду безнаказанности, въ большинствѣ личныхъ и имущественныхъ преступленій, приготовительныхъ дѣйствій, къ числу коихъ относятся и нахожденіе въ жилищѣ, безъ согласія на то хозяина. Это мнѣніе безусловно правильно, но нѣтъ, по моему мнѣнію, никакого основанія ограничить примѣненіе его къ случаямъ нахожденія виновнаго въ жиломъ помѣщеніи. Очевидно, что тѣ же соображенія требуютъ и наказанія виновнаго въ случаѣ нахожденія его при указанныхъ 57 ст. условіяхъ въ нежиломъ помѣщеніи, въ которомъ находится разное имущество, или изъ котораго онъ можетъ проникнуть въ другія жилища помѣщенія, или же хоть въ огороженномъ мѣстѣ, которое ему представляетъ тѣ же удобства для проникновенія въ чужое помѣщеніе, или которое, по самому свойству своему (напр. фруктовый садъ), даетъ основаніе предполагать, что виновный проникъ туда съ намѣреніемъ совершить противозаконное дѣяніе. Поэтому и нельзя согласиться съ мнѣніемъ „Объясненій“ (стр. 349) что входъ или пребываніе ночью въ помѣщеніи нежиломъ, огороженномъ

дворѣ или иномъ подобномъ мѣстѣ, хотя бы и безъ вѣдома и согласія хозяина, сами по себѣ, не могутъ служить достаточнымъ поводомъ для примѣненія уголовной кары. Но даже если бы это мнѣніе было правильно съ теоретической точки зрѣнія, что я однако отрицаю самымъ рѣшительнымъ образомъ, то и тогда нужно было обратить вниманіе на практическую сторону дѣла. Нельзя требовать отъ хозяина, который находитъ ночью въ своемъ огороженномъ и запертомъ дворѣ вооруженнаго или хотя невооруженнаго человѣка, чтобы онъ отнесся къ этому факту совершенно безразлично, и удовлетворился дарованной ему 56 ст. возможностью просить неизвѣстнаго гостя удалиться. Можно, напротивъ, съ увѣренностью сказать, что каждый усмотритъ въ подобномъ фактѣ (т. е. въ нахожденіи ночью чужаго человѣка у себя на дворѣ) весьма серьезную угрозу своимъ имущественнымъ и личнымъ интересамъ. Нельзя не признать, что таковой взглядъ представляется вполне естественнымъ и справедливымъ. Поэтому мнѣ казалось бы необходимымъ расширить дѣйствіе 57 ст. согласно вышеизложеннымъ указаніямъ.

Наконецъ, помимо всего того, что мнѣ приходилось говорить о 54—57 ст., слѣдуетъ еще указать на то, что предусмотрѣнныя ими противозаконныя дѣянія (какъ и нѣкоторыя другія, помѣщенныя въ этой главѣ, объ которыхъ рѣчь была ранѣе) вовсе не относятся къ посягательствамъ на личную свободу. По моему мнѣнію они могли бы быть помѣщены, какъ въ Венгерскомъ уложеніи, въ особую главу: нарушеніе неприкосновенности жилища.

Ст. 58, опредѣляющая, какія изъ указанныхъ въ V главѣ противозаконныхъ дѣяній преслѣдуются и наказываются не иначе какъ по жалобѣ, вызываетъ тоже нѣсколько возраженій. Прежде всего, къ этимъ дѣяніямъ, т. е. къ группѣ „уголовно-частныхъ преступленій“, какъ выражаются „Объясненія“, отнесена и 39 ст. въ которой, какъ мы видѣли выше, предусматривается одинъ изъ квалифицированныхъ видовъ лишенія свободы. Между тѣмъ всѣ остальные случаи того же дѣянія, предусмотрѣнные 37 и 38 ст., наказываются *ex officio*.

Поэтому едва ли представляется основание отказаться от этого правила въ отношеніи 39 ст., тѣмъ болѣе, что помѣщеніе и содержаніе завѣдомо неодолимаго душевной болѣзнью въ больницѣ умалишенныхъ, или лица женскаго пола въ домѣ терпимости, составляетъ далеко не нарушеніе одного частнаго блага, а несомнѣнно нарушаетъ весьма серьезнымъ образомъ и общественные интересы. Далѣе, нельзя не обратить вниманія на то, что дѣяніе, предусмотрѣнное 1 частью 50 статьи, непомѣщено въ числѣ тѣхъ, которыя преслѣдуются только по жалобѣ. Между тѣмъ, мнѣ кажется, что всѣ тѣ соображенія, которыя говорятъ въ пользу неофициальнаго преслѣдованія указаннаго въ 49 статьѣ проступка, относятся цѣликомъ и къ 1-му пункту 50-й статьи.

Наконецъ является серьезное сомнѣніе относительно преслѣдованія по жалобѣ дѣянія, предусмотрѣннаго въ 55 статьѣ, насколько оно относится къ вторженію въ публичныя помѣщенія или мѣста. На это указалъ уже John въ вышеприведенной статьѣ. Кто можетъ приносить жалобу, напр., въ томъ случаѣ, если виновный вторгнулся въ помѣщеніе, занятое канцеляріей окружнаго суда? Писецъ ли, случайно находившійся въ томъ помѣщеніи, секретарь ли, какъ его ближайшій начальникъ, или предсѣдательствующій въ томъ отдѣленіи, къ которому принадлежитъ помѣщеніе, или предсѣдатель суда, или же, наконецъ, смотритель зданія? Затрудненіе возникаетъ здѣсь вслѣдствіе того, что во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ настоящаго хозяина, интересы и воля котораго нарушались бы вторженіемъ; поэтому не можетъ быть рѣчи о нарушеніи какихъ либо частныхъ интересовъ и дѣянія эти должны быть преслѣдуемы *ex officio*.

Не менѣе важенъ вопросъ о томъ, можетъ ли быть допущено примиреніе безразлично по всѣмъ дѣяніямъ, перечисленнымъ 58 статьей?

Примѣняясь къ соображеніямъ, высказаннымъ выше, при разборѣ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ настоящей главѣ проекта, мнѣ кажется, что примиреніе не должно быть допущено, или, вѣрнѣе, можетъ допущено только въ продолженіи

известнаго короткаго срока, какъ я это предполагалъ при разборѣ 62 ст. общ. ч. пр. при проступкахъ, предусмотрѣнныхъ 39-й, 1-мъ пунктомъ 49, 54, 55, 56 и 57-й ст.

Далѣе, въ редакціи 58 ст. должны быть примѣнены тѣ замѣчанія, которыя были высказаны при разборѣ 22 статьи.

Наконецъ, не могу не упомянуть о томъ, что, какъ я уже указалъ выше, въ „Объясненіяхъ“, подъ 58 ст. говорится объ уголовно-частныхъ преступленіяхъ. Само собою разумѣется, что „Объясненія“ и авторы ихъ вполне убѣждены, что ни частныхъ, ни уголовно-частныхъ преступленій въ XIX столѣтіи быть не можетъ. Но если относительно этого вопроса не можетъ быть спора, то зачѣмъ неправильною терминологіею вводить въ заблужденіе неопытныхъ юристовъ?

(окончаніе слѣдуетъ)

А. фонъ-Резонъ.

О НЕДОСТАТКАХЪ НАШИХЪ ГРАЖДАНОКИХЪ ЗАКОНОВЪ.

(1 ч. X т. продолженіе).

3-я глава 2-го раздѣла, 3-й книги.

Объ открытіи и принятіи наслѣдства и отреченіи отъ онаго.

Третья глава раздѣлена на 5 отдѣленій, изъ которыхъ 1-е содержитъ въ себѣ правила „объ открытіи наслѣдства“ (1222—1253), 2-е— „о принятіи наслѣдства и отреченіи отъ онаго“ (1254—1268), 3-е— „особенныя правила о порядкѣ наслѣдованія послѣ умершихъ чиновъ въ полкахъ войска Донскаго“ (1269—1278), 4-е— „объ открытіи наслѣдства и о порядкѣ наслѣдованія въ имуществѣ, остающемся въ губерніяхъ и областяхъ, на особыхъ правахъ состоящихъ, послѣ смерти уроженцевъ губерній, состоящихъ на общихъ, безъ мѣстныхъ изъятій, правахъ, и въ обратномъ случаѣ“ (1279—1286) и 5-е отдѣленіе, въ которомъ преподаны правила „объ открытіи наслѣдства и о порядкѣ наслѣдованія въ имуществѣ, остающемся послѣ лицъ, водворенныхъ въ имперіи, временно пребывающихъ въ Царствѣ Польскомъ или въ Финляндіи и послѣ лицъ, водворенныхъ въ Царствѣ Польскомъ или финляндцевъ, временно пребывающихъ въ имперіи“ (1287—1296 ст.).

Девять десятыхъ правилъ, заключающихся въ этихъ пяти отдѣленіяхъ представляются совершенно излишними, какъ въ этомъ легко убѣдиться посредствомъ краткаго обзора 3-й гла-

вы. Но помимо того, и тѣ правила, которыя являются существенными для опредѣленія права наслѣдованія по нашимъ законамъ, изложены крайне неудовлетворительно.

Первое отдѣленіе 3-й главы начинается съ 1222 статьи, которая поясняетъ, что наслѣдство открывается: 1) естественною смертію владѣльца и 2) лишеніемъ его всѣхъ правъ состоянія. Такое постановленіе, изложенное въ видѣ общаго правила, неточно. По нашему закону наслѣдство открывается еще въ двухъ другихъ случаяхъ: во 1-хъ, при жизни владѣльца имущества, когда его сынъ или дочь умрутъ, оставивъ послѣ себя въ живыхъ своего супруга (1151 и 1153 ст.), и во 2-хъ, при вступленіи въ монашество. Въ такой же мѣрѣ неудовлетворительно изложено и правило, содержащееся въ 1223 ст.; въ сущности, въ немъ не было нimalъшей надобности при надлежащей полнотѣ 1222 ст.

Затѣмъ, правила, изложенныя въ 1224 — 1238 статьяхъ, являются совершенно излишними, въ виду 1403 — 1408 ст. уст. гражд. суд. судебныхъ уставовъ Императора Александра II, изд. 1883 г., которыя установили болѣе раціональный порядокъ охраненія правъ наслѣдниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣнили собою эти правила для тѣхъ мѣстностей, гдѣ введены новыя судебныя учрежденія. Но самыми неудовлетворительными постановленіями 3-й главы являются правила о вызовѣ наслѣдниковъ и о значеніи этого вызова для ихъ наслѣдственныхъ правъ. Вмѣсто того, чтобы правила о вызовѣ наслѣдниковъ разсматривать лишь съ процессуальной точки зрѣнія, какъ тѣ мѣры, которыя представляются необходимыми для охраны наслѣдственныхъ правъ, возникшихъ въ силу смерти наслѣдодателя, и по существу своему ничѣмъ не отличающихся отъ всякихъ другихъ имущественныхъ правъ, составители X т. въ этихъ правилахъ пожелали дать нѣчто болѣе. Отсюда произошла путаница понятій и несообразность однихъ постановленій закона съ другими. Такъ, прежде всего, нельзя себѣ ничѣмъ объяснить, почему находящіеся на лицѣ наслѣдники не имѣютъ права вступить въ наслѣдственные права до истеченія шестимѣсячнаго срока со дня послѣдней публикаціи о

вызовѣ отсутствующихъ наслѣдниковъ (1241 и 1240 ст.). Въ данномъ случаѣ, вмѣшательство публичной власти въ чисто частныя отношенія не только излишне, но и вредно, такъ какъ стѣсняетъ осуществленіе тѣхъ правъ частныхъ лицъ, которыя предоставлены имъ самимъ же закономъ (1254 ст.), гласящимъ, что *право на открывшееся наслѣдство принадлежитъ наслѣдникамъ съ самой смерти владѣльца*. Затѣмъ, еще менѣе находить себѣ оправданія правило 1242 ст., въ силу котораго сонаслѣдники въ наслѣдствѣ общаго имѣнія теряютъ свои права только тогда, когда не предъявляютъ ихъ въ теченіи десяти лѣтъ со дня послѣдней публикаціи о вызовѣ. Мы уже сказали, что наслѣдственные права, по своему существу, суть тѣ же имущественныя права, а потому нелогично и нецѣлесообразно срокъ для потери этихъ правъ устанавливать иной, чѣмъ тотъ, который указанъ въ 556—567 и приложеніи къ 694 ст. 1 ч. X тома. Общія правила относительно пріобрѣтательной и погасительной давности не должны терпѣть исключенія въ данномъ случаѣ, такъ какъ это не обусловливается ни интересами общегитія, ни существомъ самихъ наслѣдственныхъ правъ. Правило, изложенное въ 1242 ст. тѣмъ болѣе странно, что въ другихъ случаяхъ срокъ явки для полученія наслѣдства считается десятилѣтній не со дня дня публикаціи. Такъ, когда наслѣдственное имѣніе должно поступить къ одному наслѣднику, за неимѣніемъ другихъ (1242 и 1246 ст. и рѣш. сен. за 1874 г. № 166), а равно, когда наслѣдники находятся на лицѣ, или хотя и отсутствуютъ, но знаютъ объ открывшемся наслѣдствѣ, то срокъ явки считается десятилѣтній со дня смерти наслѣдодателя (1239, 1240 и 1246 ст. 1 ч. X т. и рѣш. за 1875 г. № 520, за 1877 г. № 265 и за 1879 г. № 333); при завладѣніи же сонаслѣдникомъ (почему не постороннимъ лицомъ?) всѣмъ наслѣдственнымъ имуществомъ, устанавливается срокъ для осуществленія остальными сонаслѣдниками своихъ наслѣдственныхъ правъ, десятилѣтній—съ момента завладѣнія имъ на правахъ собственника всѣмъ наслѣдствомъ (3 п. 1242 ст.). Такимъ образомъ, одними чисто внѣшними условіями, неимѣю-

ж. гр. и уг. пр. кн. III 1885 г.

щими никакой связи съ самымъ существомъ наслѣдственныхъ правъ, обусловлено, по закону, измѣненіе предѣльнаго срока для осуществленія и потери этихъ правъ.

Наконецъ, въ правилахъ о вызовѣ наслѣдниковъ обращаетъ на себя вниманіе 1247 ст., по которой иностранцамъ назначается почему-то не десятилѣтній, но двухлѣтній срокъ для предъявленія своихъ наслѣдственныхъ правъ. Это правило идетъ разрѣзъ съ 1218 ст., въ силу которой наслѣдственные права иностранцевъ опредѣляются общими правилами, установленными для коренныхъ подданныхъ. Надо думать, что составители X т. хотѣли 1247 статью противопоставить 1241, а не 1246, т. е. они предполагали иностранцевъ, находящихся на лицо, если имѣлись въ виду отсутствующіе наслѣдники-иностранцы, допускать къ вступленію въ наслѣдственные права по истеченіи двухъ лѣтъ со дня публікаціи о вызовѣ, а не полугода, какъ это установлено для русскихъ подданныхъ. Затѣмъ, правила, содержащіяся въ 1248—1253 статьяхъ, никакого существеннаго значенія не имѣютъ и могутъ быть, безъ всякаго ущерба для дѣла, исключены изъ гражданскихъ законовъ, тѣмъ болѣе, что и по своему существу они должны найти себѣ мѣсто въ уставахъ объ управленіи инородцами, кредитныхъ, содержащихся подъ стражею и т. п. узаконеніяхъ, относящихся до публичнаго права.

Второе отдѣленіе 3-й главы „о принятіи наслѣдства и отреченіи отъ него“ (1254—1268 ст.), содержитъ въ себѣ рядъ отрывочныхъ правилъ, въ которыхъ не дается надлежащаго опредѣленія ни о принятіи наслѣдства, ни объ отреченіи отъ него. Такъ, здѣсь ни слова не говорится о принятіи наслѣдства подъ условіемъ составленія описи, хотя необходимость такого рода постановленій вызывается жизнью и признается не только всѣми западно-европейскими законодательствами, но и нашимъ уставомъ торговымъ (155—167 ст.) для лицъ торговаго сословія. Затѣмъ, не дѣлается надлежащаго разграниченія между явнымъ принятіемъ наслѣдства и предполагаемымъ, о которомъ можетъ быть выведено заключеніе изъ ряда безмолвныхъ дѣйствій наслѣдника по отношенію

къ оставшемуся наслѣдству. Собственно руководящимъ правилами относительно принятія наслѣдства посвящены только двѣ статьи—1253 и 1261. Въ первой изъ нихъ поясняется, что наслѣдники властны принять наслѣдство, или отречься отъ него, какъ будто бы необходимо излагать въ законѣ элементарныя истины о томъ, что никому не могутъ быть, помимо его воли, навязаны имущественныя права. Вторая же статья поясняетъ, что принятіемъ наслѣдства должно считать не дачу отзыва о неплатежѣ долговъ наслѣдодателя, не сбереженіе доходовъ съ его имѣнія и пользованіе имуществомъ въ личную себѣ прибыль. Если послѣдній признакъ дѣйствительно играетъ важную роль для опредѣленія факта принятія наслѣдства, то остальные два не имѣютъ ровно никакого значенія. Мы уже говорили, что можно не давать отзыва о неплатежѣ долговъ и все-таки не вступать въ наслѣдственные права. Равнымъ образомъ могутъ быть израсходованы и доходы съ имѣнія умершаго (напримѣръ, на его погребеніе), хотя нельзя будетъ въ этомъ усмотрѣть проявленіе воли на принятіе наслѣдства. Далѣе, указывая, что за малолѣтнихъ, безумныхъ и умалишенныхъ согласіе или несогласіе на принятіе наслѣдства изъявляютъ назначенные надъ ними опекуны, нашъ законъ (1257 ст.) не обставляетъ должною гарантіею интересы опекаемыхъ. Такой чрезвычайной важности фактъ, какъ принятіе и особенно отреченіе отъ наслѣдства за недѣеспособныхъ, предоставленъ единственно усмотрѣнію опекуновъ, тогда какъ въ западныхъ законодательствахъ, подобнаго рода дѣйствія могутъ быть совершаемы не иначе, какъ съ согласія опекунскихъ мѣстъ или суда.

Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы въ двухъ словахъ выразить, что, съ принятіемъ наслѣдства, на принявшаго переходятъ всѣ права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имущественныя обязательства наслѣдодателя, 1258 и 1259 ст. пытаются перечислить, что именно переходитъ послѣ умершаго и какія обязанности возлагаются на его наслѣдниковъ. Дѣлается это крайне неудобно: такъ, наличное имущество въ 1258 ст. какъ бы противопоставляется капиталамъ, а долги, слѣдующіе вообще къ по-

8*

лученію умершему—заслуженному имъ жалованью; въ 1259 же статьѣ долги умершаго противопоставляются его обязательствамъ по договорамъ. Кромѣ того устанавливается нераціональное правило объ обязанности наслѣдника отвѣчать за долги наслѣдодателя не только въ размѣрѣ принятаго наслѣдства, но и своимъ собственнымъ имуществомъ. Опредѣливши, что право на открывшееся наслѣдство принадлежитъ наслѣднику со дня смерти наслѣдодателя (1254 ст.), составители X т. оставили совершенно открытымъ вопросъ о томъ, можно ли такого наслѣдника, помимо всякаго заявленія съ его стороны и при отсутствіи фактическаго осуществленія имъ своихъ правъ, признать принявшимъ наслѣдство. То или другое разрѣшеніе этого вопроса имѣетъ весьма важное практическое значеніе. Въ практикѣ новыхъ судовъ приходилось встрѣчаться съ этимъ вопросомъ и кассационнымъ сенатомъ онъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, хотя съ этимъ едва ли можно согласиться. На разрѣшеніе сената вопросъ этотъ былъ предложенъ въ слѣдующей формѣ: если въ моментъ открытія наслѣдства лицо, имѣвшее права на означенное наслѣдство, умерло, не успѣвъ изъяснить своей воли на его принятіе, то переходитъ-ли это наслѣдство къ его наслѣдникамъ отъ него непосредственно, или по праву представленія (за 1870 г. № 1114)? Сенатъ призналъ здѣсь непосредственный переходъ наслѣдства, а не по праву представленія, вслѣдствіе чего на наслѣдниковъ и была возложена обязанность платежа долговъ лица умершаго до заявленія о принятіи наслѣдства. Мы полагаемъ, что правильнѣе было бы признать переходъ наслѣдства, въ данномъ случаѣ, по праву представленія и тѣмъ самымъ освободить наслѣдниковъ отъ платежа долговъ лица, не только не осуществившаго до своей смерти фактически своихъ наслѣдственныхъ правъ, но и не успѣвшаго выразить своей воли на принятіе наслѣдства, которое, между тѣмъ, какъ всякое гражданское право, никому насильно не можетъ быть навязано и приобрѣтеніе котораго предполагаетъ добровольный актъ принятія.

Наконецъ, въ ряду правилъ о принятіи наслѣдства, между

прочимъ, помѣщено крайне странное постановленіе, содержащееся въ 1260 ст., неимѣющее, собственно говоря, никакого отношенія къ этимъ правиламъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, идущее въ разрѣзъ съ другими постановленіями, преподанными въ томъ же X томѣ. Въ силу этого правила, если сынъ отдалъ своему отцу или матери на сохраненіе принадлежащее ему на правѣ собственности имущество и не успѣлъ взять таковое до смерти своихъ родителей, то ему возвращается не все имущество, а только часть, размѣръ которой зависитъ отъ того, сколько у него братьевъ осталось послѣ смерти родителей. Мы рѣшительно недоумѣваемъ, почему въ данномъ случаѣ признано возможнымъ нарушать право собственности сына на имущество, отданное имъ на сохраненіе своимъ родителямъ, въ интересахъ его братьевъ, неимѣвшихъ никакого права на то имущество. Также мало понятно, почему общія правила объ отдатѣ имущества на сохраненіе (2107 и 2108 ст. 1 ч. X т.) непримѣняются всецѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда договоръ по этому предмету заключенъ между родителями и дѣтьми, хотя существо юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ такого договора, не можетъ и не должно измѣняться только отъ того, что контрагентами въ немъ являются, съ одной стороны, родители, а съ другой—сыновья (о дочеряхъ въ 1260 ст. не говорится ни слова).

Вотъ и всѣ правила о принятіи наслѣдства, если не относить къ числу этихъ правилъ постановленіе о томъ, что дѣти не отвѣчаютъ за долги родителей, когда послѣ смерти послѣднихъ они никакого наслѣдства не получили (1262 ст.).

Собственно говоря, правилъ объ отреченіи отъ наслѣдства въ X томѣ мы не находимъ. Понятіе объ отреченіи отъ наслѣдства устанавливается въ 1265 и 1267. ст, при чемъ нельзя сказать чтобы дѣлалось это удачно. Такъ, въ 1265 статьѣ указывается два случая, когда надлежитъ признать фактъ отреченія отъ наслѣдства. Первый случай тотъ, когда наслѣдники не вступаютъ въ наслѣдство по несоразмѣрности его съ долгами. Такая редакція закона носить на себѣ печать канцелярской неумѣлости выразить свою мысль. Оче-

видно мотивъ невступленія наслѣдниками въ свои наслѣдственные права долженъ быть, съ точки зрѣнія закона, безразличенъ и происходить ли это отъ того, что наслѣдство обременено долгами или вслѣдствіе желанія отказаться отъ своей части въ пользу другаго сонаслѣдника,—фактъ остается на лицо одинъ и тотъ же. Другой случай, о которомъ говоритъ 1265 статья,—это когда отсутствующіе наслѣдники по сдѣланнымъ вызовамъ не явятся для принятія наслѣдства въ установленные сроки. И здѣсь выражена мысль законодателя не вполне удовлетворительно. Нигдѣ не говоря ни слова о правѣ наслѣдника принять и отречься отъ наслѣдства не только лично, но и чрезъ законно уполномоченнаго повѣреннаго, составители X тома такою редакціею 1265 статьи даютъ поводъ къ неосновательному заключенію, что наслѣдники, по вызову, должны лично явиться для принятія наслѣдства. Такое же чисто отрицательное значеніе имѣетъ и 1267 статья, которая говоритъ, что молчаніе законнаго наслѣдника при спорѣ другихъ сонаслѣдниковъ противъ духовнаго завѣщанія не считается отреченіемъ отъ наслѣдства.

Затѣмъ, мы не имѣемъ прямыхъ указаній когда допускается отреченіе отъ наслѣдства и только кассационною практикою исполненъ въ этотъ отношеніи пробѣлъ закона. Сенатъ установилъ совершенно раціональныя правила, по которымъ отреченіе отъ наслѣдства вообще допускается лишь до фактическаго или юридическаго его принятія (сбор. рѣш. за 1872 г. № 776, за 1873 г. № 783, за 1876 г. № 447, за 1877 г. № 24, за 1878 г. № 243 и за 1880 г. № 17).

Но здѣсь возникаетъ еще другой вопросъ, можетъ ли быть отреченіе взято наслѣдникомъ назадъ, разъ оно имъ сдѣлано въ законномъ порядкѣ? Очевидно этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только законодателемъ, такъ какъ и тотъ и другой отвѣтъ на него имѣетъ многое за себя, тѣмъ болѣе, что и въ западныхъ законодательствахъ высказываются два противоположные взгляда по этому предмету. Такъ, саксонское гражданское уложеніе постановляетъ, что отреченіе отъ наслѣдства не можетъ быть взято назадъ (2260 ст.); итальян-

ское же уложение (950 ст.) допускает возможность для наследника взять назад свое отречение от наследства, если последнее еще не принято другими наследниками, или не поступило въ законное обладание третьихъ лицъ.

Нельзя далѣе, не признать важнымъ пробѣломъ въ нашихъ законахъ умолчаніе о томъ, что право наследника отречься отъ наследства не безусловно и не можетъ быть признано за нимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда такое отречение нарушаетъ интересы его кредиторовъ. Въ судебной практикѣ встрѣчаются нерѣдко случаи, когда наследникъ, желая избѣжать платежа лично лежащихъ на немъ долговъ, отрывается отъ наследства, которое представляетъ значительную цѣнность и отречение отъ котораго кажется на первый разъ непонятнымъ. Между тѣмъ впоследствии обнаруживается, что отрекшійся наследникъ заявилъ объ отреченіи, войдя предварительно въ сдѣлку съ другимъ сонаследникомъ (обыкновенно съ братомъ или другимъ родственникомъ) и получивъ за это приличное вознагражденіе въ видѣ наличныхъ денегъ, которые такъ легко скрыть отъ кредиторовъ. Несмотря на всю безнравственность такого рода дѣйствій, судебная власть остается безсильною оказать защиту въ этихъ случаяхъ законнымъ требованіямъ кредиторовъ о признаніи отреченія недействительнымъ.

Точно также законъ не даетъ никакихъ указаній, кому должна перейти та часть наследства, отъ которой отрекся наследникъ по закону или завѣщанію, если одновременно существуютъ тѣ и другіе наследники. Между тѣмъ въ судебной практикѣ приходится нерѣдко встрѣчаться съ этими вопросами. Понятно, что раціональное ихъ разрѣшеніе можетъ быть сдѣлано только на основаніи общихъ началъ права, въ виду отсутствія въ X томѣ правилъ о правѣ приращенія.

Наконецъ, въ правилахъ объ отреченіи отъ наследства мы не находимъ отвѣта на то, сохраняютъ ли нисходящіе отрешагося наследника, при наследованіи по закону, право на наследованіе. При отсутствіи прямого указанія въ нашемъ законѣ, приходится разрѣшать этотъ вопросъ отрицательно,

хотя такое разрѣшеніе нельзя признать ни справедливымъ, ни рациональнымъ, и западными законодательствами онъ разрѣшается положительно (саксон. улож. 2261 ст. и итальян. улож. 947 ст.).

Страдая недостаткомъ только что указанныхъ нами правилъ объ отреченіи отъ наслѣдства, X томъ, какъ бы взаимнѣ того, трактуетъ о предметахъ совершенно излишнихъ. Такъ, въ 1268 ст. признано нужнымъ пояснить, что отрекшійся отъ наслѣдства не обязанъ платить долговъ, лежащихъ на наслѣдствѣ. Между тѣмъ, при существованіи общаго правила о томъ, что на принявшаго наслѣдство переходить обязанность платить долги наслѣдодателя (1259 ст. 1 ч. X т.) такое поясненіе, по меньшей мѣрѣ, излишне.

Затѣмъ, остается еще одна статья, относящаяся къ правиламъ объ отреченіи отъ наслѣдства — это 1266, которая поясняетъ, что отреченіе отъ наслѣдства производится посредствомъ объявленія въ подлежащемъ присутственномъ мѣстѣ. При существованіи старыхъ судовъ, когда судебныя и нотаріальныя функціи были соединены въ одномъ учрежденіи, такимъ присутственнымъ мѣстомъ и могъ быть только судъ. Но нельзя этого сказать относительно судебныхъ учреждений Императора Александра II. Вѣдомство окружныхъ судовъ опредѣлено въ точности и гражданское отдѣленіе суда вѣдаетъ или исковыя дѣла (256—1336 ст. уст. гражд. судопр), которыя могутъ возникнуть лишь при наличности спора противъ правъ истца, или же дѣла охранительныя, о которыхъ въ точности говорится въ 1401—1460 ст. тѣхъ же уставовъ и по которымъ требуется признаніе или охрана въ безспорномъ порядкѣ извѣстнаго, лично принадлежащаго просителю права. Между тѣмъ при заявленіи наслѣдника, согласно 1266 ст. 1 ч. X т., объ отреченіи отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ, никакой охраны или защиты его правъ отъ суда не требуется и судъ даже не изслѣдуетъ ни того, дѣйствительно ли наслѣднику принадлежитъ право на то наслѣдство, отъ котораго онъ отрекается, ни того, вызывается ли такое отреченіе необходимостію оградить, путемъ суда, права наслѣд-

ника. Такимъ образомъ, такое заявленіе объ отреченіи отъ наслѣдства есть простая явка, которая съ удобствомъ могла бы быть возложена на нотаріальныя учрежденія. Тогда, между прочимъ, не создавалось бы такое безвыходное положеніе, въ которое теперь иногда ставится судъ. Очевидно, что заявленіе объ отреченіи отъ наслѣдства принимается судомъ въ свѣдѣнію и, какъ разъяснилъ это и сенатъ (сбор. рѣш. за 1872 г. № 176, за 1874 г. № 228 и за 1876 г. № 476), должно быть въ виду суда при возникновеніи дѣлъ объ имѣніи или обязательствахъ умершаго наслѣдодателя, послѣ котораго отрекшееся лицо состояло наслѣдникомъ. Но спрашивается, какъ помирить это съ тѣмъ основнымъ правиломъ нашего устава гражданскаго судопроизводства, въ силу котораго самъ судъ, въ дѣлахъ исковыхъ, ни въ какомъ случаѣ не собираетъ справокъ и доказательствъ (367 ст.), а постановляетъ свои рѣшенія на основаніи доказательствъ, представленныхъ сторонами? Въ силу этого правила судъ не долженъ собирать справокъ и относительно заявленія объ отреченіи отъ наслѣдства, если самъ отрекшійся наслѣдникъ, въ качествѣ стороны по дѣлу, не представитъ суду удостовѣренія о томъ, что отреченіе дѣйствительно было имъ сдѣлано.

3-е отдѣленіе 3-й главы содержитъ въ себѣ правила о порядкѣ наслѣдованія послѣ умершихъ чиновъ въ полкахъ войска Донскаго (1269—1278 ст.). Одинъ бѣглый обзоръ этихъ правилъ убѣждаетъ въ совершенной излишности ихъ. Здѣсь мы видимъ инструкцію для дѣйствія полковаго начальства на случай смерти какого-либо чина въ полкахъ войска Донскаго, а не установленіе особаго порядка наслѣдованія, который можно было бы противопоставлять праву наслѣдованія вообще. Кромѣ того, самое изложеніе этихъ правилъ крайне неудовлетворительно. Такъ, въ 1269 ст. говорится, что имѣніе, оставшееся послѣ убитыхъ и умершихъ чиновъ Донскаго войска, продается съ публичнаго торга. Очевидно, что изъ этого правила само собою вытекаетъ воспрещеніе совершать продажу имущества въ долгъ, такъ какъ публичный торгъ и мыслимъ при условіи продажи на наличныя деньги. Но

составители X тома, повидимому, не пришли къ этому несомнѣнному выводу и потому, вѣроятно, сочли необходимымъ въ 1271 ст. пояснить, что такая продажа должна быть произведена не иначе, какъ на наличныя деньги.

Нельзя не отмѣтить и постановленія, содержащагося въ 1271 ст., въ силу котораго *къ публичному торгу обязательно должны явиться всѣ полковые чины, не занятые службою*. Едва ли удобно помѣщать въ гражданскихъ законахъ такое правило, такъ какъ самое понятіе публичнаго торга не допускаетъ принудительной явки лица для купли, которая, какъ и всякій договоръ вообще, предполагаетъ добрую волю и не-принужденное согласіе на заключеніе сдѣлки. Остаются еще два отдѣленія 3-й главы, изъ нихъ 3-е говоритъ: „объ открытіи наслѣдства и о порядкѣ наслѣдованія въ имуществѣ, остающемся въ губерніяхъ и областяхъ, состоящихъ на особыхъ правахъ, послѣ смерти уроженцевъ губерній, состоящихъ на общихъ, безъ мѣстныхъ изыатій, правахъ, и въ обратномъ случаѣ“ (1279—1286), и 4-е отдѣленіе: „объ открытіи наслѣдства и о порядкѣ наслѣдованія въ имуществѣ, остающемся послѣ лицъ, водворенныхъ въ имперіи, временно пребывающихъ въ Царствѣ Польскомъ или въ Финляндіи, и послѣ лицъ, водворенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, или въ Финляндіи, временно пребывающихъ въ имперіи“ (1287—1295). Собственно говоря оба эти отдѣленія помѣщены въ X томѣ совершенно не кстати. Въ нихъ говорится о дѣйствіи законовъ о наслѣдованіи и ихъ примѣненіи въ указанныхъ случаяхъ. Такъ какъ общихъ положеній о дѣйствіи законовъ вообще и о ихъ примѣненіи въ X томѣ не содержится, а правила по этому предмету помѣщены въ I томѣ основныхъ законовъ, то не было основанія говорить въ X томѣ собственно о дѣйствіи законовъ о наслѣдованіи. Само собою разумѣется, что въ будущемъ нашемъ гражданскомъ уложеніи, въ общей его части, желательно ввести руководящія правила о дѣйствіи и примѣненіи законовъ вообще, на подобіе того, какъ это сдѣлано въ савсонскомъ (1—29 ст.), итальянскомъ (1—12), австрійскомъ (1—14 ст.) и другихъ граж-

данскихъ кодексахъ западной Европы. Четвертая глава „о введѣніи во владѣніе по наслѣдству“ (1296—1314 ст.) могла бы, безъ всякихъ неудобствъ, быть исключена изъ X тома. Съ одной стороны, правила этой главы, при существованіи 1424—1437 ст. уст. гражд. судопр. изд. 1883 г., являются ненужнымъ повтореніемъ процессуальныхъ правилъ въ матеріальныхъ гражданскихъ законахъ; съ другой же—и по своему существу они не имѣютъ никакой цѣны, при чемъ содержащіеся въ 1301, 1313 и 1314 статьяхъ правила, вѣроятно, внесены сюда по ошибкѣ. 1301 ст. говоритъ о томъ, когда предоставлено наслѣдникамъ по завѣщанію право виндикаціи относительно имущества, доставшагося имъ по завѣщанію и отчужденнаго, до вступленія ихъ въ наслѣдственные права, наслѣдниками по закону. Очевидно, что такое правило къ вводу во владѣніе имѣетъ весьма мало отношенія и съ большимъ основаніемъ могло бы быть помѣщено въ общихъ положеніяхъ о правѣ наслѣдованія. Кромѣ того, въ томъ видѣ, какъ оно изложено, правило это представляется неполнымъ и не опредѣляетъ надлежащимъ образомъ правоотношеній наслѣдниковъ по закону и по завѣщанію, при столкновеніи ихъ правъ между собою. Такъ, 1301 ст. признаетъ дѣйствительнымъ отчужденіе наслѣдственнаго имущества со стороны наслѣдниковъ по закону, если оно совершено до открытія спора противъ ихъ правъ наслѣдниками по завѣщанію; между тѣмъ ни въ этой и ни въ какой другой статьѣ не говорится, будетъ ли такое отчужденіе имущества дѣйствительнымъ со стороны законныхъ наслѣдниковъ, если впослѣдствіи явятся ближайшіе наслѣдники по закону и пожелаютъ осуществить свои наслѣдственные права. Кассационный сенатъ, на обсужденіе котораго этотъ вопросъ предлагался, разрѣшилъ его по аналогіи, признавъ, что и въ этомъ случаѣ отчужденіе наслѣдственнаго имущества дѣйствительно, примѣняясь къ 1301 ст. (сб. рѣш. за 1876 г. № 46 и за 1879 г. № 113). Равнымъ образомъ составителями X тома оставленъ безъ разрѣшенія и другой, относящійся сюда вопросъ, а именно: будетъ ли также дѣйствительнымъ отчужденіе имущества со стороны наслѣд-

никовъ по завѣщанію, если завѣщаніе, по спору противъ него законныхъ наслѣдниковъ, будетъ уничтожено? Благодаря правительствующему сенату, пополнившему пробѣлъ въ законѣ, мы имѣемъ утвердительный отвѣтъ и на этотъ вопросъ (сб. рѣш. за 1876 г. № 46, за 1878 г. № 77, за 1879 г. № 50 и за 1880 г. № 101).

Наконецъ, что касается 1313 и 1314 ст., то и они не имѣютъ никакого отношенія къ постановленіямъ о ввѣдѣ во владѣніе, которымъ отведена 4-я глава. Первая изъ этихъ статей говоритъ о правѣ наслѣдниковъ оставаться въ обществѣ владѣніи наслѣдственнымъ имуществомъ или требовать раздѣла. Удобнѣе всего было-бы такимъ правиломъ открыть 5-ю главу „о раздѣлѣ наслѣдства“, такъ какъ въ немъ указывается когда необходимъ раздѣлъ наслѣдственного имущества. Другая, 1314 статья, говоритъ о правѣ наслѣдниковъ отчуждать доставшуюся каждому изъ нихъ долю до раздѣла наслѣдства. Очевидно также, что и она не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ вводу во владѣніе, будучи, вромѣ того и излишняя, въ виду сдѣланной въ 1313 ст. ссылки на 543—555 ст., изъ которыхъ 555 ст. повторяется въ ней почти буквально.

Перейдемъ теперь къ пятой 5 главѣ „о раздѣлѣ наслѣдства“. Глава эта дѣлится на два отдѣленія, изъ которыхъ 1-е заключаетъ въ себѣ правила о порядкѣ производства раздѣловъ (1315—1340 ст.), а 2-е отдѣленіе—правила о порядкѣ совершенія раздѣльныхъ актовъ (1314—1345 ст.). Просматривая правила о порядкѣ производства раздѣловъ мы находимъ, что нѣкоторые изъ нихъ въ настоящее время, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы Императора Александра II, замѣнены болѣе рациональными правилами, изложенными въ 1409—1423 ст. уст. гражд. судопр. Такими являются правила, содержащіяся въ 1322, 1323, 1328 и 1334 статьяхъ. Затѣмъ, правила, изложенныя въ 1329, 1330 и 1331 ст., при надлежащей инструкціи кредитнымъ учрежденіямъ, представляются совершенно ненужными, такъ какъ, собственно говоря, не содержатъ въ себѣ никакихъ особенностей въ порядкѣ раздѣла наслѣдственного имущества въ

тѣхъ случаяхъ, когда на послѣднемъ лежитъ долгъ сохран-
ной казнѣ, приказу общественнаго призрѣнія и Закавказскому
приказу призрѣнія.

Далѣе, правила, помѣщенные въ 1338, 1339 и 1340
статьяхъ, могли бы быть замѣнены небольшимъ примѣчаніемъ
о томъ, что раздѣлъ наслѣдства между магометанами произ-
водится по ихъ закону, такъ какъ, несмотря на многосло-
віе, изъ этихъ статей все таки нельзя усмотрѣть, чѣмъ отли-
чается порядокъ раздѣла наслѣдственнаго имущества между
магометанами, отъ общаго порядка, и въ чемъ именно онъ
заключается.

Наконецъ, есть правило, которое, быть можетъ, было умѣ-
стно при повальномъ невѣжествѣ судей, но отнюдь не те-
перь, когда оно даже какъ-то странно звучить въ граждан-
скихъ законахъ. Мы говоримъ о постановленіи 1320 ст., въ
которой поясняется, что въ составъ раздѣла должно входить
только имущество умершаго наслѣдодателя, а не собственное
имущество наслѣдниковъ.

Теперь рассмотримъ остальные правила 1-го отдѣленія
5 главы, имѣющія значеніе для опредѣленія порядка произ-
водства раздѣла. Первая статья, которою открывается это
отдѣленіе—1315 говоритъ, что раздѣлъ наслѣдства произво-
дится или полюбовно самими наслѣдниками, или судомъ. Но
ни въ этой и ни въ какой другой статьѣ не указано, можетъ
ли судъ приступить къ раздѣлу наслѣдства по требованію
нѣкоторыхъ наслѣдниковъ, если остальные пожелаютъ оста-
ваться нераздѣленными, согласно воли наслѣдодателя. Дру-
гими словами, можетъ ли наслѣдодатель навсегда или на из-
вѣстное время обязать своихъ наслѣдниковъ оставаться въ
общемъ нераздѣльномъ владѣніи наслѣдственнымъ имуще-
ствомъ? Такой вопросъ, между прочимъ, возникалъ и въ
Луцкомъ судѣ, гдѣ былъ предъявленъ споръ со стороны од-
ного изъ сонаслѣдниковъ о недействительности завѣщатель-
наго распоряженія, по которому оба наслѣдника по завѣ-
щанію должны были оставаться въ теченіи тридцати лѣтъ въ
совмѣстномъ владѣніи наслѣдственнымъ имуществомъ. Не

имѣя прямыхъ указаній въ законѣ, судъ однако призналъ такое распоряженіе недействительнымъ, въ виду того, что право собственности на наследственное имущество наследники приобретаютъ съ момента смерти наследодателя (1010 и 1222 ст. 1 ч. X т.), а затѣмъ, въ виду 420, 423 и 550 ст., никто изъ нихъ не можетъ быть стѣсненъ въ правѣ пользованія и распоряженія своимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, а слѣдовательно, и въ правѣ требовать судебного раздѣла. Понятно, что такое заключеніе суда не имѣетъ прямой опоры въ законѣ и только могло быть выведено на основаніи общаго смысла закона, который, при казуистичности и непоследовательности X тома, не всегда можетъ быть себѣ уясненъ. Этотъ вопросъ, какъ имѣющій важное значеніе и встрѣчающійся нерѣдко въ судебной практикѣ ¹⁾, долженъ быть разрѣшенъ законодателемъ, на подобіе того, какъ это сдѣлано напр. въ итальянскомъ уложеніи (984 ст.) или саксонскомъ (2346 ст.).

Затѣмъ, 1317 и 1318 ст. устанавливають правило, въ силу котораго судебный раздѣлъ можетъ имѣть мѣсто лишь по истеченіи двухъ лѣтъ, со дня заявленія желанія раздѣлиться наследственнымъ имуществомъ при посредствѣ суда. Такое правило представляется на нашъ взглядъ не рачіональнымъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ логическихъ основаній требовать, чтобы сонаслѣдники выжидали два года послѣ того, какъ подано заявленіе о судебномъ раздѣлѣ. Предполагать, что за эти два года улягутся вражда и семейный споръ между сонаслѣдниками, вызвавшіе подачу такого заявленія и воспрепятствовавшіе имъ раздѣлиться полюбовно, едва ли основательно, да такое предположеніе и опровергается практикою. Затѣмъ, рассчитывать, что наследники, подъ вліяніемъ угрозы штрафомъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, откажутся отъ содѣйствія суда и подѣлятся добровольно, опять не представляется основаній. При томъ непо-

¹⁾ Примеры изъ судебной практики указаны, между прочимъ, въ курсѣ гражданскаго права *К. И. Пободоносцева*, ч. 2, изд. 1871 г., стр. 491 и слѣд.

нятно, почему именно за обращенія къ судебной защитѣ въ данномъ случаѣ устанавливается кара? Въдѣ съ этой точки зрѣнія, по всякому спору, внесенному на разрѣшеніе суда, слѣдовало бы виновную сторону, нарушившую право другой стороны, или неосновательно обращающуюся къ суду, подвергать взысканію штрафа, сверхъ присужденія къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. Намъ думается, что такая точка зрѣнія, при дѣйствіи судебныхъ уставовъ Императора Александра II, когда право на судебную защиту признано неотъемлемымъ правомъ каждого члена общества, совершенно неумѣстна и должна быть исключена изъ гражданскихъ законовъ.

Далѣе, 1324 и 1325 ст. устанавливаютъ правила о раздѣлѣ наслѣдниковъ недѣлимымъ наслѣдственнымъ имуществомъ. Правила эти носятъ казуальный характеръ и страдаютъ многословіемъ. Слѣдовало бы установить общее положеніе, что нераздѣльное имущество подлежитъ продажѣ съ публичнаго торга, на которомъ каждый изъ сонаслѣдниковъ можетъ оставить его за собою за предложенную имъ высшую цѣну. Тогда было бы устранено невсегда правильное предпочтеніе старшаго наслѣдника другимъ, младшимъ, относительно права оставить за собою по оцѣнкѣ нераздѣльное имѣніе.

Казалось бы, съ логической точки зрѣнія, что раздѣлъ наслѣдства, произведенный судебною властію, съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ гарантій, которыя предоставляются судомъ каждому обращающемуся къ нему за защитой или охраною своего права, не долженъ бы быть менѣе прочнымъ, чѣмъ добровольный раздѣлъ сонаслѣдниковъ между собою. Между тѣмъ 1332 ст. устанавливаетъ совершенно обратное правило, въ силу котораго добровольный раздѣлъ сонаслѣдниковъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть уничтоженъ, тогда какъ судебный раздѣлъ можетъ быть признанъ недействительнымъ, и недовольной стороной 1335 ст. предоставляется, въ годичный срокъ со дня утвержденія перваго раздѣла, просить о перерѣдѣлѣ. Мы отказываемся отыскать тѣ мотивы, которыми руководились составители X тома, устанавливая такое странное правило. Въдѣ въ этомъ случаѣ составляетъ о раздѣлѣ су-

дебное постановленіе, на основаніи всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя заинтересованныя въ дѣлѣ стороны представили въ судъ, и всѣхъ тѣхъ объясненій и заявленій, которыя они, какъ письменно, такъ и лично, давали суду. Разъ такое постановленіе какая либо сторона въ дѣлѣ находитъ неправильнымъ и нарушающимъ ея интересы, то представляется законное право на обжалованіе такого постановленія высшему судебному мѣсту; но коль скоро жалобы въ срокъ неподано, или такая жалоба была оставлена безъ уваженія, то, въ силу 891 ст. уст. гр. суд., отмѣна постановленія суда о раздѣлѣ наслѣдственного имущества не можетъ быть допущена безъ измѣненія самыхъ обстоятельствъ дѣла, неизвѣстныхъ до того лицу, просящему о передѣлѣ. Намъ могутъ замѣтить, что о раздѣлѣ составляется частное опредѣленіе суда, которое, какъ и всякое другое опредѣленіе, не можетъ препятствовать предъявленію своихъ правъ въ исковомъ порядкѣ. На такую точку зрѣнія и всталъ кассационный сенатъ, разъясняя содержащееся въ 1332 и 1335 ст. правило (сб. рѣш. за 1875 г. № 250), но мы думаемъ, что опредѣленіе суда относительно раздѣла наслѣдственного имущества нельзя сравнивать съ другими частными опредѣленіями, постановляемыми въ охранительномъ порядкѣ. Въ судебномъ раздѣлѣ мы видимъ не охрану безспорнаго права просителя, а разрѣшеніе спорныхъ отношеній между сонаслѣдниками, причемъ каждому изъ нихъ дается возможность доказывать свои требованія и опровергать требованія противной стороны. Такимъ образомъ, онъ постановляется съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ гарантій, которыя установлены для разрѣшенія спорныхъ, исковыхъ дѣлъ, и отличается отъ производства этихъ дѣлъ тѣмъ, что присуждается не одной сторонѣ, какъ бываетъ по исковымъ дѣламъ, а всѣмъ сонаслѣдникамъ ¹⁾. Спрашивается затѣмъ, чѣмъ же можетъ отличаться передѣлъ отъ судебного раздѣла? Тѣмъ, что онъ производится въ исковомъ порядкѣ, согласно 1420 ст. уст.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи производство о раздѣлѣ напоминаетъ собою судебное межевое разбирательство въ судѣ.

гр. суд. и разъясненію правительствующаго сената, но намъ кажется недостаточно продуманнымъ самое правило 1420 ст. уст. гр. суд. Дѣло въ томъ, что въ каждомъ исковомъ дѣлѣ роль суда ограничивается исключительно присужденіемъ истцу исковыхъ требованій, или же отказомъ въ его искѣ. Но такова ли роль его при разрѣшеніи ходатайства о передѣлѣ? Полагаемъ, что нѣтъ. Согласно 1332 ст. 1 ч. X т. и разъясненію ея рѣшеніями правительствующаго сената (за 1877 годъ №№ 142 и 201) просьба о передѣлѣ допускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда просителю надѣленъ удѣлъ, по составу или цѣнности меньшій, чѣмъ ему слѣдовало по сравненію съ удѣлами другихъ. И такъ, получившій меньшій удѣлъ наслѣдникъ, предъявляетъ искъ о передѣлѣ къ другимъ сонаслѣдникамъ, въ судъ, въ установленный срокъ, и судъ находитъ этотъ искъ заслуживающимъ уваженія; но что же судъ долженъ сдѣлать тогда? Постановитъ объ изыятіи недостающихъ частей наслѣдства изъ владѣнія отвѣтчиковъ—невозможно, такъ какъ предъявляется требованіе не объ определенной долѣ имущества, находящейся у противной стороны. И такъ, надо вновь раздѣлить все имущество, надо, слѣдовательно, войти въ оцѣнку того, насколько и въ какомъ размѣрѣ справедливо выдѣлить каждому изъ отвѣтчиковъ его долю изъ состава наслѣдства. Полагаемъ, что это одно уже несомнѣнно доказываетъ непримѣнимость къ передѣлу исковаго судопроизводства и подтверждаетъ нашъ взглядъ на передѣлъ, какъ на тотъ же раздѣлъ, только сдѣланный вторично. А разъ передѣлъ по своей природѣ не можетъ, въ порядкѣ производства, отличаться отъ судебного раздѣла—онъ является совершенно излишнимъ, роняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ авторитетъ судебной власти и колеблетъ безъ всякой нужды силу судебныхъ рѣшеній.

Прежде чѣмъ закончить обзоръ правилъ, содержащихся въ 1-мъ отдѣленіи 5-й главы, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ, по поводу 1336 статьи. Въ ней поясняется, что раздѣлъ можетъ быть произведенъ и тогда, когда въ числѣ наслѣдниковъ находятся и малолѣтніе; но въ этомъ случаѣ

онъ производится чрезъ опекуновъ, подъ надзоромъ подлежащаго опекунскаго учрежденія, и представляется на утвержденіе окружнаго суда. Въ чемъ однако должна заключаться здѣсь роль суда, не дается никакихъ указаній ни въ этой и ни въ какой другой статьѣ 1 ч. X т. Если на судъ возлагается обязанность надлежащимъ образомъ провѣрить правильность проекта о раздѣлѣ, то это можетъ быть имъ сдѣлано лишь тогда, когда онъ приметъ всѣ тѣ мѣры для разъясненія дѣла, которыя установлены для судебного раздѣла, но это уже будетъ смѣшеніе добровольнаго раздѣла съ судебнымъ. Если же судъ ограничивается разсмотрѣніемъ въ частномъ порядкѣ лишь проекта раздѣла и тѣхъ актовъ, на которыхъ онъ основанъ, то едва ли можетъ имѣть какое либо значеніе и смыслъ самое представленіе такого проекта раздѣла на утвержденіе суда, такъ какъ послѣдній въ этомъ случаѣ долженъ будетъ всецѣло положиться на заключеніе опекунскаго мѣста, не имѣя возможности провѣрить ни цѣнности долей каждаго сонаслѣдника (для опредѣленія равномѣрности при раздѣлѣ), ни достоинства и качества доли малолѣтняго наслѣдника. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, самый обрядъ утвержденія проекта добровольнаго раздѣла наслѣдственнаго имущества въ случаѣ, указанномъ 1336 ст., представляется совершенно ненужнымъ.

Предоставивши наслѣдникамъ право производить раздѣлъ наслѣдственнаго имущества, когда въ ихъ числѣ находятся малолѣтніе, надлежало бы указать, возможенъ ли такой раздѣлъ и въ томъ случаѣ, если имѣется въ виду наслѣдникъ еще не рожденный, но находящійся въ зачатіи. Какъ извѣстно, согласно 2 п. 1106 ст. 1 ч. X т., отъ наслѣдства не устраняются и дѣти, еще не рожденные, но зачатые при жизни отца. Такимъ образомъ давши имъ право на наслѣдованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовало бы оградить это право въ законѣ, на подобіе того, какъ это сдѣлано въ саксонскомъ гражданскомъ уложеніи (2344 ст.).

Второе отдѣленіе 5-й главы (1341—1345 ст.), о порядкѣ совершенія раздѣльныхъ актовъ, не имѣетъ никакого значе-

нія, такъ какъ повторяетъ тѣ правила, которыя въ подробности изложены въ 712—833 ст. 1 ч. X т. и недостатки которыхъ своевременно были указаны нами. Кромѣ того, эти правила въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ судебные уставы Императора Александра II, вполне замѣнены правилами, изложенными въ положеніи о нотаріальной части.

Послѣдняя 6-я глава 2-го раздѣла 3-й книги 1 ч. X т. содержитъ въ себѣ правила о выкупѣ родовыхъ имуществъ (1346—1373 ст.). Мы уже говорили о нерациональности самаго права выкупа, и о томъ, что институтъ этотъ отжилъ въ настоящее время свой вѣкъ; поэтому мы не войдемъ въ разсмотрѣніе и существа правилъ о выкупѣ, а прямо перейдемъ къ 3-му раздѣлу 3-й книги „о порядкѣ обоюднаго пріобрѣтенія правъ на имущество мѣною и куплею“ (1374—1527).

Раздѣлъ этотъ дѣлится на двѣ главы, изъ которыхъ 1-я даетъ правила „о мѣнѣ имущества на имущество“ (1374—1380), а 2-я „о продажѣ и куплѣ“ (1381—1527).

Предварительно остановимся на правилахъ „о куплѣ и продажѣ“.

К. Змировъ.

„БАБЬИ СТОНЫ“ И НОВОЕ УЛОЖЕНИЕ.

Ты глухо, незримо страдала.
Ты свѣту кровавой борьбѣ
И жалобѣ своихъ не вѣрила.
Ты вся—воплощенный испугъ
Ты вся—вѣковая истома.
Тотъ сердца въ груди не носилъ,
Кто слезъ надъ тобою не лилъ...

I.

Такъ описываетъ „печальникъ горя народнаго“ судьбу многострадальной русской женщины. И тутъ нѣтъ и тѣни поэтической вольности. Дѣйствительность слишкомъ часто и слишкомъ грубо напоминаетъ о страшномъ, безвыходномъ положеніи русской женщины. Не проходитъ мѣсяца, чтобы та или другая газета, въ отдѣлѣ судебной хроники, не повѣдала печальную повѣсть о безчеловѣчныхъ истязаніяхъ, коимъ подвергаются жены отъ своихъ мужей. Можно бы собрать внушительную коллекцію такихъ разсказовъ... Да незачѣмъ! Факты эти всѣмъ давно уже извѣстны, а главное, такой сборникъ уже существуетъ: въ 11 и 12 книжкахъ *Юридическаго Вѣстника* за 1884 г. напечатаны „Бабьи стоны“, статья мирового судьи г. Лудмера. Черезъ всю, довольно большую, статью проходитъ одинъ болѣзненный вопль: то плачетъ женщина отъ побоевъ, розогъ, истязаній, которые приходится ей испытывать отъ мужа, свекра, деверя. Одна жалуется, что мужъ сѣчетъ ее кнутомъ, держитъ въ заперти, не даетъ пищи, бьетъ куда попало; другая — что

мужъ тыкаетъ ее острымъ шиломъ, хотѣлъ сунуть кулакъ въ ея маточный рукавъ; третья жалуется, что мужъ (только что вернувшійся домой „послѣ освободительной миссіи“ въ Болгаріи), жестоко избилъ и выгналъ съ дѣтьми изъ дому и т. д. и т. д. Это по истинѣ женскій мартирологъ, повѣствующій о томъ, какъ мужа въ теченіи двухъ, трехъ, девяти лѣтъ (стр. 445) „безмилосердно“ тиранятъ женъ своихъ, а районъ наблюденія г. Лудмера касается только одного мирового участка; что если бы собрать данныя, хотя бы по одному судебному округу?—Внушительная бы получилась картина!

Какъ относится законъ къ подобнымъ явленіямъ? Объ этомъ интересовались и тѣ несчастныя жены, которыя обращались къ содѣйствию судебной власти. Слѣдующій діалогъ, взятый съ натуры, наглядно рисуетъ взглядъ закона.

— Какъ по закону? спрашиваетъ одна изъ такихъ несчастныхъ женъ мирового судью.

— По закону я долженъ сперва предложить тебѣ помириться съ мужемъ, а если ты этого не пожелаешь, то могу посадить его подъ арестъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

— А потомъ?

— Потомъ ты опять должна будешь жить съ нимъ.

— А если онъ меня опять будетъ тиранить?

— Тогда его опять можно посадить...

— И такъ каждый разъ?

— Да....

— Развѣ уйти мнѣ отъ него по закону нельзя?

— Нѣтъ.

— Такъ, значить, мнѣ съ нимъ всю жизнь прожить?

— Да, если только онъ тебя самъ не отпуститъ...

— Ну такъ Богъ съ тобою, ничего мнѣ не нужно.

И со слезами на глазахъ поспѣшила она вонъ изъ камеры.

Пойдемъ дальше. Перейдемъ къ случаямъ, неподсуднымъ мировымъ судьямъ. Крестьянка Романова жалуется, что мужъ причиняетъ ей истязанія, раздѣваетъ въ полѣ до нага и рветъ ей „причинное мѣсто;“ дома колотитъ ее виѣстѣ съ свекровью, отбилъ ей печень, вслѣдствіе чего она вся высох-

ла и дошла до крайне болѣзненнаго состоянія (стр. 466). Просительницѣ мировой судья объявилъ, что дѣло подсудно окружному суду, но что послѣдній не можетъ дать ей развода. Что мировой судья былъ правъ—вотъ тому доказательства. Недавно ¹⁾, въ Казанскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, рассматривалось такое дѣло: предъ судомъ стоитъ больная, старообразная на видъ, женщина, несмотря на то, что ей всего 25 лѣтъ. Молодою, красивою и здоровою вышла она замужъ за полуобразованнаго крестьянина Воскресенскаго. Не на радость она вступила въ бракъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ она была объектомъ безчеловѣчнаго, систематическаго истязанія. Голодь, нравственныя страданія и безпрестанныя побои со стороны мужа довели несчастную сначала до нервнаго разстройства, а потомъ она лишилась рукъ, ногъ и языка. Руки и языкъ въпослѣдствіи поправились, а ногами она будетъ страдать всю жизнь. Присяжные обвинили подсудимаго, не давъ даже снисхожденія. Судъ приговорилъ къ *арестанскимъ ротамъ* на 3 года и 9 мѣсяцевъ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію приобретенныхъ, правъ и преимуществъ. Житейскій смыслъ этого приговора тотъ, что женѣ нѣтъ развода и мужъ, по отбытіи наказанія, можетъ потребовать, чтобы она повиновалась ему какъ главѣ семейства, пребывала къ нему въ любви и въ неограниченномъ послушаніи, оказывала ему всякое угожденіе и привязанность (ст. 107 т. X ч. 1).

II.

Ненормальность такого порядка вещей не требуетъ доказательствъ. Оправдывать его грубостью нравовъ невозможно. Даже тамъ, гдѣ общественные нравы слѣдуютъ началу: *homo homini est*, даже тамъ законодательство должно слѣдовать болѣе челоувѣчнымъ началамъ. Если народныя массы такъ грубы, что жестокое обращеніе съ болѣе слабымъ существомъ считаютъ дѣломъ позволительнымъ, законъ долженъ все таки

¹⁾ См. Русскія Вѣдом. 1884. № 279.

ограждать это слабое существо и дать ему возможность расторгнуть узы брака, сдѣлавшіяся невыносимыми. Еще Беккарія училъ, что законодательство должно идти не въ хвостъ, а во главѣ народнаго движенія.

Мысль эта не требуетъ дальнѣйшаго развитія. Правильная въ своемъ существѣ, она можетъ быть однако доведена до крайности, отъ которой будутъ страдать самые дорогіе жизненные интересы. Отъ такой крайности страдаютъ наши законы о семейныхъ отношеніяхъ вообще и союзѣ брачномъ въ частности. Въ чемъ другомъ, а ужъ никакъ не въ недостаткѣ возвышенныхъ началъ можно ихъ упрекнуть. Откройте любую страницу нашихъ гражданскихъ законовъ о семейномъ союзѣ и вы на каждомъ шагу натолкнетесь на самыя возвышенныя мысли о бракѣ, до какихъ только додумалось человѣчество. Мужъ обязанъ любить свою жену какъ собственное свое тѣло, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и т. д.; жена должна пребывать къ нему въ любви и въ неограниченномъ послушаніи. Все это прекрасно, возвышенно; но все это болѣе умѣство въ церковномъ поученіи или въ трактатѣ о брачной этикѣ, а не въ книгахъ закона. Но есть юристы, которые находятъ, что все это такъ и должно быть; что въ интересахъ возвышенія брака его нужно идеализировать, окружать ореоломъ немеркнущаго сіянія нравственной красоты, возвести его на степень нерушимаго священнаго союза; не только въ богословіи, но и въ правѣ, разсматривать его какъ непостижимое религіозное таинство. Законъ ставитъ бракъ священнымъ и неразрывнымъ союзомъ любви, по объясненію г. Побѣдоносцева, затѣмъ, чтобы начало правды стояло высоко, въ виду всѣхъ, не подвергаясь колебанію и сомнѣнію; затѣмъ, чтобы въ виду его не забывалась и не засыпала совесть въ общественномъ и частномъ сознаніи; затѣмъ, чтобы преступникъ закона въ самомъ преступленіи своемъ не лишился возможности чувствовать, что онъ совершаетъ неправду. Спустите высокое знамя правды съ закона, снимите этотъ высоко поставленный свѣтъ—лучше отъ этого не будетъ и

съ утилитарной точки зрѣнія, т. е. браки не станутъ отъ этого совершеннѣе, въ семьяхъ побольше будетъ любви и мира, но совѣсть лишится своего твердаго мѣрила и не будетъ въ законѣ того жала, которое призвано будить ее. ¹⁾

Противъ этихъ симпатичныхъ, но мало убѣдительныхъ доводовъ, можно бы, прежде всего, возразить, что они страдаютъ игнорированіемъ границъ и задачъ права и морали. Идеалы ставятъ мораль, гражданскія обязанности налагаетъ законъ. Стремленіе къ идеалу подсказывается нравственнымъ достоинствомъ человѣка, а исполненіе обязанности вынуждается внѣшнею принудительною силою закона. Исполненія нравственной обязанности нельзя требовать на основаніи исполнительнаго листа, точно также какъ нельзя предоставить дѣйствію „нравственнаго жала,“ принужденіе платежа по векселю. То, что требуетъ мораль, не всегда требуетъ и законъ, а иногда законъ требуетъ противоположнаго. Мораль говоритъ: отдай все ближнему, законъ даетъ средство взыскать все съ ближняго; мораль говоритъ: давшему тебѣ пощечину подставь другую щеку, законъ вооружаетъ руку обиженнаго мечомъ правосудія; одинъ святой король хлѣбъ и давалъ его бѣднымъ, а законъ бы его наказалъ какъ вора.

Хотя и неумѣстно, но было бы безвредно изложеніе въ законѣ идеаловъ брачной жизни, если бы затѣмъ тотъ же законъ регулировалъ отношенія, которыя не подходятъ подъ идеаль. Пусть бракъ будетъ священнымъ и неразрывнымъ союзомъ любви. Но вѣдь положительные законы пишутся не для безплотныхъ силъ небесныхъ, а для многогрѣшныхъ людей, имѣющихъ нервы, которые чувствуютъ, мускулы, которые иногда бьютъ по чувствительнымъ мѣстамъ. Какъ же игнорировать людскія страсти и слабости? Идеаль велитъ мужу любить жену какъ собственное тѣло, а онъ ее тыкаетъ острымъ шиломъ и въ матку руку суетъ, да причинное мѣсто рветъ. Требовать, чтобы этотъ порядокъ вещей былъ устраненъ, развѣ значить спускать „знамя закона“ съ его высокаго флаг-

¹⁾ Курсъ гражд. права т. 2 стр. 73.

штова? Жена должна пребывать въ любви и неограниченномъ послушаніи къ мужу. Но развѣ можно требовать этого чувства по отношенію къ мужу-извергу? Не тоже ли самое будетъ, если бы во имя любви къ ближнему потребовали насильно, чтобы вы, и я, и всякій, полюбили бы какъ брата, положимъ Мироновича, Безава и другихъ братьевъ нашихъ?

Игнорировать во имя идеала брака слишкомъ грубыя его нарушенія, не значить „прикрывать грязь и наготу,“ а значить только, ради ложной идеализаціи, оставлять безъ вниманія вопіющія потребности жизни. Оттого, что мы закроемъ глаза на зло, оно не перестанетъ существовать. На что ужъ римская курія разсматриваетъ бракъ, какъ неразрушаемое таинство, не знаетъ развода, и, тѣмъ не менѣе, и она, въ видахъ утилитарныхъ, даетъ исходъ несчастнымъ бракамъ, устанавливая разлученіе супруговъ въ такихъ случаяхъ, когда совмѣстная жизнь невозможна или представляетъ больше вреда, чѣмъ пользы. Во время реставраціи, во Франціи былъ отмиженъ, подъ вліяніемъ клерикальной партіи, разводъ, но и тамъ оставалось въ силѣ разлученіе супруговъ. Поводами для него служили, между прочимъ, жестокое обращеніе и грубыя обиды одного изъ супруговъ, а также присужденіе къ позорному наказанію. Теперь тѣ же поводы служатъ, на основаніи закона 1884 г., основаніемъ для развода.

Православная церковь никогда не отвергала развода, но исторія нашего законодательства о разводѣ, есть исторія регресса нашего брачнаго права. Допетровское законодательство знало разводы, основанные на жестокомъ обращеніи и тяжкой болѣзни. Петръ I, по политическимъ соображеніямъ, лишилъ духовенство права давать разводъ по этимъ основаніямъ. Но еще до 1850 года допускался у насъ разводъ, вслѣдствіе покушенія на жизнь супруга, или когда жизни другого супруга грозила опасность, вслѣдствіе прелюбодѣянія даже не вполне доказаннаго, а только предполагаемаго, или

¹⁾ И. Оршанскій, Духовный судъ и сем. право И. гр. и уг. пр. 1872, №№ 3 и 4.

развратнаго поведенія мужа, позорящаго семью, оскорбляющаго честь и цѣломудріе жены ¹⁾).

Дѣйствующее право, проявляя *tror de zele* въ преслѣдованіи идеалистическихъ стремленій, достигаетъ цѣлей, прямо противоположныхъ. Смотри на бракъ, какъ на неразрывный союзъ любви, оно до послѣдней степени стѣсняетъ разводъ. Прелюбодѣяніе есть поводъ для развода, но только въ томъ случаѣ, если оно проявилось въ такой невѣроятной формѣ (невѣроятной потому, что для извѣстныхъ актовъ даже животныя ищутъ уединенія), что самый *coitus*, совершился при двухъ свидѣтеляхъ (лжесвидѣтеляхъ) очевидцахъ. На явный же, но неподходящій подъ эти узаконенныя формы, развратъ, законъ стыдливо бросаетъ покровъ. И это называется „держать высоко знамя правды“!

Преступленіе, само по себѣ, не оказываетъ никакого вліянія на бракъ. Супругъ можетъ совершить преступленіе — подлога, мошенничества, растлѣнія, убійства, но если по закону, или по обстоятельствамъ дѣла, нельзя было назначить ему лишеніе всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на каторгу или поселеніе, то жена да повинувается преступному мужу. Мало того: мужъ можетъ истязать жену свою, изувѣчить ее, даже покуситься на ея жизнь, но если онъ не будетъ лишенъ всѣхъ правъ (что не всегда можно по закону и должно по обстоятельствамъ дѣла), то мужъ властенъ требовать къ себѣ жену, и ей нѣтъ развода или выхода, она должна на священномъ семейномъ очагѣ поддерживать по прежнему неугасаемый огонь любви! Дальше ужъ идти некуда; остается только развѣ предоставить мужу — *jus gladii*. А вѣдь всѣ эти постановленія вытекаютъ изъ благонамѣренной цѣли — укрѣпить брачныя узы, возвысить брачный союзъ, держать его „подъ высокимъ знаменемъ правды, подъ лучами свѣта, высоко поставленнаго“...

¹⁾ Кавелинъ. Очеркъ юридич. отнош. возник. изъ сем. союза стр. 68.

III.

Все сказанное выше не новость. Бѣдственное положеніе русской женщины давно уже сдѣлалось достояніемъ русской юридической и общей литературы. Вотъ почему можно было ожидать, что редакціонная коммисія, составляющая проектъ уголовнаго уложенія, воспользуется представившимся удобнымъ случаемъ, чтобы внести лучъ свѣта въ это темное царство произвола и угнетенія. Ожиданія обманулись. Коммисія ничего не сдѣлала для русской женщины, она оставила безъ измѣненія *statu quo*. О вліяніи преступленія на бракъ упоминаетъ ст. 30 общей части. Въ объясненіяхъ къ ней коммисія отправляется отъ соображеній, раціональность коихъ трудно отрицать. Она находитъ, что пораженіе семейныхъ правъ не должно обязательно сопровождать наказанія, такъ какъ „нерѣдко крѣпость и устойчивость семейнаго союза могутъ быть вовсе непоколеблены фактомъ преступленія и государство не имѣетъ власти порвать эти узы,“ мысль безспорно глубокая и очень симпатичная! Если бракъ пережилъ благополучно тяжкое испытаніе, коему его подвергло совершенное однимъ изъ супруговъ преступленіе, то да будетъ навсегда благословенъ такой идеальный бракъ. Законъ совершилъ бы дѣло святотатства, а не правосудія, если бы требовалъ, во чтобы то ни стало, разрыва такого дѣйствительно неразрывнаго союза любви. Исторія знаетъ такіе подвиги женскаго самоотверженія и поэтъ намъ достойно ихъ воспѣлъ въ „русскихъ женщинахъ,“ но теперь не о такихъ женщинахъ рѣчь, какъ княгини Волконская и Трубецкая и не о такихъ преступникахъ, какъ декабристы, а объ жестокихъ мужьяхъ, заурядныхъ людяхъ и грязныхъ преступленіяхъ.

Не предписывая и въ этихъ случаяхъ обязательнаго расторженія брака, нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, игнорировать того распатывающего и разбѣдающаго дѣйствія, которое преступленіе и отбываніе наказанія производитъ на супружескія отношенія. Съ этимъ мнѣніемъ соглашается и редакціонная комми-

сія, только она признаетъ въ этомъ обстоятельствѣ не наказаніе, а „гражданское послѣдствіе преступнаго дѣянія“; но дѣло не въ словахъ; комиссія, въ концѣ концовъ, признаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершеніе преступленія можетъ разрушить нравственную связь, существующую между супругами, а съ другой стороны, долговременное лишеніе свободы (въ особенности ссылка въ Сибирь), при обязательномъ сохраненіи брака, можетъ имѣть вредныя послѣдствія, по этимъ основаніямъ комиссія проектировала ст. 30, по которой бракъ можетъ быть расторгнутъ по просьбѣ супруга, въ случаѣ присужденія другаго супруга къ каторгѣ, заточенію свыше 6 лѣтъ и поселенію.

Намъ кажется, что въ интересахъ нравственнаго достоинства брака постановленіе ст. 30 слѣдовало бы распространить и на случай присужденія къ исправительному дому.

Исправительнымъ домомъ, какъ видно изъ соображеній комиссіи, предполагено облагать приблизительно тѣ преступленія, за которыя нынѣ полагается лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, т. е. всякаго рода кражи, мошенничества, подлоги, шантажи и другія преступленія, марающія нравственную личность человѣка. Вслѣдствіе такого характера преступныхъ дѣяній, караемыхъ исправительнымъ домомъ, приговариваемые въ нему лишаются духовнаго сана, государственной или общественной должности, чиновъ, орденовъ, почетныхъ общественныхъ званій, пенсій, а дворяне и почетные граждане лишаются сословныхъ правъ и по отбытіи наказанія приписываются къ городскому или сельскому обществу (ст. 26, 25 и 2 проекта). Самый характеръ наказанія опредѣляется такъ: первые 6 мѣсяцевъ—одиночное заключеніе, обязательныя работы въ самомъ домѣ или внѣ его (общественныя работы). Теперь спрашивается, будетъ ли справедливо требовать отъ супруга, чтобы онъ продолжалъ совмѣстную жизнь съ другимъ супругомъ, который, быть можетъ, послѣ своего преступленія внушаетъ ему не любовь и уваженіе, а отвращеніе и омерзеніе. Именно потому, что бракъ есть союзъ нравственный, нельзя дѣлать

такого насилія надъ нравственною личностью человѣка. Прибавьте къ этому, что наказаніе исправительнымъ домомъ иногда можетъ длиться до 10 лѣтъ и тогда приведенный только что доводъ получить еще новую силу.

Быть можетъ такое усугубленіе наказанія и не требуется интересами уголовной политики, но оно вызывается интересами невинной стороны и должно быть разсматриваемо именно какъ гражданское послѣдствіе преступленія.

IV.

Полемизируя съ составителями германскаго кодекса, слѣдовавшими принципу, что пораженіе правъ должно имѣть основаніемъ своимъ не родъ отбытаго наказанія, а свойство преступленія, наша редакціонная коммисія заявляетъ, что теоретически эта мысль вѣрна, но что на практикѣ она представляетъ затрудненія, загромождая кодексъ. Коммисія нашла, что законодатель можетъ достигнуть той же цѣли иначе: „назначая то или другое наказаніе за преступное дѣяніе, самымъ выборомъ онаго уже будетъ свидѣтельствовать, что не признаетъ даннаго дѣянія позорящимъ, безчестнымъ, и наоборотъ. Оцѣнка необходимости правопораженій будетъ предшествовать такимъ образомъ выбору наказаній. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ наказаніяхъ, неособенно тяжкихъ, лишеніе правъ должно быть назначаемо факультативно“; (стр. 94 Объясн. къ проекту). Теоретически эти соображенія тоже безукоризненны, но на практикѣ и они могутъ повести къ затрудненіямъ и неудобствамъ, какъ показываетъ вышедшая особенная часть уложенія.

Разсмотримъ ее, насколько она относится къ интересующему насъ вопросу о „бабьихъ стонахъ“.

Какое положеніе создаетъ она для несчастной жены; какую ей даетъ защиту и огражденіе?

Для иллюстраціи возьмемъ примѣры изъ упомянутой выше статьи г. Лудмера.

Приходитъ мужъ отъ любовницы пьяный, жалуется крестьянка; я, не стерпя сердце, стала ему говорить объ

этомъ, то онъ всю меня на постели исщипаль и издѣвается надо мною, такъ что и не могу выразить; подѣ казанскою Божіею Матерью ночью удавилъ было на возжахъ. — Другая жалуется, мужъ биваль ее, а этотъ разъ проломилъ ей, съ пьяну, голову, чуть не убилъ. Какъ поступить судъ по новому уложенію съ такими мужьями? Тутъ будетъ усмотрѣно покушеніе на убійство, задуманное и выполненное въ состояніи страсти и раздраженія, и дѣло окончится исправительнымъ домомъ. А затѣмъ? — А затѣмъ бывшая потерпѣвшая сдѣлается опять мужнею женою и снова должна она начать свое служеніе культу любви.

Перейдемъ къ тѣлеснымъ поврежденіямъ.

Проектъ дѣлитъ ихъ на три разряда. Тяжкимъ тѣлеснымъ поврежденіемъ признаетъ причиненіе: душевной болѣзни, потери зрѣнія, слуха, языка, рукъ, ногъ, производительной способности, обезображенія лица, производящаго разстройство органовъ чувствъ или рѣчи, постоянное общее разстройство здоровья, опаснаго для жизни. Въ этихъ случаяхъ проектъ назначаетъ наказаніе каторгою не свыше 8 лѣтъ и тѣмъ даетъ иногда женѣ возможность добиться развода. Говоримъ „иногда“, потому что разъ, по обстоятельствамъ дѣла, подсудимый будетъ признанъ заслуживающимъ снисхожденія, судъ можетъ смягчить, на основаніи п. 2 ст. 53, наказаніе до исправительнаго дома и изувѣченная жена опять должна будетъ прилѣпиться къ мужу. Впрочемъ, на этотъ разъ, вѣроятно самъ мужъ будетъ настолько догадливъ, что прогнать отъ себя несчастное существо, имъ же изувѣченное и превращенное въ движущійся трупъ.

На практикѣ имѣютъ больше значенія такіе случаи, когда мужъ неокончательно добиваетъ жену, а мучаетъ ее изо дня въ день, причиняетъ вредъ здоровью, ушибы, и дѣлаетъ жизнь жены невыносимою. Вотъ нѣсколько такихъ случаевъ. Одна женщина жалуется, что мужъ отбилъ ей печень, вслѣдствіе чего она высохла; другая жалуется, что мужъ ее бьетъ сапогами и желѣзнымъ гвоздемъ, которымъ обдираетъ ей лицо, грызетъ ее зубами и погрызъ ей большой палецъ. Жена тру-

женица не стерпѣла и упрекнула мужа пропойцу. Въ отвѣтъ на это онъ ударомъ по головѣ повалилъ ее на землю и поволокъ за косы, а затѣмъ, заперевъ избу, вмѣстѣ съ матерью накинулся на нее: мужъ надѣлъ ей на шею петлю, затянулъ и наносилъ удары черезсѣдельникомъ, а потомъ и кулаками по груди. Истязаніе продолжалось около часа. Истязуемая впала въ безпамятство и такъ пролежала цѣлый день на полу; очнувшись въ лужѣ крови и съ вывихнутой рукою....

Эти случаи подойдутъ подъ понятіе менѣе тяжкаго тѣлеснаго поврежденія, подъ которымъ разумѣется: ослабленіе зрѣнія, затрудненія рѣчи, ограниченія отправленія конечности, раны, проникающія въ черепно-позвоночную, грудную или брюшную полости, разстройство здоровья, временно угрожавшаго жизни, или отправленію органа, постоянное разстройство здоровья, неопаснаго для жизни. Высшая мѣра наказанія положена въ видѣ исправительнаго дома на три года. Отбудеть преступникъ свое наказаніе и, если есть на то его святая воля, потребуетъ къ себѣ жену и потечетъ для нея прежняя горемычная жизнь, если только исправительный домъ не совершилъ чудо исправленія и въ три года изъ звѣря не сдѣлалъ кроткаго агнца.

А объ такихъ случаяхъ, когда мужъ хлещетъ жену черезсѣдельникомъ, въ которомъ вдѣто желѣзное кольцо; когда начнеть рвать волосы и вырветъ косу—и толковать нечего; міръ въ этихъ случаяхъ говоритъ: какое намъ дѣло, что мужъ жену бьетъ, а проектъ уложенія облагаетъ ихъ тюремнымъ заключеніемъ не свыше шести мѣсяцевъ.

V.

Мы были бы не вѣрно поняты, если бы изложенныя выше замѣчанія были истолкованы въ томъ смыслѣ, что мы считаемъ назначаемыя редакціонною комиссіею наказанія слабыми. Можно бы ее упрекнуть развѣ въ томъ, что она не отнесла убійство супруговъ и причиненіе имъ тѣлеснаго поврежденія къ числу квалифицированныхъ, но и этотъ упрекъ былъ бы неоснователенъ и противъ него удачно защищается

коммисія, на стр. 39 Объясн. записки въ особенной части. „Какъ свидѣтельствуешь опытъ, сказано въ запискѣ, значеніе порванной виновнымъ связи (при убійствѣ супруга), парализуется почти всегда условіями и обстановкою убійствъ этого рода: развратная жизнь, пьянство, безконечныя ссоры и раздоры, жестокое обращеніе съ дѣтьми и т. п., всего чаще являются поводами убійства супруговъ и, благодаря имъ, такіа посягательства въ дѣйствительности не только не влекутъ усиленной репрессіи, но, наоборотъ, вызываютъ въ виновному снисхожденіе или же и полное оправданіе“. Все это совершенно справедливо, но тѣ же соображенія должны были навести коммисію и на мысли иного рода. Если нельзя, безъ нарушенія справедливости, подвергать мужей за совершенныя ими надъ женами преступленія наказанію, какъ за квалифицированныя преступленія, то принимая въ соображеніе особенности объекта преступленій, слѣдовало бы присовокуплять особое добавочное наказаніе, вытекающее изъ особаго свойства отношеній между преступникомъ и потерпѣвшимъ. Бракъ основанъ на взаимной любви, но если ея мѣсто заняла ненависть, проявляющаяся въ преступныхъ насиліяхъ, то во имя той же справедливости и общественнаго интереса нужно бы предоставить потерпѣвшему супругу просить о разводѣ. Такое добавочное послѣдствіе наказанія, хотя бы и факультативно, могло быть назначено въ случаѣ покушенія на жизнь супруга и причиненія ему болѣе или менѣе тяжкаго тѣлеснаго поврежденія. Такое послѣдствіе наказанія вполне согласовалось бы съ тѣмъ началомъ, въ силу котораго лишеніе правъ должно соответствовать свойству совершеннаго преступленія. Кромѣ того, по ст. 29 въ нѣкоторыхъ случаяхъ подсудимые за злоупотребленія своимъ професіональнымъ положеніемъ лишаются судомъ права отправлять свою професію. Такъ, въ особенной части, въ ст. 12, суду предоставляется право воспретить врачу или повивальной бабкѣ, признаннымъ виновными въ умерщвленіи плода, врачебную практику отъ одного года до пяти лѣтъ по отбытіи наказанія. А мужъ, какое бы зѣвское преступленіе ни совершилъ, и какъ бы часто оно ни

повторялось, не лишается своихъ мужскихъ правъ. Въ случаѣ присужденія къ каторгѣ, разводъ возможенъ, но онъ вытекаетъ не изъ свойства преступленія, а изъ формальнаго момента наказанія.

Другое замѣчаніе, которое мы хотимъ сдѣлать по вопросу о лишеніи правъ, касается послѣдствій заключенія въ исправительный домъ. Если оно назначается за такіа преступленія, по совершеніи которыхъ человекъ не можетъ дѣлѣ принадлежать къ сословію дворянъ и почетныхъ гражданъ, настолько онъ низко палъ, то не должно ли служить это обстоятельство достаточнымъ основаніемъ для разрѣшенія тѣхъ брачныхъ узъ, заключая которыя стороны считали другъ друга стоящими не ниже средней порядочности. Послѣдующее преступленіе—это такое новое обстоятельство, которое совершенно измѣняетъ первоначальное положеніе лицъ, вступившихъ въ бракъ.

Предвидимъ возраженіе, которое можно сдѣлать противъ нашего предложенія. Намекъ на подобное возраженіе встрѣчается въ Объясненіяхъ редакціонной комисіи. „Опредѣленіе условій и порядка его (расторженія брака) должно быть отнесено къ области законовъ гражданскихъ“, говоритъ комисіа. Порядокъ, т. е. процессуальныя подробности развода, конечно, должны быть указаны въ гражданскихъ (у насъ въ духовныхъ) законахъ, но самыя условія или поводы развода, „вытекающіе изъ совершенія преступленія“ должны бы опредѣлены въ уголовныхъ законахъ. Въ статьяхъ 25, 26 и 27 улож. о наказ. прямо указывается, что ссылка въ Сибирь и въ каторжныя работы имѣетъ послѣдствіемъ потерю правъ семейственныхъ и супругъ можетъ просить развода. Тоже самое видимъ и въ 30 ст. проекта. Оно и понятно! Открывающееся вслѣдствіе совершенія супругомъ преступленія право развода коренится или въ свойствѣ наказанія, какъ это проектируетъ комисіа, или въ свойствѣ преступленія, какъ мы считаемъ справедливымъ, по крайней мѣрѣ, для одной спеціальной группы преступленій, направленныхъ противъ женъ или супруговъ вообще. Какъ въ томъ, такъ и въ

другомъ случаѣ, криминалисты являются никакъ не менѣе компетентными судьями, чѣмъ цивилисты. А главное, откладывать разрѣшеніе одного изъ сильно наболѣвшихъ жизненныхъ вопросовъ на неопредѣленное время, по болѣе или менѣе формальнымъ соображеніямъ о научной компетенціи или подсудности, не значить ли жертвовать сущностью ради формы. Когда то еще коммисія, составляющая гражданское уложеніе, окончить свою колоссальную работу, а до тѣхъ поръ должны будутъ по всей русской землѣ раздаваться „Бабы стоны“. По крайней мѣрѣ новое уголовное уложеніе не дѣлаетъ ничего для прекращенія или ослабленія этихъ, раздражающихъ душу, стоновъ.

Г. Джамшиевъ.

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНІЕ БУДУЩАГО ГРАЖДАНСКАГО УЛОЖЕНІЯ КЪ НАШЕМУ ОВЫЧНОМУ ПРАВУ ¹⁾.

Едва слухъ о назначеніи особой комисіи для выработки проекта гражданскаго уложенія оправдался, какъ стали раздаваться голоса, довольно громко и настоятельно требовавшіе внесенія въ названное уложеніе началъ и правилъ, установленныхъ нашимъ національнымъ обычнымъ правомъ. Требования эти казались тѣмъ справедливыѣ и основательныѣ, что на собраніе матеріала этого права, его разработку и систематизацію, не мало было потрачено труда, какъ со стороны чистыхъ юристовъ, такъ и со стороны людей, обладавшихъ больше рвеніемъ и любовью къ труду и преданностью къ народу, чѣмъ надлежащею юридическою подготовкою. Почти всѣмъ казалось безспорнымъ и яснымъ, что при такомъ состояніи нашего обычнаго права, помянутая комиссія не встрѣтитъ сколько нибудь серьезныхъ затрудненій для осуществленія завѣтной мечты нашихъ восторженныхъ патріотовъ и что, наконецъ, настанетъ та вождѣльная пора, когда Россія сойдетъ съ пути канцелярскаго юридическаго творчества и постоянныхъ заимствованій извнѣ и будетъ, по меньшей мѣрѣ въ области гражданскаго права, руководствоваться своимъ собственнымъ, стройнымъ, систематически разработаннымъ и чисто національнымъ правомъ.

¹⁾ *Примѣчаніе редакціи.* Важность вопроса, возбуждаемаго г. Табанниковымъ, вызываетъ необходимость дальнѣйшей его разработки, хотя бы и въ направленіи несогласномъ съ возрѣніями автора печатаемой статьи. Въ одной изъ послѣдующихъ книгъ мы помѣстимъ наши соображенія по этому предмету. А. Г.

Извѣстно, что названная кодификаціонная коммисія уже третій годъ трудится надъ разрѣшеніемъ предначертанной ей задачи и что, быть можетъ, въ скоромъ времени она познакомитъ общество съ результатами своего труда. Но въ виду того, что она ничѣмъ еще не проявила своего взгляда и отношенія къ нашему обычному праву, что ея проектъ, если даже онъ будетъ обнародованъ, отнюдь нельзя будетъ назвать законодательнымъ актомъ въ собственномъ смыслѣ слова и что онъ долженъ будетъ пройти сквозь дефілеи какъ литературной критики, такъ и критики нашего высшего законодательнаго учрежденія, именно государственнаго совѣта, гдѣ можетъ подвергнуться многимъ радикальнымъ измѣненіямъ и даже получить совершенно обновленный видъ,—опѣнка нашего обычнаго права, независимо отъ взгляда коммисіи на него, опредѣленіе его существа и надлежащаго отношенія къ нему законодателя, не могутъ быть сочтены дѣломъ бесполезнымъ или запоздалымъ. Напротивъ того, всякій сочувствующій этому неизмѣримо важному для нашего отечества законодательному дѣлу, обязанъ, по мѣрѣ силъ и возможности, всячески ему содѣйствовать, съ тѣмъ, чтобы внести въ него и свою лепту. Вотъ почему и авторъ беретъ на себя смѣлость выразить нѣсколько мыслей относительно того, можетъ ли и долженъ ли законодатель что-либо заимствовать изъ наличнаго матеріала, относящагося къ области нашего обычнаго права, и какое положеніе онъ долженъ принять по отношенію къ будущему движенію и развитію этого права.

Окидывая бѣглымъ взглядомъ весь матеріалъ, надъ разработкою котораго столько трудились представители науки и литературы, насъ невольно, прежде всего, поражаетъ, что вниманію законодателя повсюду предлагаются почти исключительно юридическіе обычаи, господствующіе въ средѣ нашихъ крестьянъ. Эти обычаи тщательно собираются, изучаются, восхваляются, систематизируются и предлагаются законодателю какъ наше національное обычное право, начала котораго онъ долженъ внести въ предстоящій гражданскій кодексъ, если желаетъ дать Россіи чисто русское законодатель-

ство. Въ результатѣ, такимъ образомъ, выходитъ, что весь русскій народъ вмѣщается въ сословіе крестьянъ, что всѣ остальные сословія и классы русскаго государства, каковы дворянство, духовенство, купечество, мѣщанство, чиновничество, войско, ремесленники и т. д., всѣ они не суть составныя части того же народа, а являются чѣмъ-то ему чуждымъ, или какимъ то его придаткомъ, и если среди этого придатка и господствуютъ какіе либо юридическіе обычаи, то ихъ нельзя считать національно русскими, а потому на нихъ и обращать вниманія не стоитъ. Впрочемъ, нѣкоторое отступление допускается только въ пользу инородцевъ російской имперіи, обычаи которыхъ иногда тоже предлагаются вниманію законодателя. Едва ли нужно особенно доказывать совершенную неправильность такого пониманія и народа и національнаго обычнаго права. Неправильность эта станетъ совершенно наглядною, если сравнить народъ съ правильно организованною арміею. Какъ бы искренно расхохотался всякій специально образованный офицеръ, если бы кто либо сталъ его увѣрять, что армію составляютъ только рядовые солдаты, что въ нихъ вся сила, что только то, что создаютъ они, и можетъ претендовать на названіе истинно военнаго и что, слѣдовательно, военное право можетъ и должно создаваться только ими. Офицеръ непремѣнно возразилъ бы на это, что рядовые солдаты представляютъ собою лишь физическую, можно сказать, даже стихійную силу арміи, что сила эта, хотя и велика, но не будучи никѣмъ направляема и приведенная въ движеніе, въ состояніи только безотчетно разрушать и уничтожать и кромѣ разрушенія не можетъ дать никакихъ разумныхъ, положительныхъ и опредѣленныхъ результатовъ; онъ возразилъ бы, далѣе, что армія не есть только сконище солдатъ, а является весьма сложнымъ, вѣками создававшимся механизмомъ, состоящимъ изъ цѣлаго ряда спѣленныхъ между собою лицъ и учреждений, изъ коихъ отсутствіе или неправильная организація хоть одного, можетъ либо совершенно остановить дѣйствіе этого механизма, либо разрушить всякую правильность въ этомъ дѣйствіи и что,

слѣдовательно, и военное право вырабатывается не солдатами, хотя извѣстнаго участія ихъ въ этой работѣ нельзя отрицать.

Тоже должно сказать о нашихъ крестьянахъ, когда рѣчь идетъ о русскомъ народѣ. По численности своей они много разъ превосходятъ всѣ остальные классы русскаго общества, взятые вмѣстѣ, и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы корпусомъ населенія Россіи. Но было бы крайне грубымъ заблужденіемъ, если бы только въ виду этой численности стали завѣрять, что именно крестьяне и только они составляютъ русскій народъ. Такому завѣренію съ полнымъ основаніемъ можно было бы противопоставить возраженія, что подъ народомъ слѣдуетъ разумѣть не простую совокупность лицъ, не ихъ агрегатъ, а гражданъ, органически соединенныхъ въ одно цѣлое; въ естественномъ смыслѣ слова народъ обнимаетъ собою многоразличныя національности, классы и сословія, спѣянные въ одно цѣлое сознаніемъ своего политическаго единства, такъ что, съ этой стороны, понятіе народа можетъ быть отождествлено съ понятіемъ государства. Слѣдуя этому наиболѣе правильному пониманію, въ составъ русскаго народа должны быть введены всѣ классы и сословія нашего общества, независимо отъ національнаго происхожденія ихъ членовъ и не исключая даже самого законодателя, стоящаго во главѣ народа именно какъ его представитель. Отсюда вытекаетъ,—и такъ учить господствующая теорія,—что обычное право такого народа есть результатъ правосознанія, юридическаго убѣжденія не одного какого нибудь класса или сословія его, какъ бы велико оно ни было по своей численности, а всей совокупности гражданъ государства, не исключая и самого законодателя, въ которомъ, какъ въ представителѣ народа, отражаются юридическія воззрѣнія, вѣрованія и убѣжденія послѣдняго.

Отсюда, далѣе, съ логическою необходимостью вытекаетъ, что наше крестьянство не составляетъ еще русскаго народа, а слѣдовательно, выработанное имъ обычное право, если бы такое въ дѣйствительности и существовало, отнюдь не можетъ быть названо нашимъ народнымъ обычнымъ правомъ.

Съ другой стороны, наши собиратели и изслѣдователи поманутаго права, которое съ полнымъ и справедливымъ основаніемъ можетъ быть названо крестьянскимъ обычнымъ правомъ, рѣшительно ничѣмъ не доказали, да едва ли и могутъ доказать, что оно принадлежитъ столько же крестьянамъ, сколько и остальнымъ сословіямъ, классамъ и кругамъ нашего общества и что на этомъ основаніи оно можетъ быть названо нашимъ національнымъ, народнымъ правомъ. Напротивъ того, даже поверхностный, бѣглый взглядъ на собранный и разработанный ими матеріалъ можетъ убѣдить всякаго читателя, не ослѣпленнаго искусственными восторгамъ и предубѣждениями, въ совершенно противномъ. Слѣдовательно, если это право является достояніемъ только одного сословія нашего государства, если оно не можетъ быть приписано въ то же время остальному населенію послѣдняго, то совершенно естественно спросить, на какомъ основаніи законодатель будетъ навязывать начала и особенности этого права всему русскому народу? Въдѣ предстоящее гражданское уложеніе должно носить чисто общій характеръ, оно должно быть общимъ закономъ, дѣйствіе коего имѣетъ распространяться на всѣ безъ изыятія лица и учрежденія; а потому оно должно вмѣщать въ себѣ только такія начала и правила, исполненіе которыхъ не явилось бы въ то же время насиліемъ надъ естественною справедливостію, совѣстью и фактическимъ положеніемъ вещей и дѣлъ. Введеніе въ предстоящее уложеніе институтовъ и правоположеній, свойственныхъ только одному сословію и чуждыхъ остальному населенію, можетъ, въ концѣ концовъ, привести къ тому же плачевному положенію, которое и вызвало осуществленіе мысли объ изданіи новаго гражданского уложенія; другими словами, оно создастъ лишь длинный рядъ изыятій, которыя обратятъ общія правила почти въ ничто и придадутъ уложенію, этому законодательному цѣлому, видъ изношеннаго платья, настолько испещреннаго различными разновременными заплатами, что невозможно будетъ распознать его истинной, первоначальной фізіономіи. Словомъ, въ результатѣ получится нынѣшній X томъ со

всѣми его специфическими особенностями, со всѣми его дополненіями, изъятіями, непрерывными измѣненіями въ редакціи, отдѣльными уставами и т. п., но при другой обстановкѣ. Ни одна область знанія и дѣятельности не должна обходиться безъ уроковъ исторіи и прежде чѣмъ приступать къ какому нибудь серьезному общественному дѣлу, необходимо призывать на помощь и совѣтъ исторію, а она, я полагаю, вполне убѣдительно докажетъ намъ всю несостоятельность такого односторонняго направленія нашего законодательства. Неужели же въ угоду нашимъ восторженнымъ поклонникамъ крестьянскаго обычнаго права законодатель долженъ отвернуться отъ прошедшаго, быть глухимъ къ его напominаніямъ и предостереженіямъ и снова совершить фальшивый шагъ, который весьма скоро заставитъ его прибѣгнуть къ различнымъ оговоркамъ, изъятіямъ, поясненіямъ, добавленіямъ, примѣчаніямъ, измѣненіямъ въ редакціи и т. п. атрибутамъ нынѣшняго законодательства, являющимся истиннымъ крестомъ, непосильнымъ бременемъ для суда и другихъ исполнителей закона.

Но допустимъ на время, что только крестьянское сословіе есть русскій народъ, что выработанное имъ обычное право есть именно русское національное обычное право и что, слѣдовательно, законодатель обязанъ принять во вниманіе это право и ввести въ будущее гражданское уложеніе его начала и особенности. Въ этомъ отношеніи, казалось бы съ перваго взгляда, задача законодателя чрезвычайно упрощена и облегчена трудами многихъ частныхъ лицъ, не только просто собиравшихъ матеріалъ нашего крестьянскаго обычнаго права, но и подвергшихъ его научной разработкѣ и систематизаціи. Однако, такъ только можетъ казаться и притомъ съ перваго взгляда. Ближайшее же знакомство со всѣми литературными трудами, относящимися къ области нашего отечественнаго обычнаго права, убѣждаетъ прямо въ противоположномъ. Тутъ законодатель почти на каждомъ шагу будетъ наталкиваться на полное смѣшеніе чисто юридическихъ обычаевъ съ обычаями религіозными, нравственными, этнографическими,

съ извѣстными привычками, ничего обязательнаго въ себѣ не имѣющими, въ родѣ литокъ, могоарычей, поминоекъ и т. п. Мало того, ему грозитъ опасность ввести въ дѣйствующее законодательство начала совершенно безнравственныхъ и анти-соціальныхъ, которыя собиратели обычнаго права въ пылу увлеченія возвели въ блестящій продуктъ самобытнаго юридическаго творчества нашего крестьянства. Для примѣра укажу нѣсколько такихъ продуктовъ.

Извѣстно, что нашъ крестьянинъ, говоря вообще, обладаетъ совершенно оригинальнымъ возрѣніемъ на договоръ и его обязательную силу. Онъ выполняетъ договоръ до тѣхъ поръ, пока это находитъ для себя выгоднымъ. Но лишь только обстоятельства, вызвавшія его заключеніе, измѣнились, лишь только крестьянинъ начинаетъ замѣчать, что или его первоначальный расчетъ, заставившій его вступить въ договоръ, былъ ошибоченъ, или наступаютъ новыя обстоятельства, невыгодно для него измѣняющія этотъ расчетъ, онъ тотчасъ же считаетъ себя свободнымъ отъ заключеннаго имъ договора, и нисколько не задумываясь отказывается отъ его выполнения. Эта характерная черта нравовъ нашего крестьянства, столь знакомая всякому, кому часто приходится имѣть съ нимъ дѣло, не ускользнула, да и не могла, по своей частой повторяемости, ускользнуть отъ вниманія нашихъ почитателей обычнаго права. И вотъ они придумали для ея истолкованія и оправданія особое объясненіе и даже спеціальнѣйшій терминъ. Нашъ народъ, говорятъ они, вполне правильно не считаетъ для себя обязательнымъ исполненіе договора, если обстоятельства, вызвавшія его заключеніе, въ послѣдствіи измѣнились; далекій отъ разнообразныхъ тонкостей западно-европейской юриспруденціи и руководимый только присущею ему естественною справедливостью, онъ не можетъ понять, почему онъ обязанъ исполнять обязательство и тогда, когда оно, по измѣнившимся обстоятельствамъ, принимаетъ иной характеръ и приводитъ къ непредусмотрѣннымъ послѣдствіямъ. Этому новому виду крестьянской справедливости они, въ виду такого объясненія, дали

право гражданства и сообщили кличку индивидуальной справедливости. Въ своемъ слѣпномъ преклоненіи предъ премудростью крестьянина они и не замѣчаютъ, что подобная справедливость, если бы она была усвоена и нашимъ законодателемъ, должна была бы привести къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. Разъ только законодательнымъ путемъ будетъ признано, что всякій контрагентъ, по своимъ индивидуальнымъ соображеніямъ, которыя онъ сочтетъ за голосъ справедливости, вправѣ отказаться отъ любого договора и обязательства, то окажутся невозможными не только чисто кредитныя, но и всякія иныя сдѣлки, въ составъ коихъ входитъ и кредитъ. Кто же станетъ вступать въ договоры найма, займа, ссуды, подряда, поставки, поручительства и т. п., если его право требовать исполненія такого договора будетъ находиться въ полной зависимости отъ этой пресловутой индивидуальной справедливости; если всякій контрагентъ въ такомъ договорѣ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не благопріятствующимъ его личнымъ расчетамъ, вправѣ будетъ отказаться отъ исполненія принятаго имъ на себя обязательства? Едва ли нужно еще доказывать, что эта индивидуальная справедливость и безнравственна и антисоціальна, ибо она узаконяетъ произволъ и прямо противорѣчитъ первичнымъ основамъ общечеловѣчества.

Пойдемъ однако далѣе. Почти повсемѣстно у крестьянъ существуетъ обычай, обязывающій жениха уплачивать родителямъ невѣсты извѣстную сумму цѣнностей, всего чаще именуемую крестьянами кладкою. Обычай этотъ весьма древняго происхожденія и, по объясненію новѣйшихъ изслѣдователей нашего обычнаго права, коренится въ хозяйственномъ строѣ нашей крестьянской семьи. Положеніе въ послѣдней ея членовъ обуславливается ихъ рабочею силою, суммою доставляемой ими работы. Отдача въ замужество дѣвницы, принадлежащей къ составу такой семьи, лишаетъ послѣднюю работницы, а потому наноситъ ей матеріальный ущербъ. Этотъ ущербъ долженъ быть возмѣщенъ семьѣ виновникомъ его, т. е. женихомъ или его родителями. Соблюденіе этого обычая

встрѣчается у крестьянъ весьма многихъ губерній и нерѣдко доводитъ ихъ до полного разоренія, такъ какъ заставляетъ жениха дѣлать обременительные для него долги, погашеніе которыхъ надолго лишаетъ его возможности пользоваться продуктами своего труда и начинающаго хозяйства. Если же женихъ состоитъ членомъ такъ назыв. большой семьи, то его родители и родственники стараются вернуть затраченное на владку, взваливая на новобрачную самую трудную и самую неприятную работу. Само собою разумѣется, что ей при этомъ приходится часто выслушивать горькіе и безцеремонные попреки и напоминанія, что за нее не мало заплачено и что ради нея не мало израсходовано.

Предположимъ теперь, что законодатель, внимая восторгамъ и требованіямъ нашихъ поклонниковъ крестьянскаго обычнаго права, внесетъ въ будущее уложеніе правило, узаконяющее описанную покупку невѣсты. Нужно ли еще пояснять, что этимъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ узаконено грубо безправственное начало, которое можетъ считаться достойнымъ похвалы и подражанія только на первыхъ ступеняхъ культуры? Въ наше же время, когда торговля людьми заклемена всаческимъ позоромъ, когда она признана однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ преступленій, такое начало несомнѣнно должно подвергнуться самому беспощадному осужденію. Можно ли въ девятнадцатомъ вѣкѣ и при господствѣ христіанской нравственности допустить какую-либо законную возможность покупки и продажи женщинъ, въ какую бы форму сдѣлка эта ни облекалась?

Подъ вліяніемъ того же начала установились и обоюдныя супружескія отношенія у крестьянъ, своею грубостью и нерѣдко свирѣпостью приводящія въ содроганіе всякаго мало-мальски образованнаго человѣка. Купивъ себѣ жену, нашъ крестьянинъ считаетъ себя хозяиномъ ея, точно также, какъ онъ считаетъ себя хозяиномъ купленной имъ лошади или коровы. Въ силу этого онъ твердо вѣритъ въ свое право возлагать на нее всякаго рода работы, какъ бы тяжки онѣ ни были. и въ свою безапелляціонную власть подвергать ее

всякаго рода дисциплинарнымъ взысканіямъ, обыкновенно принимающимъ форму тяжкихъ побоевъ, и въ случаѣ ея ухода отъ него безъ позволенія или нарушенія супружеской вѣрности, нерѣдко превращающимся въ такого рода истязанія, которымъ позавидовали бы средневѣковые инквизиторы. Бичеваніе, привязываніе къ оглоблѣ вмѣсто лошади и т. п., изувѣрства въ деревняхъ продѣлываются на виду у всѣхъ, безъ всякаго протеста со стороны остальныхъ крестьянъ. Да и какъ имъ протестовать, когда они проникнуты сознаніемъ законности подобнаго образа дѣйствія. Если бы и законодатель, въ угоду нашимъ поклонникамъ обычнаго права, проникся такимъ же сознаніемъ и своимъ авторитетомъ освятилъ подобную власть мужа, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, внесъ бы не улучшеніе въ наши нравы, а попытился бы на нѣсколько столѣтій назадъ и проявилъ бы полное непониманіе нынѣшняго христіанскаго брака. зиждущагося не на власти и рабскомъ подчиненіи ей, а на взаимной любви, преданности, снисхожденіи, уваженіи и помощи супруговъ между собою.

Наши собиратели обычнаго права между прочимъ указываютъ еще на опеку и трудъ. положеніе коихъ въ этомъ правѣ совершенно иное. чѣмъ въ правѣ писанномъ. Опеку мы, юристы, воспитанные на теоріи права и писанныхъ законахъ, не можемъ представить себѣ иначе, какъ въ видѣ общественной должности (*munus publicum*), соотвѣтствующей одной изъ функцій государства. Мы убѣждены, что государство, обязанное ограждать тѣлесную неприкосновенность, честь и имущество своихъ гражданъ, приспособляетъ выполнение этой обязанности къ потребностямъ и пользамъ нуждающихся въ его защитѣ. Тамъ, гдѣ въ наличности имѣется дѣеспособное лицо, т. е. психически здоровый и взрослый человекъ, государство ограничивается чисто пассивною ролью: оно не вмѣшивается въ его частныя дѣла и является тутъ къ нему на помощь только тогда, когда лицо это само того требуетъ. Но если нуждающійся въ защитѣ оказывается недѣеспособнымъ, т. е. лишеннымъ воли, или если онъ поставленъ въ такое фактическое положеніе, что не можетъ проявлять свою

волю, то пассивная роль государства превращается въ активную; недѣеспособное лицо не можетъ созавать причиняемаго ему зла и само по себѣ не въ состояніи оградить себя отъ вредныхъ послѣдствій этого зла. А потому, если бы по отношенію и къ такому лицу государство являлось на помощь только послѣ спеціальнаго приглашенія къ тому потерпѣвшаго, то оно тѣмъ самымъ лишило бы его всякой своей защиты, такъ какъ кто не сознаетъ причиняемаго ему вреда, тотъ не можетъ просить и о защитѣ противъ такового. Чтобы и тутъ выполнить свое назначеніе, государство, смотря по конкретнымъ обстоятельствамъ, беретъ лицо и имущество его или только послѣднее въ свое вѣдѣніе, и распоряжается или обоими, или только имуществомъ, такъ, какъ, слѣдую обычному порядку, распорядилось бы ими само это лицо, еслибы обладало вполнѣ сознательною волею или въ состояніи было бы проявлять таковую. Какъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, государство дѣйствуетъ тутъ чрезъ своихъ спеціальнымъ органовъ, которымъ сообщаетъ устройство и объемъ правъ и обязанностей, наиболѣе способствующіе выполнению означенной задачи. Совокупность относящихся сюда правилъ и учреждений мы называемъ опекою. По лежащей въ основѣ ея идеѣ, что либо болѣе гуманное, логичное и цѣлесообразное трудно и представить себѣ.

Совершенно въ иномъ видѣ представляется опека у нашихъ крестьянъ. Если вѣрить свидѣтельству лицъ, писавшихъ о нашемъ крестьянскомъ обычномъ правѣ, то опеки въ узаконномъ смыслѣ у нашихъ крестьянъ вовсе не существуетъ. Малолѣтній, пока онъ состоитъ членомъ семьи, находится подъ властью большака, т. е. дѣда, отца, дяди или брата, заправляющихъ семейнымъ хозяйствомъ, въ составъ котораго входитъ и имущество малолѣтняго, хотя бы оно досталось ему со стороны, безъ всякаго участія и содѣйствія членовъ этой семьи. Если же малолѣтній сирота, то онъ или вводится въ чужую семью или отдается подъ начало какому-нибудь дальнему родственнику, либо даже совершенно чужому человѣку, которые въ этомъ случаѣ распоряжаются имуществомъ подо-

печнаго такимъ же образомъ, какъ и старшій въ семейномъ хозяйствѣ. Такъ какъ въ такомъ хозяйствѣ преимущественное значеніе принадлежитъ личному труду, то и семейное имущество составляетъ достояніе того, кто его утилизируетъ, т. е. извлекаетъ изъ него выгоды и приращаетъ его. Само собою разумѣется, что малолѣтній этого дѣлать не въ состояніи, а потому его имущество выходитъ изъ его власти и переходитъ во власть опекуна. При господствѣ такихъ воззрѣній, конечно, не можетъ быть и рѣчи о какой либо контролирующей и направляющей дѣятельность опекуна инстанціи, а потому судьба малолѣтняго находится въ рукахъ случая, такъ что весьма зажиточный малолѣтній можетъ, по достиженіи совершеннолѣтія, оказаться совершенно обобранымъ и нищимъ, не имѣя въ тоже время ни малѣйшей фактической и юридической возможности возвратить себѣ отнятое у него опекуномъ законное достояніе.

Сравнивая теперь описанное положеніе опеки въ писанномъ и обычномъ правѣ, едва ли возможно хоть на минуту усомниться въ превосходствѣ перваго надъ послѣднимъ. Въ виду этого, требованіе отъ законодателя, чтобъ онъ при составленіи будущаго гражданскаго уложенія принялъ въ соображеніе ту форму опеки, въ которой она проявляется въ крестьянскомъ обычномъ правѣ, и приспособился къ ней, было бы равносильно требованію внести въ уложеніе принципъ беззащитности малолѣтнихъ, господство произвола и безнаказаннаго обирательства физически беспомощныхъ лицъ.

Столь же безотраднымъ и ложнымъ представляется воззрѣніе крестьянскаго обычнаго права на трудъ. Обычное право, утверждаютъ наши поклонники послѣдняго, въ противоположность теоріи и писанному праву, признаетъ за трудомъ значеніе правопроизводящаго факта. Другими словами, трудъ самъ по себѣ, безъ предшествующихъ и сопровождающихъ его обстоятельствъ, рождаетъ для совершившаго его извѣстныя правомочія, совершенно также, какъ и закономѣрно заключенная сдѣлка. Въ силу этого, если кто обработалъ и засѣялъ чужое поле, хотя бы безъ вѣдома или даже противъ

воли хозяина этого поля, то имѣть несомнѣнное право исключительно для себя воспользоваться плодами этого затраченного имъ труда и для осуществленія этого права, въ случаѣ сопротивленія, можетъ обратиться даже къ содѣйствию власти. Усматривая въ этомъ возрѣнн чутъ ли не послѣднее слово науки и восторгаясь практическимъ смысломъ нашихъ крестьянъ, въ этомъ отношеніи далеко оставившихъ будто бы за собою и западно-европейскую юриспруденцію и наше писанное право, поклонники крестьянскаго обычнаго права приводятъ не мало рѣшеній волостныхъ судовъ, въ которыхъ эта простонародная премудрость нашла себѣ наглядное выраженіе.

Представимъ себѣ теперь, что восторги помянутыхъ поклонниковъ сообщатся нашему законодателю и онъ, заразившись этимъ безусловно неправильнымъ пониманіемъ, внесетъ въ будущее уложеніе изложенное юридическое возрѣніе на трудъ. Разъ извѣстный принципъ открыто признанъ законодателемъ, то судъ и всѣ остальные граждане не только вправѣ, но и обязаны примѣнять его непосредственно и дѣлать изъ него логическіе выводы. А потому судъ, будучи послѣдовательнымъ, обязанъ будетъ признать вполне законнымъ слѣдующій абсурдъ: данное лицо, воспользовавшись продолжительнымъ отсутствіемъ хозяина сосѣдняго одноэтажнаго дома, надстраиваетъ на послѣднемъ второй этажъ и пускаетъ туда своихъ жильцовъ. Возвратившійся хозяинъ обращается въ судъ съ просьбою понудить надстроившаго снести свою постройку, возстановить испорченный домъ въ прежній видъ и уплатить за неправопользованіе чужимъ пространствомъ. При разрѣшеніи этой просьбы судъ обязанъ будетъ разсуждать такимъ образомъ: законъ признаетъ, что затраченный трудъ самъ по себѣ долженъ давать право на безпрепятственное пользованіе его продуктомъ, а такъ какъ отвѣтчикъ, выстроивши второй этажъ на домѣ истца, затратилъ значительную сумму труда и матеріальныхъ средствъ, то и имѣетъ вполне законное основаніе безпрепятственно пользоваться продуктомъ этой затраты, именно надстроеннымъ эта-

жемъ, а потому истцу, въ его требованіи, какъ противозаконномъ, отказать.

Такихъ возможныхъ комбинацій можно привести множество, и если мы пожелаемъ быть послѣдовательными до конечныхъ предѣловъ, то можемъ придти къ заключенію, что и воръ, для совершенія кражи затратившій извѣстный трудъ, имѣеть, въ силу указаннаго принципа, право на безпрепятственное пользованіе продуктомъ своего труда. Безъ сомнѣнія, и трудъ, самъ по себѣ, можетъ порождать тѣ или другія правомочія, но лишь тогда, когда онъ не вторгается въ сферу чужаго господства, не нарушаетъ чужаго права. Въ этомъ смыслѣ онъ разсматривается и наукою права, гдѣ ему отведено подобающее мѣсто, съ этой же стороны смотреть на него писанное право и смотрѣло право римское, точно опредѣлившее его юридическое значеніе. Стало быть завѣреніе, что впервые надлежаще оцѣнило трудъ только наше крестьянское обычное право и что только оно признало за нимъ самостоятельное юридическое значеніе, было бы вполне равносильно тому, если бы человѣкъ, никогда прежде неслыхавшій объ индѣйцахъ и случайно встрѣтившись съ однимъ изъ нихъ, сталъ бы затѣмъ увѣрять, что онъ первый открылъ существованіе индѣйцевъ на земномъ шарѣ.

Какъ на одну изъ особенностей нашего обычного права, указываютъ, между прочимъ, на преобладаніе въ немъ, при заключеніи сдѣлокъ, символизма, причемъ къ числу символовъ относятъ и такіе обряды, которые лишены всякаго юридическаго значенія и соблюдаются только по вкоренившейся привычкѣ, какъ историческое воспоминаніе, каковы различные свадебные обряды, коими такъ богато наше крестьянство. Но символизмъ въ правѣ отнюдь не можетъ быть названъ исключительною особенностью нашего обычного права; онъ повторяется повсемѣстно у всѣхъ культурныхъ народовъ и притомъ на первыхъ ступеняхъ культуры. Господство его не есть продуктъ какихъ-либо національных особенностей, а является результатомъ крайней необходимости. Въ наше время, когда грамотность есть явленіе самое обыденное, за-

ключенная сдѣлка подкрѣпляется облеченіемъ ея въ ту или другую письменную форму, которая, сама по себѣ, служитъ наилучшею гарантіею противъ спора о существованіи сдѣлки. Не то слѣдуетъ сказать о тѣхъ временахъ и тѣхъ народахъ, гдѣ грамотность есть достояніе самаго незначительнаго и, притомъ, привилегированнаго круга лицъ. Тутъ облечь сдѣлку въ письменную форму, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, представляется невозможнымъ. Въ силу этого рождается необходимость въ другихъ средствахъ закрѣпленія существованія сдѣлки; въ качествѣ такихъ средствъ создаются извѣстные символы, т. е. торжественныя дѣйствія, совершаемыя контрагентами публично, въ присутствіи свидѣтелей и имѣющія значеніе удостовѣренія въ томъ, что данная сдѣлка состоялась и что, потому, контрагенты односторонне отказаться отъ нея уже не въправѣ. Съ такимъ значеніемъ у римлянъ выработались извѣстныя формы сдѣлокъ, а именно *municipatio*, *injure cessio* и *stipulatio*; такое же значеніе у нашего простонародія имѣетъ битье по рукамъ, литки, передача проданной лошади посредствомъ передачи повода отъ уздечки ея изъ полы продавца въ полу покупателя; такое же значеніе имѣетъ обычай по заключеніи сдѣлки креститься на иконы и т. п. Существованіе подобныхъ символовъ у нашихъ крестьянъ ясно свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что простонародіе наше находится еще на довольно низкой ступени культуры, что среди него грамотность продолжаетъ быть явленіемъ довольно рѣдкимъ и что, потому, ему доселѣ еще необходимо, для укрѣпленія заключенныхъ сдѣлокъ прибѣгать къ внѣшнимъ символамъ.

Но можно ли отсюда заключать, что законодатель нашъ обязанъ внести этотъ первобытный способъ corroborаціи правъ въ уложеніе, дѣйствіе коего имѣетъ распространиться на всѣ безъ изыатія классы русскаго народа? Признать такой выводъ правильнымъ, значило бы насильственно заставить грамотное и образованное меньшинство нашего общества подчинить свои болѣе просвѣщенныя привычки и воззрѣнія обычаямъ грубаго и мало развитаго большинства. Законода-

ж. гр. и уг. пр. кн. III 1885 г.

тель, конечно, долженъ принять въ расчетъ культурное состояніе нашего простонародія и дать силу его юридическимъ обычаямъ. Но для этого нѣтъ никакой надобности вносить эти обычаи въ самый законъ, а достаточно лишь разрѣшить суду, въ потребныхъ случаяхъ, придавать имъ соотвѣтствующее юридическое значеніе.

Говоря о нашемъ обычномъ правѣ, я доселѣ отправлялся отъ предположенія, что выдаваемое у насъ за такое право, есть дѣйствительно народное и съ этой стороны оцѣнивалъ его. Чтобы окончить эту оцѣнку, я упомяну еще объ артельномъ началѣ, которое удостоилось особаго вниманія нашихъ и юристовъ, и экономистовъ. Его также выставляютъ на видъ, какъ исключительное, исторически развившееся національное достояніе нашего народа; съ нимъ нянчатся и его лелѣютъ съ истинно родительскою нѣжностью, возлагая на него самыя широкія надежды. Но если изъ области общихъ мѣстъ, выпренихъ похвалъ и отвлеченныхъ упованій, спуститься въ область голой дѣйствительности, то мы убѣдимся, что артельное начало не только доселѣ еще не получило у нашего простонародья сколько нибудь опредѣленнаго, вполнѣ сложившагося и постояннаго типа, но что оно вовсе не является нашимъ исключительнымъ, национальнымъ достояніемъ, а въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ и въ болѣе постоянныхъ и правильныхъ формахъ повторяется во всѣхъ культурныхъ государствахъ земнаго шара. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на весьма распространенныя и многообразныя формы торговыхъ, потребительскихъ, производительныхъ, приобрѣтательныхъ и другихъ промышленныхъ товариществъ, на акціонерныя компаніи и инныя ассоціаціи, съ помощью которыхъ наше время удовлетворяетъ своимъ, постоянно возрастающимъ, хозяйственнымъ, умственнымъ и моральнымъ нуждамъ.

И такъ, все сказанное приводитъ къ тому, что, если наше крестьянское обычное право, неправильно называемое народнымъ, разсматривать какъ вполнѣ законченный, сложившійся продуктъ нашего національнаго юридическаго творчества, то,

взятое въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, оно не можетъ оказывать никакого благотворнаго вліянія на выполненіе предстоящей законодательной работы. Принципы и особенности этого права, окружаемые нашими народниками чуть ли не ореоломъ геніальности и высочайшей справедливости, будучи подвергнуты строгой и безпристрастной критикѣ, оказываются или случайно сохранившимися обломками сѣдой старины, совершенно непригодными для нынѣшняго общественнаго строя, или такими антисоціальными и часто безнравственными началами, съ которыми наши крестьяне доселѣ уживаются очевидно только потому, что еще не вполне ознакомились, не вполне постигли превосходство началъ, господствующихъ въ болѣе образованныхъ слояхъ и классахъ нашего общества.

Къ какимъ выводамъ мы приходимъ, принимая, что такъ называемое народное обычное право не только существуетъ, но и представляется чѣмъ-то вполне сложившимся, цѣльнымъ, т. е. достигшимъ такой полноты, правильности и однообразія, въ силу которыхъ граждане въ своихъ взаимныхъ правоотношеніяхъ, а равно и судъ, могутъ руководиться имъ съ такою же увѣренностью, какъ и писаннымъ закономъ. Но ближайшее ознакомленіе съ собраннымъ матеріаломъ убѣждаетъ въ прямо противоположномъ. Не говоря уже о весьма почтенной цифрѣ разноплеменныхъ, населяющихъ Россію инородцевъ: каковы киргизы, татары, калмыки, чуваша, мордва, самоѣды, евреи, греки, нѣмцы и др., руководствующіеся своими особыми обычаями, въ большинствѣ своемъ не имѣющими ничего общаго съ обычаями не только кореннаго русскаго населенія, но и отдѣльныхъ инородческихъ племенъ, невозможно, не насилуя правды, утверждать, чтобы и среди чисто русскихъ крестьянъ повсемѣстно господствовали одинаковые юридическіе обычаи. Одинаковости не существуетъ не только въ области договоровъ и обязательствъ, всего чаще приспособляющихся къ мѣстнымъ топографическимъ, климатическимъ и др. условіямъ, но и въ области семейственнаго и наслѣдственнаго права. Изучая собранный матеріалъ, мы прежде всего наталкиваемся на тотъ знаменательный фактъ,

что юридическіе обычаи великороссовъ существенно разнятся отъ таковыхъ же обычаевъ малороссовъ и что въ виду этого собственно русское крестьянское населеніе, въ юридическомъ отношеніи, можетъ быть разбито на двѣ части. При такомъ племенномъ разнообразіи населенія, при полномъ отсутствіи сходства юридическихъ обычаевъ одного племени съ таковыми же остальныхъ племенъ, самъ собою рождается вопросъ: если законодатель обязанъ принять въ соображеніе начала и особенности нашего обычнаго права и дать къ соотвѣтствующее выраженіе въ своемъ кодексѣ, то долженъ ли онъ внести въ послѣдній эти начала и особенности во всемъ ихъ нынѣшнемъ пестромъ разнообразіи, или обязанъ дать предпочтеніе юридическимъ обычаямъ какого нибудь одного племени предъ всѣми остальными? Первое совершенно невозможно, такъ какъ вмѣсто уложенія, т. е. систематическаго кодекса, получился бы законодательный сборникъ, вполне соотвѣтствующій нынѣ дѣйствующей 1 части X тома свода законовъ, крайнія неудобства которой давно уже признаны всѣми и были главнѣйшею причиною учрежденія нынѣшней кодификаціонной комисіи; предпочтеніе же юридическихъ обычаевъ одного племени предъ остальными, населяющими Россію племенами, явилось бы вопіющею несправедливостью по отношенію къ послѣднимъ, ибо навязало бы имъ такіе юридическіе принципы и положенія, которые или совершенно чужды ихъ племеннымъ особенностямъ, религиознымъ убѣжденіямъ и мѣстнымъ условіямъ, или до которыхъ они еще вовсе не доросли.

Но допустимъ даже, что законодатель долженъ игнорировать юридическую жизнь всѣхъ остальныхъ племенъ, кромѣ кореннаго, т. е. великорусскаго, и что обычное право только послѣдняго должно быть принято въ соображеніе и введено въ будущее уложеніе. Говоря объ обычномъ правѣ даннаго народа, обыкновенно представляютъ себѣ твердо установившіяся юридическія воззрѣнія, принципы и положенія, одиноково признаваемые и соблюдаемые во всемъ народѣ, на всемъ пространствѣ занимаемой имъ территоріи. Обычное

право, неудовлетворяющее этому пониманию, не может претендовать на название народного, а скорее должно быть сведено къ определенной мѣстности, определенному сословію, определенному классу и т. п. Удовлетворяет ли обычное право великорусскихъ крестьянъ указанному требованію? — Ничуть ни бывало. Непосредственное наблюденіе и собранный матеріалъ какъ нельзя болѣе убѣждаютъ всякаго, не ослѣпленнаго фанатическимъ народничествомъ юриста, что одинаковыхъ, повсюду соблюдаемыхъ и признаваемыхъ, какъ правоположеніе, юридическихъ обычаевъ, у нашихъ крестьянъ не существуетъ. А то, что выдаютъ за такое право, представляется либо отдѣльными явленіями юридической жизни, случайно подмѣченными даннымъ наблюдателемъ въ той или другой мѣстности, либо произвольнымъ выводомъ изъ двухъ, трехъ или болѣе случаевъ, также случайно вошедшихъ въ извѣстный сборникъ сырого матеріала этого права, изданный въ 1873—1874 г.г. въ семи томахъ подъ заглавіемъ: *Труды комисіи по преобразованію волостныхъ судовъ*. Чтобы на мѣстѣ изслѣдовать положеніе крестьянскаго правосудія и матеріальнаго права, комисія эта предприняла путешествіе по разнымъ губерніямъ и уѣздамъ Россіи. Она посѣтила около 15 губерній, но ознакомилась въ нихъ не со всѣми волостями, а лишь съ нѣкоторыми. Такимъ образомъ изслѣдована ею далеко не вся Россія; внѣ района ея наблюденій остались наиболѣе обширныя части русской территоріи, каковы: Сибирь, Кавказъ, Крымскій полуостровъ, сѣверная полоса, западный край, Прибалтійскія губерніи и др. О юридическихъ обычаяхъ этихъ частей Россіи у насъ нѣтъ официальныхъ, слѣдовательно, вполне достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ свидѣнія объ обычномъ правѣ наиболѣе обширной части нашего отечества мы, по прежнему, вынуждены почерпать изъ частныхъ источниковъ; но источники эти не могутъ внушать такого довѣрія, какъ источники официальные, такъ какъ факты, сообщаемые частными лицами, обыкновенно носятъ случайный характеръ и изображаются наблюдателемъ не въ ихъ естественномъ, неприкрашенномъ видѣ,

а такими, какими хочется ихъ видѣть; другими словами, подобныя частныя свѣдѣнія всего чаще отражаютъ въ себѣ умственный уровень, взгляды и вѣрованія сообщающаго ихъ.

Несмотря однако на то, что названная коммисія изслѣдовала только отдѣльныя мѣстности нѣсколькихъ центральныхъ губерній, въ собранномъ ею матеріалѣ вовсе нетрудно усмотрѣть такое разнообразіе въ юридическомъ обсужденіи однихъ и тѣхъ же правоотношеній, такое смѣшеніе экономическихъ воззрѣній съ чисто юридическими, уголовного права съ гражданскимъ и административнымъ, права писаннаго съ неписаннымъ, такую случайность и неустойчивость правосознанія нашихъ крестьянъ, что только чрезмѣрный оптимизмъ можетъ извлечь отсюда опредѣленные юридическія начала и правоположенія, входящія въ составъ нашего обычнаго права. Чтобы наглядно убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратиться къ вызвавшему въ свое время значительную сенсацію сочиненію нашего извѣстнаго, весьма почтеннаго и талантливаго профессора С. В. Пахмана, озаглавленному „Обычное гражданское право въ Россіи“. Сочиненіе это есть попытка систематизаціи наличнаго матеріала нашего обычнаго права. Отдавая должную дань уваженія умѣно автору справляться съ подавляющею массою сырого матеріала, нельзя не задаться вопросомъ: годенъ ли этотъ матеріалъ для научной разработки, могъ ли авторъ изъ него извлечь какіе либо прочныя научныя выводы, начала? Къ сожалѣнію, на это приходится дать отрицательный отвѣтъ. Главнѣйшимъ матеріаломъ служили автору рѣшенія волостныхъ судовъ.

Кому же неизвѣстно, что эти весьма разнорѣчивыя рѣшенія, нерѣдко всецѣло принадлежащія творчеству и литературному таланту законника и грамотѣя волостнаго писаря, отличаются тѣмъ индивидуальнымъ, случайнымъ характеромъ, который присущъ каждому судебному рѣшенію.

Всякій судъ, въ томъ числѣ и волостной, въ своихъ рѣшеніяхъ соображается не только съ дѣйствующимъ объективнымъ правомъ, но и съ выяснившимися при разбирательствѣ обстоятельствами, съ непосредственно судомъ ощущае-

мыми требованіями справедливости, гуманности и т. п., словомъ, со всѣмъ тѣмъ препаратомъ, который на языкѣ теоретическихъ и практическихъ юристовъ принято называть собственнымъ соображеніемъ суда. Подобныя рѣшенія считать выраженіемъ обычнаго права едва ли возможно или, по крайней мѣрѣ, трудно въ нихъ выдѣлить то, что является выраженіемъ обычнаго права, отъ того, что вызвано конкретными обстоятельствами даннаго случая. Насколько судебныя рѣшенія являются негоднымъ научнымъ матеріаломъ, видно изъ слѣдующаго случая. Извѣстно, что судъ при разсмотрѣніи просьбы о выселеніи изъ дома или квартиры обыкновенно предоставляетъ выселяемому нѣкоторый срокъ на добровольное исполненіе рѣшенія, соображаясь при этомъ съ личнымъ, семейнымъ или имущественнымъ положеніемъ выселяемаго, съ временемъ года, свойствомъ мѣстности и т. п. Положимъ, изъ нѣсколькихъ рѣшеній видно, что судъ даетъ на выселеніе двухнедѣльный срокъ. Если смотрѣть на эти рѣшенія, какъ на выраженія обычнаго права, то придется сказать, что по обычному праву выселяемому дается на выселеніе двухнедѣльный срокъ. Живымъ протестомъ противъ этого явилась-бы сама дѣйствительность: несомнѣнно, что тотъ самый судъ, который давалъ на выселеніе изъ квартиры двухнедѣльный срокъ, не рѣшился бы дать такой же срокъ на выселеніе обширной фабрики, на устройство которой въ новомъ мѣстѣ, вывозъ машинъ и разныя необходимыя приспособленія требуется не менѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

И такъ, вотъ что у насъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, считаютъ выраженіемъ нашего національнаго обычнаго права и вотъ изъ какихъ элементовъ послѣднее составляютъ. Соответствуютъ ли извлекаемые такимъ способомъ правосположенія юридическому убѣжденію всего народа, согласны-ли они съ выработанными тысячелѣтнимъ опытомъ принципами общежитія, не противны-ли они нынѣшнему уровню нравственности, есть-ли какая-нибудь практическая необходимость или польза въ ихъ примѣненіи, это вопросы, о которыхъ наши поклонники національнаго

обычнаго права краснорѣчиво умалчиваютъ. Имъ во чтобы то ни стало хочется, чтобы у насъ существовало и дѣйствовало самобытное національное право, и вотъ они собираютъ различные, разбросанные по необозримой территоріи россійской имперіи обломки и клочья когда-то господствовавшихъ юридическихъ воззрѣній и обычаевъ, вопрошаютъ мнимыхъ вѣщателей народнаго правосознанія, являющихся въ этой роли или по собственному заблужденію, каковы различные неподготовленные собиратели и комментаторы русскаго обычнаго права, или въ силу необходимости, каковы наши волостные писаря и волостные судьи, и добытой этимъ путемъ юридическій сумбуръ сортируютъ, обтачиваютъ, выбрасываютъ изъ него все, неудовлетворяющее предвзятому желанію, придаютъ ему напередъ задуманную фізіономію и ими самими созданное такимъ образомъ искусственное произведеніе предлагаютъ законодателю въ качествѣ нашего національнаго обычнаго права, съ которымъ ему предстоитъ соображаться при разрѣшеніи своей законодательной задачи. При этомъ ослѣпленіе и увлеченіе доходятъ иногда до того, что къ правоположеніямъ нашего обычнаго права относятъ звѣрскія проявленія самосуда, каковы расправа нашихъ крестьянъ и простолюдины съ конокрадами и иными ворами, а равно изувѣрство надъ провинившеюся женой, о коихъ намъ нерѣдко приходится читать въ газетахъ и которыя, съ точки зрѣнія всякаго образованнаго юриста, должны быть относимы не къ проявленію какаго бы то ни было права, а къ тяжкому нарушенію послѣдняго.

Такъ, одинъ изъ весьма почтенныхъ и извѣстныхъ собирателей нашего обычнаго права, Е. И. Якушкинъ, во введеніи къ своему сборнику матеріаловъ для бібліографіи этого права, въ главѣ насчитываемыхъ имъ восьми формъ крестьянскаго суда ставитъ самосудъ, совершенно правильно опредѣляя его, какъ личную расправу потерпѣвшаго съ провинившимся, въ которой иногда принимаютъ участіе лица постороннія. Но дѣйствительно-ли самосудъ считается нашими крестьянами законною формою суда, и если такъ, то достой-

ны-ли названія права и при томъ народнаго, такія юридическія воззрѣнія, которыя не возвысились еще до полнаго отрицанія самосуда,—этого, какъ извѣстно, грубаго посягательства противъ государственной власти и общественныхъ порядка и безопасности, запрещаемаго уже на первыхъ ступеняхъ государственнаго развитія,—это для нашихъ комментаторовъ и собирателей обычнаго права вопросы совершенно посторонніе. Самосудъ, разсуждаютъ они, среди народа встрѣчается довольно часто, стало-быть, онъ есть атрибутъ нашего обычнаго права. Разсуждая такимъ образомъ, можно придти къ столь же логическому выводу, что самосудъ есть юридическій институтъ и потому, онъ долженъ быть не только признанъ государствомъ, но и пользоваться защитой государственной власти. Если мы пойдемъ по этому пути далѣе, то придемъ къ крайнимъ абсурдамъ. Разъ самосудъ, во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ караемый тяжкими уголовными наказаніями, признать составною частью нашего обычнаго права, то почему же не удѣлить въ немъ столь же почетнаго мѣста кражѣ, убійству и изувѣченію? Вѣдь всѣ эти дѣянія встрѣчаются среди нашего народа еще чаще, чѣмъ самосудъ; а потому, разсуждая указаннымъ образомъ, и ихъ слѣдуетъ признать проявленіемъ нашего народнаго обычнаго права.

Тотъ же собиратель, къ главнымъ видамъ наказаній, господствующихъ въ нашемъ обычномъ правѣ, относитъ между прочимъ, запряганіе въ повозку, различные виды посягательства, земные поклоны и напой; при этомъ онъ даетъ довольно обстоятельное описаніе существа этихъ наказаній и случаевъ ихъ примѣненія и относительно напой объясняетъ, что при присужденіи къ нему виновнаго заставляють выставить суду определенное количество вина, которое тутъ же распивается въ сообществѣ съ тяжущимися сторонами. Я не имѣю ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ справедливости этого описанія. тѣмъ болѣе, что о подобномъ наказаніи слышалъ отъ довольно компетентныхъ лицъ и самъ былъ случайнымъ очевидцемъ его примѣненія. Но я спрашиваю: можно-ли называть правомъ, различные грубыя и возмущающія душу на-

силія и злоупотребленія властью только на томъ основаніи, что они практикуются довольно часто и благодаря географическимъ и другимъ условіямъ нашей страны не встрѣчаютъ энергическаго преслѣдованія со стороны высшей власти? Если бы волостные суды ввели у себя обыкновеніе обязывать стороны до разбора дѣла одарять каждаго судью, то разсуждая указаннымъ образомъ, намъ пришлось бы признать, что покупъ судей есть атрибутъ нашего обычнаго права.

Если таково состояніе послѣдняго, то самъ собою рождается вопросъ: долженъ-ли законодатель принять его къ руководству или въ соображеніе при составленіи гражданскаго уложенія, и если да, то что именно отсюда онъ можетъ заимствовать? Я, не обинуясь, отвѣчаю: вовсе не долженъ ни руководствоваться имъ, ни принимать его въ соображеніе, если желаетъ оставаться на высотѣ своего призванія. Скажу даже больше. Освященіе авторитетомъ закона смутныхъ, неустойчивыхъ, часто безнравственныхъ, противорѣчивыхъ и противныхъ нынѣшней культурѣ правоположеній такъ называемаго у насъ народнаго, а въ сущности крестьянскаго обычнаго права, было бы не только вопіюще несправедливостью и величайшимъ зломъ для остальныхъ слоевъ и классовъ нашего общества, но оказало бы крайне вредное вліяніе на самихъ крестьянъ. Эти послѣдніе, какъ извѣстно, находятся теперь въ переходномъ состояніи. Актомъ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости они впервые призваны къ общественной жизни, сдѣлались полноправными гражданами и стали принимать активное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Въ политическомъ отношеніи ихъ можно уподобить едва ставшему на ноги ребенку, первые шаги котораго робки, невѣрны и безсознательны. Не получивъ никакой предварительной подготовки къ организованной общественной жизни, нашъ крестьянинъ весьма естественно не составилъ себѣ еще сколько-нибудь яснаго представленія ни о своихъ правахъ, ни о своихъ обязанностяхъ, а потому подобно ребенку тѣ и другія склоненъ толковать единственно въ свою пользу. Отсюда происходятъ его мечты о черномъ передѣлѣ, нерѣдко доводившія

его до грубыхъ насилій надъ собственностью помѣщиковъ, отсюда же его часто отрицательное отношеніе къ остальнымъ высшимъ классамъ и сословіямъ, неуважительное и нерѣдко дерзкое отношеніе къ представителямъ власти и къ мало извѣстному ему писанному закону, пренебреженіе принятыми на себя обязательствами, преувеличенное представленіе о своихъ правомочіяхъ и т. п. При такомъ фактическомъ положеніи нашего крестьянскаго сословія неудивительно, что его правосознаніе лишено всякой правильности, постоянства и однообразія. Если проявленіе такого правосознанія считать обычнымъ правомъ, какъ это дѣлають многіе, и если такое право освятить авторитетомъ писаннаго закона, то тѣмъ самымъ не только всему русскому обществу, но и самимъ крестьянамъ навязаны были бы на долгое время такіа юридическія воззрѣнія, отъ которыхъ они, вслѣдъ за тѣмъ, всѣми силами отрещивались бы.

Но допустимъ даже, что весь русскій народъ вмѣщается въ сословія крестьянъ и что эти послѣдніе дѣйствительно работали самобытное, удовлетворяющее ихъ насущнымъ потребностямъ право. Я полагаю, что освященіе авторитетомъ писаннаго закона даже такого права, можетъ дать въ результатъ только вредныя послѣдствія. Какъ бы высокъ или низокъ ни былъ нынѣшній экономическій и умственный уровень нашего крестьянства, онъ несомнѣнно въ весьма недалекомъ будущемъ долженъ будетъ потерпѣть существенное измѣненіе. Обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ скоро прекратятся, выкупная операція завершится, наступятъ затѣмъ серьезныя перемены въ сельскомъ хозяйствѣ, начнется передвиженіе земледѣльческаго населенія къ восточнымъ и южнымъ окраинамъ Россіи, гдѣ ему придется имѣть дѣло съ новыми племенами, новою почвою и новымъ климатомъ, а на ряду съ этимъ между крестьянами усилится грамотность, возвысится нравственность; желѣзныя дороги, фабрики, заводы и новыя крупныя предпріятія создадутъ и среди сельскаго населенія множество новыхъ потребностей и правоотношеній, и въ результатъ всего этого окажется, что нашему крестья-

нину фактически и нравственно уже невозможно будет руководствоваться своимъ теперешнимъ обычнымъ правомъ. А между тѣмъ внесеніемъ его въ уложеніе оно будетъ навязано ему на долгое время и изъ предполагаемаго благодѣянія превратится въ тяжкое бремя, скинуть которое съ себя станетъ такимъ же общимъ желаніемъ, какъ нынѣ стало общимъ желаніемъ получить вмѣсто обветшавшей 1 части X тома систематическое, соотвѣтствующее теперешнему уровню права гражданское уложеніе.

Но если законодатель, въ интересахъ самаго народа, въ интересахъ справедливости и будущности Россіи, не долженъ руководствоваться тѣмъ сумбурнымъ матеріаломъ, которому у насъ горделиво даютъ громкое названіе народнаго обычного права, то естественно спросить: не слѣдуетъ-ли ему сообразовать свое законодательное дѣло съ обычнымъ правомъ въ истинномъ смыслѣ слова? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находится въ прямой зависимости отъ другаго общаго вопроса, что такое обычное право вообще? На первый взглядъ можетъ показаться, что опредѣленіе понятія такого права не должно встрѣтить никакихъ затрудненій, такъ какъ отвѣтъ тутъ напрашивается самъ собою. Это, говорятъ приверженцы доселѣ господствующей исторической школы, такая совокупность правоположеній, которую народъ создаетъ для себя самъ, безъ посредства законодателя. Но обратившись къ людямъ науки и посовѣтовавшись съ ихъ произведеніями, мы неизбѣжно убѣдимся, что дѣло далеко не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда. Тутъ мы узнаемъ, что извѣстнѣйшіе цивилисты, относившіеся къ этому вопросу съ величайшимъ интересомъ, подробно и всесторонне изслѣдовавшіе его, пришли къ результатамъ, до того между собою несходнымъ, что вопросъ о сущности обычного права нынѣ является гораздо болѣе запутаннымъ и сложнымъ, чѣмъ когда бы то ни было прежде. Я не стану утомлять вниманія читателей подробнымъ изложеніемъ отдѣльныхъ теорій, составляющихъ нынѣ неразрывную часть ученія объ обычномъ правѣ, а ограничусь лишь нѣсколькими указаніями.

До появленія брошюры знаменитаго главы исторической школы Савиньи, озаглавленной *Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*, т. е. до 1814 г., обычное право занимало въ наукѣ вполнѣ второстепенное мѣсто: оно признавалось и допускалось лишь настолько, насколько его признавалъ и допускалъ законодатель. А потому, если положительное законодательство его отвергало, то и судъ не въ правѣ былъ ни принимать его въ соображеніе, ни ссылаться на него. Такъ думало и учило, по меньшей мѣрѣ, огромное большинство ученыхъ того времени, отправляясь отъ предположенія, что право есть велѣніе чистаго разума, что разумъ есть первоначальный источникъ права и что, слѣдовательно, оно можетъ быть создано искусственно, путемъ простаго логическаго мышленія. Савиньи, отвергая это ученіе, утверждалъ наоборотъ, что право создается не искусственно, не путемъ отвлеченнаго мышленія, а является продуктомъ всей жизни народа, результатомъ взаимодействія разнообразныхъ историческихъ и бытовыхъ условий, словомъ, является такою же естественною принадлежностью даннаго народа, какъ и его языкъ, нравы и государственное устройство. Если вспомнить, что въ то время Европа только что освободилась отъ политическаго гнета французскаго завоевателя Наполеона I, навязавшаго ей не только свое политическое господство, но и свое законодательство, по возрѣнію французовъ того времени, одинаково примѣнимое у всѣхъ народовъ, то нетрудно себѣ представить, какое неотразимое обаяніе должно было имѣть новое ученіе, предложенное Савиньи. Оно принято было какъ провозвѣстникъ новой эры въ развитіи права и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ смертный приговоръ для естественной школы, выводившей право изъ разума. Съ этого времени и ученіе объ обычномъ правѣ получило совершенно иное направленіе и новую разработку. Знаменитый ученикъ Савиньи, Георгъ Фридрихъ Пухта, положивъ въ основу приведенное возрѣніе своего учителя, посвятилъ изслѣдованію существа обычнаго права, условіямъ его возникновенія, дѣйствительности и объему его обязательной силы, особое сочи-

неніе. до нашихъ дней неперестающее служить отправною точкою для всѣхъ, занимающихся тѣмъ же предметомъ. Оно носитъ скромное заглавіе *Das Gewohnheitsrecht* и состоитъ изъ двухъ небольшихъ томовъ; но насколько авторъ глубоко и серьезно размышлялъ надъ предметомъ своего изслѣдованія, между прочимъ, можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ и то, что второй, довольно незначительный по объему, томъ, явился въ свѣтъ лишь спустя 9 лѣтъ послѣ изданія перваго, именно въ 1837 г.

Ясность, безупречная послѣдовательность, простота и красота изложенія, глубокая вдумчивость автора, его остроуміе, обширная и всесторонняя эрудиція и умѣніе проникать къ самому зерну вопроса, ставятъ это сочиненіе наряду съ самыми выдающимися произведеніями въ области права и настолько обяательно дѣйствуютъ на читателя, что критика его положеній возможна лишь спустя нѣкоторое время послѣ его прочтенія. На самого Савиньи оно произвело столь неотразимое впечатлѣніе, что въ ученіи объ обычномъ правѣ онъ въ свою очередь сталъ вѣрнымъ ученикомъ и послѣдователемъ своего ученика Пухты и воспроизвелъ его воззрѣнія въ первомъ томѣ своего знаменитаго труда *System des heutigen römischen Rechts*. Основная идея Пухты, красною нитью проходящая чрезъ все его сочиненіе, можетъ быть резюмирована въ слѣдующихъ словахъ: какъ всякое право, такъ и право обычное, есть выраженіе дѣйствительнаго и непосредственнаго юридическаго убѣжденія народа не въ смыслъ политической корпораціи, а въ смыслѣ націи; такъ какъ обязательная сила всякаго права зиждется именно на соотвѣтствіи его съ народнымъ убѣжденіемъ, то и обычное право, возникая изъ одного съ закономъ источника, обязательно нисколько не менѣе права писаннаго и по существу своему можетъ быть названо матеріальнымъ источникомъ права, тогда какъ законъ есть формальный источникъ права. На этомъ основаніи обычное право можетъ отмѣнять и видоизмѣнять дѣйствующій законъ, и судъ обязанъ знать и руководствоваться постановленіями обычнаго права настолько же, насколько и постановленіями

закона (*jura novit curia*). Однимъ изъ главныхъ средствъ распознавать дѣйствительное существованіе и содержаніе обычнаго права служатъ юридическіе обычаи, въ коихъ отражаются юридическія убѣжденія народа. Въ силу этого, обычаи эти, сами по себѣ, если они не соотвѣтствуютъ означенному убѣжденію, не могутъ имѣть никакой обязательной силы, и слѣдовательно, не могутъ быть названы источникомъ права. Для обязательности обычнаго права нѣтъ надобности, чтобъ оно было результатомъ юридическихъ убѣжденій всего народа въ совокупности, а достаточно, если эти убѣжденія проявляетъ извѣстная, но непременно составная часть народа и притомъ не въ качествѣ политической корпораціи, а въ качествѣ части націи. Прослѣдить самый процессъ образованія такого убѣжденія столь же невозможно, какъ, по выраженію Безелера, невозможно услѣдить внутренній процессъ образованія и роста растенія.

Такимъ образомъ, обязательная сила обычнаго права, по ученію Пухты, кроется именно въ томъ, что оно есть юридическое убѣжденіе народа; только это убѣжденіе, а не внѣшнее его проявленіе, можетъ быть названо обычнымъ правомъ въ собственномъ смыслѣ. Въ обычай это убѣжденіе лишь проявляется во внѣ, онъ указываетъ только на существованіе перваго, а потому, самъ по себѣ, онъ никакого права порождать не можетъ. Это ученіе, встрѣченное повсемѣстно съ благодарностью и похвалою, весьма скоро однако вызвало много возраженій, коснувшихся не только нѣкоторыхъ частностей, но и, главнымъ образомъ, приведенныхъ мною основъ. Такъ, напр., одни ученые цивилисты, а именно Унгеръ, Безелеръ и Виндшейдъ, указывали, что обычай не есть только средство распознаванія права, а долженъ быть названъ такимъ же способомъ внѣшняго возникновенія послѣдняго, какъ и обнародованіе закона. Само по себѣ, юридическое убѣжденіе, пока оно не проявилось во внѣ, ни для кого не можетъ быть обязательно, подобно тому, какъ и законъ, будучи результатомъ юридическаго убѣжденія законодателя, ни для кого не обязательенъ, пока не будетъ опубликованъ во всеобщее

свѣдѣніе. Какъ, въ самомъ, дѣлѣ знать и сообразоваться съ юридическимъ убѣжденіемъ народа или законодателя, если оно пребываетъ только внутри его виновника и внѣшнимъ образомъ ни въ чемъ не проявилось? Требовать исполненія такого непроявленнаго предписанія можно было бы не отъ человѣка, а лишь отъ всевѣдущаго духа. Слѣдовательно, обязательная сила обычнаго права возникаетъ только съ того момента, какъ соотвѣтствующее ему юридическое убѣжденіе проявится во внѣ, а такимъ моментомъ служить именно соблюдение, иначе говоря, юридическій обычай, который въ силу этого долженъ обсуждаться совершенно также, какъ обнародованная письменная форма закона.

Горячія возраженія встрѣтило также то положеніе Пухты, будто обычное право можетъ быть продуктомъ только націи; этому положенію противопоставлено было разрушающее его ученіе, въ силу коего обычное право можетъ создавать всякій кругъ людей, связаннымъ между собою общими интересами или преслѣдующихъ однѣ и тѣ же цѣли. Слѣдовательно, родственная, національная связь, которую Пухта считаетъ однимъ изъ главнѣйшимъ условій существованія и силы обычнаго права, при созданіи послѣдняго не играетъ никакой роли. Въ подтвержденіе этого, противники ученія Пухты указывали на церковное обычное право, игнорирующее всякія національности и соблюдаемое всѣми членами церкви, независимо отъ ихъ національнаго происхожденія. Сознавая уязвимость своего ученія именно съ этой стороны и какъ бы предчувствуя приведенное возраженіе, Пухта, коснувшись въ своемъ названномъ сочиненіи церковнаго обычнаго права, силится придать послѣднему совершенно иную природу: онъ называетъ его не обычнымъ, а автономнымъ правомъ, отправляясь при этомъ отъ слѣдующаго соображенія: Иисусъ Христосъ, основавъ церковь, далъ ей только основныя правила ея устройства и тѣмъ самымъ предоставилъ ей власть развивать эти правила путемъ вывода изъ нихъ логическихъ послѣдствій. Слѣдовательно, возникшія впослѣдствіи правила церкви суть продуктъ не самостоятельнаго юридическаго творчества, а лишь про-

долженіе законодательной дѣятельности главы церкви, Христа. Далѣе, Пухта учитъ, что обязательная сила правоположеній обычнаго права находится въ прямой зависимости отъ соотвѣтствія ихъ юридическому убѣжденію народа; что это убѣжденіе проявляетъ себя въ отдѣльныхъ представителяхъ послѣдняго, соблюдающихъ данное правоположеніе, и что, слѣдовательно, если эти представители соблюдаютъ извѣстное правоположеніе, несоотвѣтствующее народному юридическому убѣжденію, ошибочно предполагая, что такое соотвѣтствіе существуетъ, то какъ бы долго и часто правоположеніе это ни соблюдалось, оно не можетъ стать обычнымъ правомъ. На этомъ основаніи, одно соблюденіе или, проще говоря, обычай, привычка подчиняться извѣстному правилу, не давая себѣ отчета въ его происхожденіи и обязательной силѣ, не можетъ еще придать этому правилу силу обычнаго права, т. е. не можетъ сдѣлать его правиломъ обязательнымъ. Противъ такого вывода Безелеръ, въ своемъ сочиненіи *Volksrecht und Juristenrecht*, а за Безелеромъ—Савиньи, Кирульфъ и Виндшейдъ справедливо возражали, что обычай самъ по себѣ, независимо отъ его происхожденія, будучи соблюдаемъ долгое время, можетъ породить убѣжденіе, что соблюдаемое есть право, т. е. что оно имѣетъ обязательную силу. Сила факта, говоритъ Виндшейдъ, соблюдавшагося въ теченіи долгаго времени, такова, что она подчиняетъ себѣ всякаго человѣка; то, что долго существовало, кажется намъ правомъ уже потому, что оно существовало.

Но всѣ эти возраженія не разрушили еще самой теоріи Пухты и Савиньи, а внесли въ нее лишь болѣе или менѣе существенныя измѣненія, въ связи съ которыми она доселѣ еще продолжаетъ господствовать среди большинства ученыхъ цивилистовъ. Наряду, однако, съ учеными, въ главныхъ чертахъ раздѣляющими воззрѣнія Пухты, есть немало и такихъ, которые, совершенно отвергнувъ помянутую теорію, или замѣняютъ ее своими особыми, самостоятельными ученіями, будто бы гораздо проще и ближе опредѣляющими какъ понятіе, такъ равно основанія, условія и предѣлы обязательной силы обычнаго права.

ж. гр. и уг. пр. кн. III 1885 г.

ва, или вовсе не признаютъ за обычнымъ правомъ значенія источника права. Чтобы не утомлять вниманія читателя перечисленіемъ отдѣльныхъ ученій въ этомъ направленіи, я ограничусь лишь указаніемъ на обширную статью профессора Галльскаго университета Цительмана *Gewohnheitsrecht und Irrthum*, напечатанную въ третьемъ выпускѣ журнала *Archiv für die civilistische Praxis* за 1883 г. Задавшись мыслью изслѣдовать только одинъ изъ вопросовъ обычнаго права, — именно, обязательны ли юридическій обычай, если соблюдающіе его ошибочно полагаютъ, что соблюдаемое ими есть право, Цительманъ коснулся и общихъ ученій объ обычномъ правѣ. При этомъ онъ встрѣтился съ такимъ разнообразіемъ отдѣльныхъ воззрѣній и теорій, съ такою массою оттѣнковъ въ каждомъ изъ отдѣльныхъ ученій, что напелъ наиболѣе цѣлесообразнымъ скомбинировать ихъ всѣ въ отдѣльныя группы, причемъ образовалось у него девять группъ и подгруппъ, и, нужно замѣтить, онъ перебралъ еще далеко не всѣхъ писателей, трактующихъ объ обычномъ правѣ.

Этого одного совершенно достаточно, чтобы подорвать всякую вѣру въ существованіе вполнѣ сложившагося понятія и состава обычнаго права. Если такимъ образомъ и наука не пришла еще къ какимъ нибудь общепризнаннымъ, бесспорнымъ принципамъ, и не сказала своего послѣдняго слова даже о понятіи обычнаго права, то спрашивается, разумно ли поступить законодатель, если приметъ на себя разрѣшеніе такихъ сложныхъ и трудныхъ задачъ, какъ опредѣленіе возможнаго содержанія, пространства дѣйствія и отношенія обычнаго права къ закону? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ напрашивается самъ собою. Въ виду значительнаго количества разнообразныхъ теорій объ обычномъ правѣ вообще, и множества споровъ по поводу его частныхъ; въ виду того, что даже въ области науки раздаются весьма компетентные голоса, вовсе отвергающіе это право и, во всякомъ случаѣ, не признающіе за нимъ никакой обязательной силы помимо писаннаго закона, законодателю, еслибы онъ захотѣлъ занять какое нибудь опредѣленное положеніе

по отношенію къ обычному праву, пришлось бы применить къ одной какой либо теоріи или выбирать изъ разныхъ,—другими словами, ему пришлось бы пойти на встрѣчу опасности авторитетомъ закона освятить и на долгое время закрѣпить, быть можетъ, совершенно невѣрные начала и выводы. Мало того, онъ принялъ бы на себя дѣло, вовсе неходящее въ кругъ его обязанностей. Область частнаго права зиждется на свободѣ гражданина, самостоятельно и окончательно, опредѣлять свои частныя отношенія, личныя и имущественныя. Въ своемъ домѣ, въ своемъ хозяйствѣ, въ своей личности, гражданинъ воленъ распоряжаться такъ, какъ ему заблагоразсудится. Предѣлы свои эта свобода находитъ тамъ, гдѣ она встрѣчается съ такою же свободою другого гражданина и съ государственными и общественными интересами. Твердо и распознаваемо очертить эти предѣлы, дать руководящія, ясныя и законченныя правила, съ помощью которыхъ всякое частное лицо могло бы впередъ знать, гдѣ кончается сфера его личного произвола и начинается обязанность повиновенія,—вотъ въ чемъ должна состоять главная задача нормальнаго гражданского кодекса. Такъ напр., законодатель, чтобы выразить, что всякаго рода вещи, неизыятныя изъ гражданского оборота, могутъ быть пріобрѣтаемы любыми, закономъ дозволенными способами, обязанъ указать, какія вещи онъ изымлетъ изъ этого оборота и какіе способы пріобрѣтенія онъ признаетъ противными правамъ остальныхъ гражданъ или интересамъ общества и государства, а потому не дозволенными. Но перечислять въ отдѣльности, какими дозволенными способами вещи могутъ быть пріобрѣтаемы, каковъ необходимый, обыкновенный и случайный составъ сдѣлокъ, при посредствѣ которыхъ вещи могутъ быть пріобрѣтаемы, какой моментъ принимать за окончательно состоявшееся пріобрѣтеніе и пр., это дѣло не законодателя, а науки и практики.

Возьму для примѣра еще область семейственнаго права. Семья по справедливости считается зерномъ, изъ коего выросло и развилось государство; ея благоустройство и устойчивость суть первичныя условія правильнаго развитія и процвѣтанія

самого государства, а потому вмѣшательство закона здѣсь по необходимости должно быть гораздо шире и энергичнѣе. Государство въ собственныхъ интересахъ не можетъ и не должно допускать, чтобы бракъ былъ сроченъ и совершался въ любой формѣ и при любыхъ условіяхъ; чтобы разводъ могъ быть слѣдствіемъ какихъ угодно причинъ; чтобы родительская власть не связана была никакими обязанностями и предѣлами; чтобы дѣти, обязанныя повиноваться этой власти, пребывали въ этомъ подчиненіи во всякомъ возрастѣ и при всякихъ обстоятельствахъ и т. д. Здѣсь не можетъ имѣть приложенія то мѣрило господства личнаго произвола, какое государство вправѣ и даже обязано примѣнять въ области вещнаго и обязательственного права. Напротивъ того, въ области семейственного права государство не есть только блюститель ненарушимости предѣловъ частной свободы, а является въ активной роли: оно прямо осуществляетъ свои интересы, предписывая членамъ семьи подчиняться такому семейному режиму, какой необходимъ для этихъ интересовъ. Устанавливая, далѣе, институтъ опеки, государство не можетъ предоставить ее произволу частнаго лица, лишь ограничивая его такъ, какъ въ области имущественнаго права. Въ опекѣ оно не только заинтересовано, но и непосредственно дѣйствуетъ, осуществляя тутъ свои интересы и свои обязанности. А потому законъ, по отношенію къ ней, не можетъ ограничиваться указаніемъ предѣловъ, а долженъ опредѣлять устройство и дѣятельность опекунскихъ учрежденій до возможныхъ мелочей.

Но кромѣ опредѣленія предѣловъ свободы гражданина въ его частномъ быту, на государствѣ лежитъ еще обязанность обезпеченія этой свободы. Очерчивая гражданину опредѣленную сферу произвольной дѣятельности, государство, вмѣстѣ съ тѣмъ, беретъ на себя обязанность доставить ему въ предѣлахъ этой сферы юридическую возможность безпрепятственно осуществлять такую свободу; ибо еслибы онъ тутъ былъ предоставленъ исключительно самому себѣ, своимъ личнымъ силамъ и способностямъ, то его свобода превратилась

бы въ пустой звукъ,—другими словами, онъ оказался бы совершенно беззащитнымъ, слѣдовательно несвободнымъ. Органъ, чрезъ который государство исполняетъ эту обязанность, есть судъ. Именно судъ, по требованію частнаго лица, устраняетъ постороннія препятствія къ осуществленію названной свободы, ограждаетъ ее отъ неправоу́рнаго посягательства третьихъ лицъ и, въ случаѣ нарушенія, возстановляетъ ее въ подобающихъ предѣлахъ. При выполненіи этого своего назначенія, онъ ближайшимъ образомъ соображается съ тѣми конкретными внѣшними формами проявленія частной воли, на защиту которыхъ онъ призывается. Обращающееся къ его помощи частное лицо обязано удостовѣрить его, что оно въ предѣлахъ разрѣшенной закономъ свободы приобрѣло опредѣленнаго содержанія правомочіе или обязанность, которыя и потерпѣли данное нарушеніе. Роль суда здѣсь очевидно пассивная: онъ выслушиваетъ просителя и нарушителя, взвѣшиваетъ ихъ доказательства и, на основаніи послѣднихъ, постановляетъ свое рѣшеніе. Но частное лицо весьма часто бываетъ такъ непредусмотрительно, что не придаетъ своимъ правомочіямъ или обязательствамъ настолько законченной формы, чтобы судъ, въ случаѣ надобности, могъ обзрѣвать ихъ со всѣхъ сторонъ. Приобрѣтая ту или другую вещь, вступая въ тѣ или другія обязательства или договоры, частное лицо, большею частью, не помышляетъ о возможности спора и нарушенія, а потому и не стремится распознаваемо и точно формулировать составъ и послѣдствія приобретеннаго права или приобретенной обязанности. Потерпѣвъ однако нарушеніе, оно обращается къ содѣйствію суда. Здѣсь означенная непредусмотрительность должна бы проявить себя во всѣхъ своихъ невыгодныхъ послѣдствіяхъ. Безпощадно строгая послѣдовательность требовала бы, чтобы такому небрежному по отношенію къ своимъ интересамъ лицу отказано было въ судебной защитѣ. Но подобная политика не согласна съ задачами и стремленіями государства, ибо если, съ одной стороны, небрежность и получила бы достойное воздаяніе посредствомъ отказа въ правосудіи, то съ другой—недобросо-

вѣстно воспользовавшемуся ею оказано было бы тѣмъ самымъ неподобающее содѣйствіе къ пожинанію плодовъ его недобросовѣстности. Во избѣжаніе подобныхъ послѣдствій законодатель можетъ прибѣгнуть къ такъ называемымъ диспозитивнымъ, т. е. условнымъ законамъ, примѣняющимся лишь тогда, когда частныя лица иначе не опредѣлили своихъ отношеній. Такіе законы оказываютъ двоякую услугу. Съ одной стороны, они восполняютъ существенныя пробѣлы въ частныхъ правоотношеніяхъ и даютъ суду опредѣленные критеріи для обсужденія послѣднихъ, а съ другой—избавляютъ частныя лица отъ необходимости точно формулировать свои правоотношенія, когда они желаютъ опредѣлить послѣднія именно такъ, какъ они опредѣлены въ законѣ. Къ разряду подобныхъ законовъ относятся, между прочимъ, законоположенія 1 части X тома о порядкѣ наслѣдованія по закону, примѣняющіяся лишь тогда, когда наслѣдодатель не опредѣлилъ будущую судьбу своего имущества завѣщательнымъ путемъ, а равно и всѣ тѣ законы, въ коихъ имѣется оговорка: если стороны не постановятъ иначе. Такими законами, къ большой выгодѣ своей, особенно изобилуетъ германское торговое уложеніе.

Такъ какъ ими опредѣляется юридическій составъ и юридическія послѣдствія правоотношеній, невыходящихъ изъ предѣловъ свободы частнаго лица, то содержаніе ихъ уже нѣтъ надобности сообразовать съ государственными и общественными интересами; оно почерпается главнымъ образомъ изъ наблюденія надъ отношеніями частныхъ лицъ и анализа этихъ отношеній. Самую существенную услугу въ этомъ направленіи могутъ оказать законодателю наука и законодательный опытъ другихъ государствъ, которые въ состояніи не только облегчить выполненіе предстоящаго у насъ законодательнаго труда, но и доставить наиболѣе необходимый для него матеріалъ. Однако, такое отношеніе къ помянутому труду, само собою разумѣется, возможно лишь тогда, когда законодатель отрѣшится отъ нынѣ отвергнутаго жизнью и наукою положенія, будто право каждого народа есть

только продукт его самобытнаго юридическаго творчества и развитія, и будто, въ силу этого, нашему народу нельзя навязывать западно-европейское правосознаніе, проявившееся въ юридическихъ обычаяхъ, научныхъ положеніяхъ и законодательныхъ предписаніяхъ отдѣльныхъ государствъ западной Европы. Подобный взглядъ на право обязанъ своимъ происхожденіемъ исторической школѣ, догма которой проникла въ наши университеты сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ и оттуда сообщилась нашему интеллигентному классу. Многие изъ представителей этого класса и теперь еще исповѣдуютъ ее какъ безспорную истину и считаютъ послѣднимъ словомъ науки. Обладая скорѣе твердою вѣрою, чѣмъ опытомъ и познаніями въ области юриспруденціи, они несомнѣнно издали бы вопль негодованія, услышавъ предлагаемое мною заимствованіе изъ чужестранныхъ законодательствъ. „Не прикасайтесь, готовы кричать они всякому, держащему открыто совѣтовать подобное заимствованіе, не прикасайтесь вы, слѣпые поклонники западно-европейской цивилизаціи, къ нашему, по меньшей мѣрѣ, дѣйствительному и самобытному праву. Не навязывайте ему чуждыхъ его духу учреждений и убѣжденій и не мѣшайте русскому народу самому, безъ помощи вашей затхлою римской юриспруденціи, регулировать свой частный бытъ!“ На подобные возгласы, быть можетъ, откликнутся сочувственно сердца многихъ русскихъ людей, но откликнутся именно сердца, а отнюдь не умъ и здравый смыслъ. Едва ли кто, имѣющій хоть самое поверхностное представленіе о юриспруденціи, станетъ оспаривать ея право называться наукою. И странное дѣло; въ то время какъ у насъ всѣ интеллигентные люди съ удовольствіемъ и часто съ восторгомъ встрѣчаютъ примѣненіе въ нашемъ отечествѣ различныхъ полезныхъ открытій, совершенныхъ въ западной Европѣ съ помощью науки, только усовершенствованія въ области права считаются почему-то для насъ непригодными. Можно подумать будто мы не такіе же люди какъ на западѣ, будто у насъ нѣтъ семьи, опеки, собственности, владѣнія, различныхъ сдѣлокъ, право-

нарушеній; будто наши юридическіе институты обладают совершенно иною природою, чѣмъ тѣ же институты права западно-европейскихъ государствъ. Вѣдь на западѣ гораздо раньше насъ стали жить организованною общественною жизнью, гораздо прежде чѣмъ у насъ выяснились идеалы, условія и важнѣйшія потребности послѣдней; тамъ совершались уже всевозможные опыты и лучшіе умы прилежно трудились надъ изысканіемъ наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ удовлетворенія общественнымъ нуждамъ. Почему же намъ не воспользоваться ихъ результатами, и на какомъ основаніи именно мы должны доходить до этихъ результатовъ сами долговременнымъ опытомъ, въ то время, какъ они стали всемірнымъ достояніемъ? Могутъ сказать, что непрестанныя заимствованія у чужестранныхъ народовъ притупятъ наше національное юридическое чутье и отучатъ народъ отъ самостоятельности. Но если такъ, то вѣдь тѣ же послѣдствія должны имѣть мѣсто и въ другихъ отрасляхъ искусства и знанія. А потому, чтобы быть послѣдовательными, не лучше ли намъ оставаться пока при нашихъ курныхъ избахъ, деревенскихъ мостахъ на курныхъ ножкахъ, и ухабистыхъ дорогахъ; не лучше ли намъ возвратиться къ нашимъ стрѣльцамъ, бердышамъ, самопаламъ, отказаться отъ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, фабрикъ, заводовъ и т. п. усовершенствованій, и выжидать, пока народъ нашъ не додумается до нихъ самъ, безъ посторонней помощи.

Какъ бы, однако, ни было, чтобы успокоить нашихъ ретивыхъ народниковъ, я долженъ напомнить, что, согласно развитому мною плану, законодателю предстоитъ только очертить границы частной свободы, среди коихъ граждане могутъ произвольно двигаться и. по собственному умѣнію и усмотрѣнію, удовлетворять своимъ юридическимъ потребностямъ. Только эти предѣлы и обязательны для частнаго лица, всѣ же остальные законоположенія должны носить диспозитивный характеръ, а потому если они окажутся несоотвѣтствующими означеннымъ потребностямъ, то легко могутъ

быть обойдены путемъ отдѣльныхъ частныхъ сдѣлокъ. Такимъ образомъ народу будетъ оставлено весьма широкое поле для самостоятельности и самостоятельнаго юридическаго творчества. Мало того, построенный по такому плану кодексъ окажется наиболѣе сподручнымъ для безостановочнаго и безпрепятственнаго развитія такъ наз. обычнаго права. Диспозитивные законы, какъ я уже сказалъ, должны быть введены въ уложеніе только въ интересахъ частнаго лица: они восполняютъ его юридическую дѣятельность, когда онъ, по небрежности, неосмотрительности, неразвитости или неопытности, упустить точно формулировать свои юридическія дѣйствія и отношенія. Но какъ бы широко законодатель ни воспользовался современнымъ ему опытомъ другихъ государствъ и указаніями науки, онъ все таки не въ состояніи будетъ идти рука объ руку съ общественною жизнью. Не знающая покоя и неподвижности, она непрестанно создаетъ либо новыя нужды и отношенія, либо видоизмѣняетъ уже созданныя ею. Эти вновь нарождающіяся и видоизмѣненные правоотношенія требуютъ защиты государства точно также, какъ и прежнія; если оно станетъ отказывать имъ въ своей защитѣ только потому, что они еще новы, то будетъ поступать прямо въ разрѣзъ съ своимъ главнымъ назначеніемъ. Но государство не живой человѣкъ, а извѣстный правильный механизмъ, приводимый въ движеніе совокупностью составляющихъ его учреждений. А потому оно не можетъ, подобно человѣку, быстро приспособляться къ каждой новой общественной потребности; чтобы удовлетворять такія новыя нужды, каждый разъ необходимо предварительно сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія или прибавки въ государственномъ механизмѣ, а это требуетъ и времени, и опыта, и большаго умѣнья. Такимъ образомъ возникаетъ слѣдующая дилемма: съ одной стороны—новыя общественныя нужды и вызываемыя ими правоотношенія должны быть ограждены государствомъ, съ другой—государство еще не приготовилось къ этой новой защитѣ. Какъ же тутъ быть? Долговременный опытъ западно-европейскихъ государствъ является и тутъ на помощь. Органъ государства,

чрезъ который оно осуществляетъ свою обязанность огражденія частныхъ правоотношеній, есть судъ. Этотъ судъ организованъ въ западной Европѣ и у насъ долженъ быть организованъ такъ, чтобъ онъ являлся не механическимъ, а живымъ выразителемъ общественнаго порядка. Съ этою цѣлью его свободному усмотрѣнію предоставляется обширное поле дѣятельности, и тамъ, гдѣ положительный законъ еще молчитъ, гдѣ законодатель не успѣлъ еще приспособиться къ новымъ потребностямъ, судъ заступаетъ его мѣсто и дѣйствуетъ въ данныхъ, непредусмотрѣнныхъ закономъ случаяхъ такъ, какъ долженъ дѣйствовать самъ законодатель. Онъ обращается къ помощи науки, къ опыту другихъ народовъ и къ тому, какъ данный случай обсуждается гражданами его государства. Сопоставляя все это вмѣстѣ и принимая въ соображеніе установленные закономъ предѣлы частной свободы, судъ издаетъ на данный случай и для данныхъ лицъ обязательное правило, именуемое рѣшеніемъ, которое по своимъ послѣдствіямъ ничѣмъ не отличается отъ рѣшенія, постановленнаго на прямомъ основаніи дѣйствующаго закона. Этимъ путемъ судъ можетъ принять къ руководству и привычку гражданъ разрѣшать тотъ или другой случай известнымъ образомъ, разумѣется, если только это разрѣшеніе не выходитъ изъ предѣловъ свободы, отведенной государствомъ частному лицу. Вотъ въ какихъ рамкахъ могутъ быть допущены вліяніе и господство обычнаго права. Утверждать, подобно исторической школѣ, что обычное право имѣетъ равную силу съ надлежаще изданнымъ закономъ, и что оно, потому, можетъ не только регулировать новыя, непредусмотрѣныя закономъ отношенія, но и отмѣнять и видоизмѣнять самый законъ,—значить доказывать возможность существованія въ государствѣ другаго независимаго государства. Если обязательныя для гражданъ и суда законы должны исходить отъ государственной власти и если правила обычнаго права настолько же обязательны, какъ и законъ, то, стало быть, и правила обычнаго права исходятъ отъ такой же государственной власти. Но допустить нѣчто подобное также про-

тивно дѣйствительности и законамъ логики, какъ и утверждать, что у человѣка двѣ головы, вѣлнія которыхъ исполняетъ остальной его корпусъ. А между тѣмъ историческая школа силится убѣдить всякаго не только въ существованіи такой нелѣпости, но и въ томъ, что нелѣпость эта имѣетъ самое незыблемое и неоспоримое право на существованіе. Наравнѣ съ государственною властью, издающею законы, она ставитъ юридическое убѣжденіе народа, проявленія коего также обязательны, какъ и законы. Но это юридическое убѣжденіе народа, словно заколдованный кладъ, не дается въ руки многочисленнымъ адептамъ исторической школы. Что оно изъ себя изображаетъ, гдѣ его постоянное мѣсто жительства или временное пребываніе, какимъ способомъ его увидѣть, узнать и схватить, когда ему заблагоразсудится выглянуть на свѣтъ божій,—вотъ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ доселѣ ломаютъ себѣ головы лучшіе приверженцы исторической школы и которые не перестаютъ доставлять послѣднимъ много непріятныхъ разочарованій. Но пусть эти адепты ломаютъ между собою копья на страницахъ своихъ сочиненій; здѣсь они у себя дома и никто не можетъ воспретить имъ утверждать какую угодно нелѣпость. Но переносить нелѣпость изъ страницъ одностороннихъ теоретическихъ сочиненій въ дѣйствительную жизнь, навязывать послѣдней то, о чемъ она никогда и не помышляла, и заставлять законодателя узаконять ее, значить совершать усугубленную нелѣпость.

И. Табашниковъ.

КРИТИКА ТРЕХЧЛЕННАГО ДѢЛЕНІЯ: ПРЕСТУПЛЕНІЯ, ПРО- СТУПКИ И НАРУШЕНІЯ ¹⁾.

Источники для изученія вопроса:

1. *Спасовичъ* — Учебникъ § 35.
2. *Лохвицкій* — Курсъ русск. уг. пр. гл. II.
3. *Будзинскій* — Начала уг. пр. § 77.
4. *Таланцевъ* — Курсъ, кн. 1, в. II, § 278.
5. Мнѣніе *Гейера* — въ Журн. гр. и уг. пр., за апрѣль 1883 г.
6. *Garraud* — Précis de droit criminel. Paris, 1881 § 106; liv. I, ch. 2. Liv. II, ch. 1.
7. *Chauveau* et *Hélie* — Théorie du Code pénal, Bruxelles 1859, éd. Nypels — T. I, p. 19 et 52, 58 — § 105.
8. *Ortolan* — Eléments de droit pénal — Paris 1875. T. I. — p. 259; II, 193, 200, 213, 473.
9. *J. Haus* — Principes généraux du droit pénal belge; Gand 1869, §§ 271, 274, 562.
10. *Lerminier* — Introduction à l'histoire du droit, Bruxelles 1830, Chap. XX. p. 252 et 253.
11. *A. Bertauld* — Cours de Code pénal. — Paris 1864 p. 112.
12. *Dupont-White* — Préface à la Liberté de J. S. Mill, p. 13 Paris 1864.
13. *Trébutien* — Cours de droit criminel. — Paris 1854, p. 76.
14. *Boitard* — Leçons de droit criminel, éd. de F. Hélie — Paris 1867, p. 20.
15. *Binding* — Grundriss zur Vorlesung über gemeines Deutsch. Strafrecht. — Lpz. 1879.

¹⁾ Сообщение, сдѣланное въ Одесскомъ юридическомъ обществѣ, по поводу 4 статьи проекта общей части уголовного уложенія.

16. *A. Geyer* — Bemerkungen zu dem Entwurf eines Strafgesetzbuches für den Norrddeutschen Bund- (Krit. Vierteljahresschrift, heraus. v. Pözl u. Windscheid XII Bd. München 1870, S. 164).
17. *A. Geyer* — Besprechung des Entwurfs eines Strafgesetzes über Verbrechen u. Vergehen für Oesterr.—Wien 1867, S. 5.

I.

Трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній легло въ основаніе значительной части новѣйшихъ уголовныхъ кодексовъ, хотя оно нигдѣ не имѣетъ той исторической прочности, какую представляетъ ему родная почва французской юриспруденціи.

Благодаря тому вліянію, какое французское законодательство, возникшее изъ первой революціи, оказало на развитіе европейскихъ законодательствъ, система французскаго Code pénal получила въ кругу народовъ латинской расы, а также и германской, широкое примѣненіе. Въ настоящее время, трехчленное дѣленіе легло въ основаніе новаго бельгійскаго уложенія 1867 года, оно принято въ новѣйшемъ германскомъ уложеніи, подобно тому, какъ существовало уже въ прусскомъ уголовномъ кодексѣ 1851 г., въ австрійскомъ 1852, въ итальянскомъ 1859 г., въ бельгійскомъ и голландскомъ, въ кодексѣ женевского и ваатландскаго кантоновъ, въ уложеніяхъ о наказаніяхъ Вюртемберга, Сѣверо-Германскаго союза, Баваріи 1813 года, Баваріи 1861 года, Ольденбурга 1814 года, Ольденбурга 1858 г., Греческаго королевства и наконецъ, Турціи. Таже система лежитъ въ основаніи нѣкоторыхъ проектовъ уголовныхъ кодексовъ для Австріи, Италіи и Португаліи.

Наконецъ, въ Англіи существуетъ аналогичное дѣленіе по степени тяжести нарушеній, подъ названіями: „felonies, misdemeanors & little offences“.

Система французскаго кодекса, распространившаяся въ указанныхъ государствахъ, состоитъ, какъ извѣстно, въ трехчленномъ дѣленіи преступныхъ дѣяній: „crimes“, „délits“, „con-

traventions“. Во избѣжаніе частаго повторенія этихъ терминовъ, мы замѣнимъ ихъ терминологіей составителей проекта уголовного уложенія и будемъ соответственно говорить о „преступленіяхъ“, „проступкахъ“ и „нарушеніяхъ“.

Прежде всего начнемъ съ опредѣленія слова „*contravention*“. Это слово означаетъ собственно фактическое нарушение какого-либо правила, независимо отъ всякой виновности. Такъ, запрещенное дѣяніе, совершенное безъ намѣренія, по неосторожности, или небрежности, будетъ „*contravention*“ въ обширномъ смыслѣ. Такое значеніе придаютъ ему публицисты. Въ противоположность такому понятію, слово „*délit*“ указываетъ на злонамѣренное нарушение. Кромѣ того, тѣже слова имѣютъ другой, техническій смыслъ, стоящій въ связи съ тяжестью наказаній: за „*contraventions*“ полагаются наказанія, не превышающія 5 дневнаго заключенія или 15 франковъ штрафа; это низшій разрядъ нарушенийъ. Положенныя за нихъ наказанія именуются полицейскими, „*peines de simple police*“. Слѣдующій за нимъ разрядъ противозаконныхъ дѣяній носитъ названіе „*délits*“ въ техническомъ смыслѣ: эти дѣянія влекутъ за собою наказанія болѣе строгаго свойства (штрафъ выше 15 франковъ и заключеніе до 5 лѣтъ), т. наз. „*peines correctionnelles*“. (См. 465 и 466 ст. Code pénal, 137 ст. C. d'instruction criminelle).

Такимъ образомъ, тоже слово „*contravention*“ имѣетъ два значенія: дѣяніе ненамѣренное и дѣяніе наказуемое пятидневнымъ заключеніемъ. Оба понятія, обширное и техническое, стоятъ въ близкомъ родствѣ, которое слѣдуетъ разсмотрѣть. Если бы потребовали графическаго изображенія того, какъ относятся одно къ другому оба понятія, то пришлось бы прибѣгнуть къ тому же рисунку, которымъ часто выражается взаимность гражданской и уголовной неправды, т. е. къ изображенію двухъ пересѣкающихся круговъ. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть нарушенийъ, наказуемыхъ полицейскими наказаніями по французскому кодексу, суть въ тоже время нарушенія такого свойства, что для нихъ совершенно безразлично, существовала ли злая воля или нѣтъ. Но есть въ

низшемъ разрядѣ „contraventions de police“, въ техническомъ смыслѣ, тоже и такія дѣянія, при совершеніи которыхъ вопросъ о наличности злой воли не можетъ быть игнорированъ. Съ другой стороны, есть тяжелые проступки и преступленія, умѣщающіеся въ высшихъ ступеняхъ лѣстницы наказаній, которые должны влечь за собою кару, даже при отсутствіи всякой злонамѣренности. Такимъ образомъ, оба понятія, на которыя указываютъ различныя значенія слова „contravention“, оказываются не тождественными и не совпадающими.

Близость того и другаго понятія дала поводъ нѣкоторымъ французскимъ криминалистамъ (въ томъ числѣ и Garraud, Précis de droit criminel p. 52—57) выводить все понятіе нарушеній третьяго разряда, „contraventions“, въ техническомъ смыслѣ, изъ анализа проявленія воли. По ученію римскаго права возможны три случая: человѣкъ совершилъ, безъ принужденія, вредное дѣяніе, предвидѣвши всѣ послѣдствія, — онъ тогда проявилъ полную злую волю, такъ называемый „*dolus*“; или человѣкъ не предвидѣлъ послѣдствій собственнаго дѣянія по небрежности; это преступная неосторожность — „*culpa*“; наконецъ, если онъ никоимъ образомъ не могъ предвидѣть послѣдствій. ему не вмѣняется то, что создано случайностью — это „*casus*“. Первые два термина только имѣютъ интересъ для уголовного права. „*Culpa*“ создаетъ такія нарушенія, для наказуемости которыхъ ненужно задаваться вопросомъ о намѣренности, хотя этотъ вопросъ можетъ вліять на степень наказуемости. Это будетъ группа низшихъ нарушеній, или „*contraventions*“ въ техническомъ смыслѣ. „*Les contraventions sont des infractions non - intentionnelles*“, говоритъ Garraud (p. 52). Вслѣдствіе того, проявленіе воли въ формѣ „*dolus*“, рождаетъ болѣе тяжкіе роды преступныхъ дѣяній. въ противоположность полицейскимъ нарушеніямъ.

Явная ошибка такого опредѣленія бросается въ глаза. Оно сводится къ отождествленію обоихъ понятій, для обозначенія которыхъ служить слово „*contravention*“. Самъ Garraud не выдерживаетъ этого опредѣленія и добросовѣстно отличаетъ случаи его непригодности. Болѣе старые юристы не-

однократно указывали на эту несообразность и выражались съ горечью о препятствіяхъ, которыя мѣшали систематизаціи, столь дорогой французскому уму. „Слово „*contravention*“, говоритъ Ortolan (*Eléments de droit pénal*, I § 683), касается больше всего ненамѣренныхъ нарушеній. Но не съ этимъ значеніемъ употребляется тоже слово въ отношеніи къ низшему разряду нарушеній, такъ какъ, съ одной стороны, много ненамѣренныхъ нарушеній (*contraventions non intentionnelles*) наказываются у насъ исправительными (*correctionnelles*) даже уголовными („*criminelles*“) законами, тогда какъ съ другой стороны, нѣкоторыя мелкія, намѣренныя нарушенія—наказываются по третьему, наименѣ строгому разряду. Доля правды состоитъ въ томъ, что большая часть низшихъ нарушеній *оказывается и ненамѣренными нарушеніями*“.

У Trébutien мы встрѣчаемся съ сѣтованіемъ по поводу невозможности приурочить практическое дѣленіе кодекса къ философской идеѣ степени злой воли. „Основаніе, предложенное публицистами, пишетъ онъ, можетъ, конечно, повести къ классификаціи, приуроченной къ природѣ каждаго дѣянія и къ нравственной оцѣнкѣ степеней преступности; но существенное неудобство будетъ въ несоотвѣтствіи съ общей системой и съ лѣстницей наказаній. Конечно, самое удачное разрѣшеніе вопроса было бы при полномъ соотвѣтствіи степеней наказаній, т. е. въ томъ предположеніи, чтобы послѣднее изъ намѣренныхъ проступковъ (*délits ainsi qualifiés par les publicistes*) — было строже наказуемо, нежели первое изъ ненамѣренныхъ нарушеній (*contraventions*). Но это невозможно. Общественная польза часто требуетъ того, чтобы иное ненамѣренное нарушение было наказано строже, нежели иные, намѣренные проступки. Такъ, убійство по неосторожности, хотя ненамѣренно, наказуется строже (319 ст. фр. Code pénal), нежели злостное нарушение довѣрія (406 ст. фр. Code pénal)... (Trébutien, *Cours de droit criminel*, Paris 1854, p. 76 и 77).

Эта идея, которая въ неполномъ видѣ пробивается въ Code pénal—нашла себѣ приверженцевъ. Первый уголовный кодексъ учредительнаго собранія, предшественникъ позднѣй-

шаго Code pénal 1810 года, осуществилъ неудачную попытку еще въ 1791 году. Тотъ же опытъ раздѣленія преступныхъ дѣяній по степени проявленія въ нихъ злой воли — имѣлъ мѣсто въ республикѣ Санъ-Марино и, по словамъ Гейера, не нашелъ себѣ подражателей. При всей непрактичности подобныхъ попытокъ въ стремленіяхъ теоретиковъ дать, подобно Gauthier, опредѣленіе низшаго разряда нарушеній изъ степени участія злой воли, проглядываетъ, какъ мнѣ кажется, сознание несостоятельности существующаго во французскомъ правѣ дѣленія. Оно стоитъ въ связи съ *открытымъ упрекомъ Boitard, Гейера и другихъ, которые будутъ разобраны ниже.*

Другой признакъ характеризуетъ несравненно лучше такъ называемыя „contraventions“, — низшую группу нарушеній; это — *мѣстный* характеръ нарушеннаго правила. Эту идею мы находимъ у Ortolan. Начавши тоже съ опредѣленія *наимѣренныхъ дѣяній* („délits intentionnels“ — „délits non intentionnels“), онъ спѣшитъ заявленіемъ, что „было бы ошибочно смѣшивать „contraventions“ и „délits non intentionnels“. Полицейскія нарушенія (т. е. *ненамѣренные*) составляютъ ядро въ низшемъ разрядѣ, но не весь разрядъ“ (Ortolan I. I, p. 259, § 609 et suiv.) — У Ortolan — основное объясненіе существованія группы „contraventions“ является въ идеѣ чисто мѣстнаго интереса („intérêt local“), въ противоположность общегосударственному уголовному значенію преступления. Эта идея служитъ достаточнымъ основаніемъ къ особой подсудности. Интересы, нарушение которыхъ не производитъ особеннаго соблазна за предѣлами данной мѣстности, дѣйствительно нуждаются въ упрощенномъ, мѣстномъ разбирательствѣ. На этой практической идеѣ, прекрасно характеризующей весь разрядъ французскихъ низшихъ нарушеній, строится мировой институтъ. Но, очевидно, идея здѣсь понята уже, нежели напр. у насъ, въ Россіи. Ограничивая мирового судью правомъ налагать штрафы до 15 фр. и приговаривать къ заключенію на 5 дней, подчиняя его въ апелляціонномъ порядкѣ французскимъ окружнымъ судамъ, Code pénal и d'instructions высказали этому институту *недовѣріе*, которое не нашло мѣста у насъ, ни въ

60-хъ годахъ, ни въ послѣ-реформенную эпоху. Воздерживаясь отъ всякой критики по этому поводу, я добавлю, что благодаря этому обстоятельству, — низшему разряду нарушеній (*contraventions*) придается особый характеръ *quasi* — безразличности въ нравственномъ смыслѣ, и хотя статистика можетъ, конечно, показывать громадное возрастаніе судимости по нарушеніямъ этого разряда (какъ это замѣтно за послѣднія десятилѣтія во Франціи), тѣмъ не менѣе въ этомъ явленіи нѣтъ ничего тревожнаго для моралиста. Причина такому необходимому возрастанію мелкихъ нарушеній — не столько въ явленіяхъ криминальнаго свойства, сколько въ постепенномъ осложненіи современнаго быта, порождающаго неуловимое количество постоянно умножающихся мѣстныхъ предписаній и полицейскихъ правилъ.

Такова ясно выдѣляющаяся картина нарушеній, называемыхъ во французскомъ правѣ „*contraventions*“: преобладаніе ненамѣреннаго характера нарушеній и чисто-мѣстнаго его значенія. Въ составленіи этой группы есть глубокий смыслъ, вытекающій изъ природы вещей. Съ этимъ согласны и защитники и противники трехчленнаго дѣленія правонарушеній. Кромѣ того, защитники трехчленной системы сознаютъ, что дальнѣйшее дѣленіе далеко не имѣетъ такой строгости и не оправдывается въ такой мѣрѣ теоретическими соображеніями, какъ группа такъ называемыхъ „*contraventions*“.

II.

Общая масса преступленій и проступковъ, остающаяся за выдѣломъ группы „*contraventions*“ не имѣетъ общаго названія. Между тѣмъ солидарность этой группы заставляетъ теоретиковъ искать ей руководящаго основанія, не приступая еще къ ея подраздѣленію. Какъ естественное дополненіе желанія приурочить низшія нарушенія къ безнамѣреннымъ нарушеніямъ, — возникаетъ и опредѣленіе остальной массы, какъ дѣяній всегда намѣренныхъ. „*Les délits et les crimes sont, en principe, des infractions intentionnelles*“ — говоритъ Garraud (p. 57). Вопросъ о ихъ наказуемости неразрывно связанъ съ наличностью злой

воли. Но это только преобладающая черта, терпящая крупные исключения. Мы только повторимъ сказанное выше, напоминая, что тяжесть наказанія не руководится однимъ признакомъ злой воли и намеренности, и что потому классификація по тяжести наказаній, не можетъ оправдываться этимъ признакомъ, какъ бы ни было это заманчиво для стройной логики системы. Укажемъ въ видѣ примѣра ст. 319 фр. Code pénal, карающую заключеніемъ въ тюрьму до 2-хъ лѣтъ убійцу по неосторожности, или ст. 358, полагающую тюремное заключеніе до 2 мѣсяцевъ за погребеніе тѣла безъ заявленія подлежащимъ властямъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, нѣтъ вовсе необходимости устанавливать наличность злой воли. Достаточно одного голаго факта для наказуемости дѣянія. Между тѣмъ, по тяжести установленныхъ наказаній, эти дѣянія входятъ въ разрядъ проступковъ (*délits*), а не въ низшій разрядъ (*contraventions*). Ясно, что нельзя строить правильного опредѣленія всей массы преступленій и проступковъ, отправляясь отъ идеи злонамеренности, въ противоположность низшему разряду (*contraventions*). Вѣрнѣе всего опредѣлить эту массу отрицательно, какъ *группу запрещенныхъ дѣяній, не входящихъ въ отдѣлъ „contraventions“*. Дальнѣйшій ходъ настоящей работы заставляетъ насъ заняться подраздѣленіемъ этой группы на преступленія и проступки—(*crimes et délits*). Чисто поверхностное опредѣленіе, объясняющее одни лишь выраженія, но не понятія, есть слѣдующій практическій рецептъ: „Проступкомъ (*délit*) называется запрещенное дѣяніе, которое легче преступленія (*crime*) и тяжелѣе простаго нарушенія (*contraventions*). — Обстоятельства, сопровождающія совершеніе проступка могутъ отягчать его до того, что онъ превратится въ преступленіе и наоборотъ, преступленіе можетъ перейти въ разрядъ проступковъ: тѣсная связь тѣхъ и другихъ заставила законодателя 1810 г. соединить въ III книгѣ Code pénal, какъ преступленія такъ и проступки въ одну рубрику: „*les crime, des délits et de leur punition*“. Уголовный кодексъ 1791 г. совершилъ опытъ полного раздѣленія преступленій и проступковъ, но это оказалось невозможнымъ на

практикѣ и привело къ ихъ сліянію въ изложеніи Code pénal 1810 г.

Спрашивается теперь, гдѣ провести границу между преступленіями и проступками? Гдѣ тотъ предѣлъ, гдѣ кончается область такъ называемыхъ „délits“ и начинается та, которую называютъ „crimes“.

Собственно говоря — нѣтъ такой границы.

Нѣтъ никакихъ рѣшительныхъ возраженій противъ того, что эта граница будетъ всегда произвольна; съ этимъ согласны, по большей части, ея же сторонники. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать возраженіемъ заявленіе Garraud, что дѣленіе это естественно, а не произвольно, потому что оно основано на сравнительной тяжести „gravité relative“ (р. 48). Это вовсе не устраняетъ произвольности самой границы. Съ этимъ вполне согласны Faustin Hélie (Théorie, I, § 38) и Ortolan, находящій, что граница можетъ быть полезна, но зависитъ отъ произвола законодателя; такъ что, собственно говоря, нѣтъ причины составить одну границу, а не двѣ или три. Установленіе такой границы будетъ имѣть свое оправданіе въ положительномъ правѣ каждой отдѣльной страны.

И такъ, *лучшее оправданіе такой границы не въ теоріи, а лишь въ томъ, что она существуетъ въ данной странѣ и въ данное время. Это историческое оправданіе.*

Трехчленное дѣленіе запрещенныхъ дѣяній имѣетъ дѣйствительно глубокія основанія въ исторіи французскаго права; революція не создала этого дѣленія въ своихъ кодексахъ 1791 и 1810 г., а только выразила и закрѣпила то, что слагалось практикой въ теченіи вѣковъ.

Здѣсь необходимо сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы объяснить, какіе были два коренныхъ и противоположныхъ воззрѣнія на преступленіе и наказаніе, и какъ эти два воззрѣнія развились параллельно въ теченіи среднихъ вѣковъ и вплоть до революціи. Этимъ культурнымъ процессомъ гораздо лучше объясняется трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній, нежели теоретическимъ построеніемъ.

Издавна выступили два ученія: одно — считало право наказанія чѣмъ-то божественнымъ и видѣло цѣль наказанія въ страданіи, искупляющемъ преступленіе. Другое — считаетъ наказаніе средствомъ, предназначеннымъ для пользы общества, и цѣль его — исправленіе преступника. Первое воззрѣніе ведетъ свое происхожденіе изъ идеализма Платона и выражено въ діалогѣ „Горгіасъ“.

Другое ученіе вытекаетъ уже изъ утилитаризма римскаго права, выраженнаго въ извѣстномъ изрѣченіи „salus rei publicae suprema lex esto“. Блаженный Августинъ и отцы христіанской церкви развили взглядъ платонизма, который сдѣлался въ послѣдствіи достояніемъ богослововъ, непрерывныя традиціи которыхъ должны были въ послѣдствіи вліять на развитіе идей въ области уголовного права. О среднихъ вѣкахъ нечего распространяться, такъ какъ въ средневѣковыхъ сборникахъ, въ родѣ „Іерусалимскихъ ассизъ“, а также у феодальныхъ комментаторовъ высказывается одно неразвитое понятіе мести и грубаго возмездія. Однако и въ грубомъ феодальномъ обществѣ теплился тотъ огонекъ мысли, который составляетъ наслѣдіе лучшаго прошлаго и задатокъ будущаго. Предстояло впереди, хотя не раньше XVI столѣтія, развитіе болѣе совершенной идеи, взлелѣянной Платономъ и богословами; монахъ въ Саламанкѣ, Альфонсъ де-Кастро развилъ въ своей книгѣ „De potestate legis poenalis“ религіозную идею грѣха и искупленія, въ примѣненіи къ преступленію и наказанію; таже идея перешла въ ученія Гуго Гроція, Сельдена и Лейбница. Противоположная теорія, выводившая наказаніе изъ общаго блага, возникаетъ у Гоббеса, Беккарія, Локка, Руссо, Бентама.

Оба теченія мысли получали свое выраженіе не въ однихъ книжныхъ доктринахъ, а входили, вливались въ жизнь, и каждое изъ нихъ требовало отъ жизни соотвѣтствующихъ формъ и учреждений. Жизнь въ отвѣтъ на эти требованія отдавалась обоимъ теченіямъ и оба получали въ ней свое выраженіе. Не успѣла народиться критика отъ противорѣчій не было

спасенія, да его и не искали! И вотъ, обѣ враждебныя другъ другу мысли, захватившія каждая по уголку, ужились, сплелись неузнаваемо. тая въ себѣ ту силу разрушенія, которая должна была разразиться въ XVIII вѣкѣ.

Изъ этого сплетенія двухъ враждебныхъ мыслей, изъ этого противорѣчія началъ, изъ этого опозданія на цѣлые вѣка общественной критики родилось французское трехчленное дѣленіе.

Такимъ образомъ возникло такое воззрѣніе, что цѣль наказанія является различной въ разныхъ наказаніяхъ. По тѣмъ или другимъ причинамъ, на практикѣ создалась группа преступленій наиболѣе тяжкихъ, въ отношеніи которыхъ установился богословскій взглядъ о необходимости мучить-преступниковъ такими наказаніями (*peines afflictives*), которыя могли-бы искупить ихъ преступленія страданіемъ и позоромъ, а для другихъ служить устрашеніемъ. Отсюда терминъ, сохранившійся еще до нынѣ, съ неяснымъ значеніемъ „*peines afflictives et infamantes*“. Если мы будемъ искать яснаго опредѣленія термина „*peines afflictives*“, говоритъ Ortolan, т. е. опредѣленія нынѣ утраченнаго и неяснаго, то слѣдуетъ его искать въ историческихъ воспоминаніяхъ; мы скажемъ, что „оскорбительныя наказанія“ (*peines afflictives*) суть тѣ, которыя возлагаются на осужденнаго съ цѣлью его оскорбить, заставить его страдать (Ortolan, т. II. § 1610).

Таже практика жизни отдѣлила и вторую группу преступныхъ дѣяній, благодаря относящемуся къ нимъ утилитарному убѣжденію, что этихъ преступниковъ можно и слѣдуетъ карать съ цѣлью исправленія. Наказанія соотвѣтствующія этой группѣ названы исправительными—„*peines correctionnelles*“.

Вся система, созданная старымъ французскимъ правомъ, представляетъ намъ, какъ видно, тройную цѣль, въ трехъ различныхъ степеняхъ преступности и тяжести наказанія: искупленіе страданіемъ и устрашеніе — въ первой степени; исправленіе—во второй, и простое предупрежденіе — въ третьемъ

разрядъ, для простыхъ „*contraventions*“. Французская старина связала съ этой группировкой коренныя процессуальныя особенности и освятила ихъ особой, нынѣ исчезнувшей терминологіей, назвавши „*Grand criminel*“ и „*petit criminel*“ оба порядка, по которымъ творился уголовный судъ. Для порядка такъ называемаго „*Grand criminel*“, которому подчинялись тягчайшія преступленія первой группы, существовали тяжелыя наказанія общественнаго возмездія „*peines afflictives et infamantes*“, сопряженныя всегда съ позоромъ. Уголовный процессъ, сопровождавшій розыскъ этихъ преступленій считался „чрезвычайнымъ“ (*jugements à l'extraordinaire*), т. е. производился по всѣмъ отжившимъ правиламъ инквизиторскаго начала, тайно — письменно. Въ случаѣ преступленія менѣе тяжкаго, относящагося ко второму разряду или исправительному, „*petit criminel*“ процессъ сокращенный, считался „обыкновеннымъ“ (*voie ordinaire*), въ открытомъ, публичномъ засѣданіи, съ устными рѣчами. Этотъ порядокъ установился съ 1498 г.

Замѣтимъ кстати, что для судопроизводства по наиболѣе тяжкимъ и опаснымъ преступленіямъ, высшая гарантія для общества казалась, по духу стараго французскаго права, въ тайнѣ производства, въ розыскомъ началѣ и въ письменности процесса; принципъ устности и гласности существовалъ уже тогда, но считался меньшей гарантіей для общественной безопасности и потому назначался для менѣе важныхъ преступленій. Впослѣдствіи, когда оцѣнка значенія этихъ гарантій сдѣлалась обратной, но не измѣнился взглядъ на трехчленное дѣленіе преступленій, учредительное собраніе 1791 года также раздѣлило ихъ на три категоріи, отдавши первую, по тяжести наказанія (соотвѣтствующую старинному „*Grand criminel*“), — въ вѣдѣніе *присяжныхъ засѣдателей* — (*cours d'assises avec jury*).

Французское дѣленіе судовъ на „*cours d'assises*“ — съ присяжными засѣдателями, для разбора преступленій — „*crimes*“ и „*tribunaux correctionnels*“ — безприсяжный судъ (для проступковъ „*délits*“) — является такимъ образомъ прямымъ продол-

женіемъ того историческаго развитія, которое сперва породило два уголовныхъ процесса: „Grand criminel et petit criminel“. Это подтвержденіе того культурнаго закона, заимствованнаго изъ области естествознанія, въ силу котораго дифференцированіе функций ведетъ за собою, въ дальнѣйшемъ развитіи, созданіе особаго органа, соответствующаго этой функціи.

Таково историческое оправданіе системы во французскомъ правѣ. Мы видѣли выше, что теоретики строятъ на этомъ же свою защиту системы, такъ слаба оказывается ея конструкція въ области чистой мысли.

Теперь спрашивается, какъ должны мы, русскіе юристы, отнестись къ такой системѣ, которая не выдерживаетъ попытки отвлеченнаго построенія ея частей и оправдывается только исторіей французскаго права?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо имѣть установившійся взглядъ на значеніе теоретическаго вліянія при реформѣ стараго, негоднаго законодательства. Набросимъ бѣглый эскизъ нашего взгляда.

Въ дѣлѣ реформъ приходится всегда сталкиваться съ двойнымъ элементомъ: съ одной стороны—новѣйшая доктрина, философскія убѣжденія, чисто отвлеченное строеніе началъ новаго института; съ другой стороны—требованія народнаго уровня, склада его привычекъ, обычаевъ, скажемъ старинное слово:—„пошлина земли“. Какъ найтись въ обоихъ теченіяхъ?—Вѣчный вопросъ исторической школы, служившій когда-то предметомъ знаменитаго спора Савиньи и Тибо.

Вопросъ долженъ быть рѣшаемъ, кажется, различно въ отношеніи уголовного и гражданскаго права. Легче воздѣйствіе общечеловѣческихъ идей въ первомъ, нежели во второмъ. Глубже въ частную жизнь цѣлаго народа внѣдряется гражданское право. Живя по нормамъ уголовного права, народъ *терпитъ* ихъ примѣненіе со стороны органовъ власти. Живя по правиламъ своего гражданскаго закона, народъ его *оживляетъ* ежедневнымъ воздѣйствіемъ; каждое частное лицо

само *дѣйствуетъ* въ неисчислимыхъ случаяхъ частной жизни, примѣняя безъ содѣйствія власти гражданское право. Вотъ причина, по которой общечеловѣческое теченіе, гуманизмъ—утрачиваетъ сравнительно свое значеніе, а обычное право получаетъ извѣстную силу въ области гражданского права, тогда какъ значеніе обычая почти ничтожно, а вліяніе философіи можетъ быть громадно въ области уголовныхъ законовъ.

Ограничимся однимъ примѣромъ: эпоха, послѣдовавшая послѣ первой французской революціи, создала во Франціи сильное перестроеніе всего законодательства; но работа по составленію гражданского Code Napoléon—въ значительной степени состояла въ систематизаціи сложившихся въ теченіи вѣковъ обычаевъ—„*coutumes*“ и королевскихъ ордонансовъ, подѣ давлениемъ комментарскихъ трудовъ стариннаго Pothier и друг.

Напротивъ, бури въ области философіи, вызванныя въ XVIII ст. энциклопедистами, а также публицистомъ Беккариа, долго возбуждавшія противъ себя одну только ультрамонтанскую церковь,—теперь провели цѣлый строй новыхъ идей въ новое уголовное законодательство, создавая пропасть между старой уголовщиной и новымъ уголовнымъ порядкомъ. Новые принципы—уже тогда успѣвшіе блеснуть даже въ далекой Россіи, въ наказѣ Екатерины, на крыльяхъ печатнаго слова разлетѣлись по всѣмъ государствамъ, и черезъ одно, много два поколѣнія, основныя идеи новѣйшаго уголовного права были уже не французскія идеи, а принадлежали всему просвѣщенному человѣчеству.

Такова ли была судьба французскаго Code Napoléon?

Не ясно ли то, что именно благодаря преобладанію въ гражданскомъ кодексѣ историческихъ, мѣстныхъ устоевъ, этотъ кодексъ получилъ распространеніе только среди народовъ, тѣсно связанныхъ съ латинствомъ, и то скорѣе въ силу содержащагося въ немъ римскаго права. Но другимъ путемъ, кромѣ культурной связи прошлаго, гражданскій законъ едва ли можетъ распространяться съ такою быстротою, какъ уголовный законъ.

Отсюда, повторяемъ, такой выводъ: *реформа уголовного законодательства можетъ и должна руководиться началами отвлеченными, выработанными на общечеловѣческихъ основа- нияхъ*. Если и въ этой области наслѣдіе прошлаго проникаетъ въ новые уголовные законы, то пусть, по крайней мѣрѣ, будетъ это свое историческое прошлое, а не чужое. Разъ мы не можемъ очистить будущій кодексъ отъ соедине- нія двухъ элементовъ: *логическаго*, созданнаго наукой, и *не- логическаго*, созданнаго прошлымъ,—то пусть будетъ намъ дозволено уменьшить въ возможной степени послѣдній эле- ментъ, ограничиваясь неизбѣжнымъ нелогическимъ матеріа- ломъ, какой навязываетъ намъ наша старина.

Кажется, приведенныя соображенія довольно рѣшительно приводятъ къ отвѣту на поставленный нами вопросъ: слѣдуетъ ли принять французское трехчленное дѣленіе или нѣтъ? Если сами защитники этого дѣленія видятъ въ немъ одно практи- ческое удобство, связанное съ прошлымъ и настоящимъ фран- цузскихъ судовъ, но въ тоже время допускаютъ негодность этого дѣленія въ обще-логическомъ значеніи, то этимъ опредѣляется и наше отношеніе къ вопросу. *Я полагаю, что введеніе этой системы въ новый уголовный кодексъ у насъ въ Россіи является нежелательнымъ*.

III.

Для болѣе полной характеристики недостатковъ и досто- инствъ упомянутаго трехчленнаго дѣленія, слѣдуетъ еще сказать о нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ, вызываемыхъ дѣле- ніемъ *crimes et délits* во французскомъ правѣ. Нѣкото- рые изъ нихъ касаются самыхъ наказаній, другія прохо- дятъ глубокою чертой чрезъ организацію французскаго уго- ловнаго судопроизводства.

Мы видѣли выше, что въ старину, тягчайшія наказанія имѣли цѣлью оскорбить, мучить преступника, *l'affliger*; къ этому присоединялась неразлучная идея позора „*infamie*“, отсюда названіе „*peines afflictives et infamantes*“. До настоящаго времени Франція не измѣнила характера этой системы и всѣ

криминальныя наказанія подраздѣляются на: „peines afflictives et infamantes“ и „peines simplement infamantes“. Такъ или иначе, нѣтъ криминальныхъ наказаній, которыя не были бы въ тоже время официально позорящими. Съ другой стороны, нѣтъ наказаній, связанныхъ съ опозореніемъ, кромѣ тѣхъ же криминальныхъ.

Французскій законодатель придерживается системы, связывающей чисто внѣшнимъ образомъ позорящій характеръ съ наказаніемъ, а не съ совершеннымъ дѣяніемъ. Эта система несравненно хуже той, какая была въ римскомъ правѣ, связывавшемъ „infamia“ съ совершеннымъ дѣяніемъ, а не съ судебнымъ приговоромъ. Неудобство этой системы состоитъ въ противорѣчій съ дѣйствительностію. *Повстанецъ* приговаривается побѣдившимъ его правительствомъ, изъ видовъ законодательной политики—къ тяжелому, криминальному наказанію. Волею не волею надъ нимъ тяготѣетъ пятно судебного опозоренія, какъ послѣдствіе криминальнаго наказанія. *Мощенникъ*, наказуемый исправительнымъ наказаніемъ („peines collectionnelles“) не поражается судебнымъ опозореніемъ. Между тѣмъ, общественная совѣсть судить иначе и раздаетъ наказаніе нравственнаго позора наоборотъ.

Въ виду вреднаго характера подобнаго разлада между общественнымъ и чисто механическимъ дѣленіемъ опозоренія, Бельгійскій Code pénal 1867 года отмѣнилъ эту часть французской системы. Одинъ изъ составителей этого новѣйшаго бельгійскаго кодекса — Гентскій профессоръ Напс — краснорѣчиво возставалъ противъ системы французской „infamie légale“—и содѣйствовалъ въ своихъ сочиненіяхъ и затѣмъ своимъ участіемъ въ законодательной работѣ къ ея уничтоженію въ Бельгіи. „Позоръ, говоритъ онъ, зависитъ отъ общественнаго мнѣнія. Законъ не можетъ создавать чести или безчестія; это принадлежитъ общественной совѣсти. Если человѣкъ опозоренъ въ обществѣ, къ чему же его шельмовать передъ закономъ? Если человѣкъ, приговоренный за политическое преступленіе, не считается безчестнымъ, то законодатель, объявляя его таковымъ, совершаетъ въ сущности безполезное дѣйствіе (F. Hélie, Théorie p. 58—§ 105).

Еще болѣе полную критику позорящихъ приговоровъ мы находимъ у Гейера, въ его замѣчаніяхъ на проектъ Сѣверо-Германскаго уложенія (Kritische Vierteljahresschrift 1870). Прежде всего, онъ находитъ неумѣстнымъ совпаденіе двухъ идей — тяжести преступленія и его безчестности. Дѣленіе преступленій по строгости наказанія должно удовлетворить непримиримому противорѣчію: величинѣ содѣяннаго или возможнаго зла съ одной стороны и безчестности поступка, — съ другой. Допустимъ на минуту, по предложенію Гейера, необходимость выдѣленія въ особый разрядъ *преступленій* „Verbrechen“, (въ отличіе отъ проступковъ), т. е. составимъ такой классъ враговъ общественнаго спокойствія, которые казались бы въ особенности достойны наказанія; въ этотъ классъ должны войти, собственно говоря, поддонки общества, изверги порока. Но именно для такого роковаго выдѣленія, ни одинъ законодатель не сдумаетъ найти подходящую оцѣнку. Мы не можемъ избѣгнуть того, чтобы цѣлый рядъ тяжкихъ преступленій (Verbrechen; crimes) былъ менѣе безчестенъ, нежели масса болѣе легкихъ проступковъ (Vergehen; délits). Напримѣръ, убійство въ запальчивости, хотя есть преступленіе, — несомнѣнно несвязано съ общественнымъ безчестіемъ, какъ мошенничество, которое есть проступокъ.

Въ сравненіи съ французской системой постоянного опозоренія преступниковъ, караемыхъ криминальными наказаніями, Гейеръ, въ упомянутой статьѣ, хвалитъ сравнительно лучшую систему „судебной инфамаци“, принятую проектомъ Сѣверо-Германскаго уложенія. Она даетъ возможность судѣ, по обстоятельствамъ cadaго дѣла, приговорить виновнаго къ лишенію добраго имени или нѣтъ. Такъ что. съ одной стороны, можетъ случиться, что совершившій преступленіе будетъ освобожденъ отъ этой части наказанія, а съ другой стороны, виновный въ совершеніи одного только проступка можетъ быть опозоренъ приговоромъ. Но въ сущности это полумѣра, такъ какъ всякое официальное провозглашеніе безчестія страдаетъ одними недостатками. Если же оказывается нужда въ томъ, чтобы наказывать нѣкоторые проступки тяжелѣе иныхъ преступленій,

то это показывает только, что существующее дѣленіе не-вѣрно, а вслѣдствіе того—вредно.

Тѣже неудобства возникаютъ однако и безъ всякаго формальнаго провозглашенія безчестія и еще болѣе служатъ къ вѣренному осужденію всякаго дѣленія на группы преступныхъ дѣяній, распредѣленныхъ по тяжести и строгости наказаній. Дѣло въ томъ, что строгость наказаній опредѣляется двумя данными: *безнравственностью* и *опасностью* наказуемаго дѣянія (Boitard, Leçons de dr. crim. p. 20). Наличие этихъ двухъ данныхъ приводитъ къ подведенію подъ одну общую участь преступниковъ, неимѣющихъ между собой ничего общаго; иначе говоря, тяжесть наказанія, какъ признакъ чисто внѣшній, не даетъ вовсе опоры для вѣрной классификаціи. Вѣрность была бы достигнута только тогда, если бы объ данныя, опредѣляющія тяжесть наказанія, всегда совпадали одновременно. На дѣлѣ этого нѣтъ.

Мы въ этой части трехчленнаго дѣленія встрѣчаемся съ тѣмъ же разладомъ между стремленіями классификаціи и дѣйствительностью, какой мы видѣли раньше, по поводу желанія французскихъ теоретиковъ построить основы этого дѣленія на различіи намѣренныхъ и ненамѣренныхъ дѣяній.

Сверху до низу этого искусственнаго дѣленія, мы встрѣчаемся съ тѣми же недостатками.

Едва ли можетъ служить для него рекомендаціей и то соображеніе, приводимое въ защиту трехчленнаго дѣленія, что оно влечетъ за собою глубокія послѣдствія по всѣмъ отраслямъ уголовного права и судопроизводства. Такъ. относительно *покушенія*, французскій законъ считаетъ безусловно наказуемымъ одно только покушеніе на *преступленія* (crimes); въ отношеніи проступковъ (délits), оно наказуемо только въ исключительныхъ случаяхъ; наконецъ, покушеніе на содѣяніе простаго нарушенія (contravention) никогда не наказывается.

Подобнымъ образомъ французскіе учебники указываютъ на вліяніе трехчленнаго дѣленія въ вопросахъ объ уголовной давности, совокупности преступленій, рецидивѣ, соучастіи, обстоятельствахъ уменьшающихъ виновность; далѣе, въ

процессуальных вопросах—подсудности, предварительного слѣдствія, предварительнаго заключенія и возобновленія дѣлъ. Но для насъ всѣ эти частные вопросы отходятъ на задній планъ. Они могутъ умножить возраженія противъ тѣхъ наторовъ, которые пожелали бы изгнать это дѣленіе изъ французскаго права, такъ какъ система, долго бывшая въ употребленіи, пускаетъ корни во всю правовую систему той страны, гдѣ ее примѣняли. Это однако не говоритъ въ ея пользу, особенно съ точки зрѣнія того государства, гдѣ она никогда не примѣнялась.

Въ настоящее время ея дорожатъ особенно въ виду ея соотвѣтственности съ тремя разрядами судовъ во Франціи: „*cours d'assises*“, „*tribunaux correctionnels*“ и „*juges de paix*“. Если увлекаться аналогіями, то можно, конечно, сказать, что у насъ существуетъ та же трилогія; судъ съ присяжными засѣдателями, безприсяжный судъ и мировые судьи; но это будетъ сходство чисто внѣшнѣе. Припомнимъ только то, что мировой судъ играетъ у насъ роль гораздо болѣе значительную, нежели во Франціи, гдѣ апелляціонную инстанцію мировыхъ судей составляетъ окружный судъ и компетенція мирового судьи ограничена правомъ заключать въ тюрьму до 5 дней. Другая разница та, что всѣ проступки по дѣламъ печати вѣдаются во Франціи судомъ присяжныхъ, но это не останавливаетъ сторонниковъ трехчленнаго дѣленія: они возражаютъ, что можно измѣнить, передѣлать судебные уставы.

Во первыхъ, опытъ послѣднихъ 20 лѣтъ въ Россіи показалъ, что русскій мировой судъ прекрасно прививается къ условіямъ русской жизни. Законодательная политика нашего правительства справедливо примѣтила глубокое значеніе и удобство самостоятельнаго мирового суда съ широкою компетенціею и расширила недавно эту компетенцію новымъ закономъ о кражѣ со взломомъ. Литература высказывается вообще въ томъ же направленіи, и нѣтъ основанія обогащать подсудность безприсяжнаго окружнаго суда въ ущербъ мировой юстиціи.

Вообще, прибавимъ вѣстѣ съ Гейеромъ, что классифи-

кація всего матеріального уголовного права не должна строиться на такомъ несущественномъ основаніи какъ вопросъ о подсудности. Тѣмъ болѣе, что не одна строгость наказанія должна служить побужденіемъ къ тому, чтобы предлагать дѣло на рѣшеніе суда присяжныхъ. Такъ, оскорбленія въ печати, поединки, вопросы, задѣвающие чью либо честь—могутъ быть съ большою пользою передаваемы суду присяжныхъ.

Въ заключеніе скажемъ, что если бы имѣлось въ виду дѣлать какія либо измѣненія въ судебныхъ уставахъ, въ видахъ практическаго приложенія трехчленнаго дѣленія, то всего менѣе умѣстнымъ и полезнымъ является расширеніе, въ уподобленіе французскимъ судамъ (tribunaux correctionnels), компетенціи нашего безприсяжнаго суда.

А. Башмаковъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

*О судѣ присяжныхъ. Популярныя этюды. Кандидата
правъ Д. Л. Бейтгигеля.—Вильна 1884 г.*

Популярныя этюды о судѣ присяжныхъ г. Бейтгигеля представляютъ собою нѣчто въ родѣ карманной книжки, спутника, для присяжныхъ засѣдателей. Авторъ имѣлъ именно эту цѣль, посвящая рассматриваемое сочиненіе присяжнымъ засѣдателямъ первой сессіи суда въ с.-западномъ краѣ. По внѣшности, книга соотвѣтствуетъ своему назначенію, заключая въ себѣ 70 страницъ, въ 16 долю листа убористой печати, и по цѣнѣ (20 коп.) доступна большинству присяжныхъ засѣдателей.

Авторъ слѣдующимъ образомъ очерчиваетъ цѣль настольной книги для присяжныхъ засѣдателей (предисл., стр. IV): „Присяжные должны не только понимать силу и значеніе каждаго происходящаго на судебномъ засѣданіи дѣйствія, но и умѣть давать должную оцѣнку всѣмъ органамъ составительнаго процесса, вырабатывающимъ ихъ убѣжденіе, какъ судей (прокуратурѣ, адвокатурѣ и проч.); мало того, даже умѣть различать законный составъ разныхъ преступленій (*corpus delicti*)..... Можно не согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые требуютъ, чтобы и присяжные судьи были специалистами-юристами, но надо признаться, что *юридически развитыми* они должны быть“.

Послѣднее положеніе почтеннаго автора совершенно не-согласно ни съ взглядомъ составителей судебныхъ уставовъ Императора Александра II на установленіе присяжныхъ засѣдателей, ни съ взглядомъ англичанъ на этотъ, у нихъ всего полнѣе разившійся, образъ суда. Какъ тѣ, такъ и другіе, напротивъ, видятъ въ присяжныхъ судей *неюристовъ*, судей *по чистой совѣсти*, въ противоположность ученымъ судьямъ, которые вносятъ нѣкоторую научную искусственность, рутину, въ рѣшеніе важнаго вопроса о винѣ. Поэтому, имѣть нужды, чтобы присяжные были *юридически развитыми людьми*: но они должны понимать законы, которые примѣняются къ разсматриваемому ими дѣлу, и вотъ этому-то требованію, казалось бы, должно удовлетворять наставленіе для присяжныхъ засѣдателей. Но очевидно что такое наставленіе можетъ только оказаться или слишкомъ серьезною для судей изъ народа юридическою энциклопедіею, или же популярною книжкою, совершенно бесполезною и даже опасною для суда, такъ какъ популяризировать законъ уголовный невозможно. Присяжные должны знакомиться съ закономъ, главнымъ образомъ, изъ заключительнаго слова предсѣдателя и обязанность предсѣдателя не можетъ замѣнить никакая книжка.

Почтенный авторъ поставилъ себѣ слишкомъ широкую задачу. Книга его можетъ способствовать образованію плохенькихъ юристовъ, въ особенности мелкихъ защитниковъ по уголовнымъ дѣламъ, но она не годится въ руководство присяжнымъ засѣдателямъ.

Въ главѣ I авторъ излагаетъ основныя начала уголовного суда. Не можемъ не отмѣтить здѣсь нѣсколько явныхъ заблужденій автора. Такъ, на стр. 3, онъ говоритъ, что рѣшая вопросъ о виновности, присяжные должны, между прочимъ, принимать въ соображеніе слѣдующее: „и если онъ совершилъ въ ихъ (присяжныхъ) мѣстѣ жительства такое преступленіе, то настолько ли обвиняемый вреденъ для ихъ мѣстности и настолько ли возмущаетъ ихъ совершенное имъ дѣяніе, чтобы его наказали согласно законамъ, которые уже подыщутъ, примѣнять—гг. предсѣдатель и члены суда (*jura novit*

curia)?“ Это положеніе невѣрное и опасное въ „популярномъ“ этюдѣ, превращающее наказаніе въ политическую мѣру, а присяжныхъ въ какихъ то государственныхъ людей. На стр. 4 читаемъ: „впускъ по билетамъ противорѣчить идеѣ публичности“; далѣе: „въ газетахъ можно печатать обо всемъ происходящемъ на судѣ и судебныя рѣшенія“. Мы полагаемъ, что сообщать присяжнымъ такія свѣдѣнія совершенно ненужно, тѣмъ болѣе, что послѣднее изъ нихъ и невѣрно, въ чемъ можетъ убѣдиться самъ авторъ, справившись съ уставомъ цензурнымъ (ст. 4, прил. ст. 14, по прод. 1876 г.). Авторъ иногда выражается недостаточно осторожно; такъ, на стр. 10, онъ говоритъ, желая пояснить начало „равенства“ суда „....такъ что крестьяне, своимъ здравымъ смысломъ, могутъ судить дворянина“. Намъ кажется, что такіе случаи являются только возможными исключеніями, такъ какъ правительствующій сенатъ (рѣш. общ. собр. перваго и касс. департамента 1880 г. № 33) даже прямо указываетъ, что присяжныхъ засѣдателей надлежитъ распредѣлять по четвертямъ (періодамъ) такъ, чтобы въ каждой изъ нихъ было, по возможности, достаточное число грамотныхъ, и чтобы каждая четверть была составлена изъ присяжныхъ разныхъ званій и сословій, „такъ какъ отъ лицъ разныхъ званій образуется болѣе правильное мнѣніе объ обсуждаемомъ фактѣ, вслѣдствіе разносторонняго взгляда на жизнь и лучшаго уясненія ея различныхъ условий“.

Въ главѣ II почтенный авторъ доказываетъ необходимость участія народнаго элемента въ судѣ. Эта глава едва ли полезна. Въ концѣ ея авторъ совершенно справедливо указываетъ, что одна изъ функцій „судебной дѣятельности предполагаетъ, главнымъ образомъ, *знаніе тѣхъ условий и того быта, среди которыхъ пришлось дѣйствовать подсудимому*, а это болѣе доступно людямъ жизни практической, чѣмъ людямъ кабинета“. Но въ этой же главѣ мы встрѣчаемся съ совершенно превратными понятіями. Такъ, на стр. 11, напечатано: „Болѣе правильно можно признать ту мысль, что правительству необходимо снять съ себя такую отвѣтственную и тяжелую миссію, какъ судить преступниковъ; что народъ самъ

долженъ заявлять правительству, кого онъ не желаетъ имѣть въ своей средѣ и *кто для него не опасенъ* (?), несмотря на содѣянное имъ; правительственные органы должны только, какъ свѣдущіе въ законахъ, примѣнять наказанія, если народъ признаетъ того или другаго вреднымъ“. На стр. 13 авторъ предполагаетъ у присяжныхъ какое-то мнѣніе „о вредности или безвредности совершившагося событія“; на стр. 14 онъ уже называетъ присяжныхъ засѣдателей судьями, знающими какую-то „такъ сказать, мѣстную мѣрку виновности“.

Глава III посвящена исторіи происхожденія суда присяжныхъ. Она представляется также излишнею. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, интересную выноску на стр. 20: „На основаніи *leges barbarorum* и капитуляціи (?) Карла Великаго, частная месть облечена была въ форму дуэли и мести за оскорбленіе.....“ На стр. 22 почтенный авторъ счелъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о появленіи „на западѣ такъ называемаго феодальнаго строя, т. е. когда земля была раздѣлена между владѣтелями такъ, что они владѣли подданными, какъ своимъ частнымъ имуществомъ (?), извлекая изъ нихъ какъ можно больше доходовъ“. На стр. 27 г. Бейтгигель дѣлаетъ выводъ: „нашъ присяжный судъ—произведеніе русскаго духа, плодъ русской самобытной жизни, *продолженіе и возобновленіе того, что давно существовало* (курсивъ въ подлинникѣ), только было прикрыто толстымъ слоемъ исторически нанесенной пыли“! Даже въ томъ случаѣ, ежели бы выписанныя мѣста и были вѣрны, мы бы сочли ихъ излишними.

Но перейдемъ ко второй половинѣ сочиненія. Въ главѣ IV авторъ, весьма коротко и бѣгло, излагаетъ условія избранія присяжныхъ и порядокъ составленія присутствія присяжныхъ по каждому дѣлу. Здѣсь нельзя не указать на весьма полезные замѣчанія автора касательно уклоненія отъ повинности присяжнаго и неявки засѣдателя, внесеннаго въ служебный списокъ, въ судъ (стр. 33 и 34). Замѣтимъ, впро-

чемъ, что глава эта въ настоящее время уже устарѣла, вслѣдствіе изданія закона 12 іюня 1884 г. (собр. узак. № 485).

Въ главѣ V авторъ говоритъ о составѣ суда и о сторонахъ въ процессѣ, причемъ подробнѣе всего останавливается на адвокатурѣ, но ничего не говоритъ специально о русской адвокатурѣ.

Въ слѣдующей главѣ авторъ обращается къ разсмотрѣнію движенія процесса, или, какъ онъ говоритъ, динамики суда. Въ главахъ VI, VII и VIII послѣдовательно изложены: судебное слѣдствіе, пренія сторонъ, заключительное слово предсѣдателя, рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда. Онѣ изложены удовлетворительно, но слишкомъ кратко.

Мы, быть можетъ, слишкомъ подробно разбирали сочиненіе г. Бейтгигеля; но въ настоящее время вопросъ о судѣ присяжныхъ слишкомъ жгучій вопросъ для того, чтобы можно было пропускать безъ вниманія какой либо трудъ, его касающійся, а въ особенности популярныя этюды. Замѣтимъ, однако, что почтенный авторъ оказалъ бы немалую услугу дѣлу суда въ Россіи, если бы выпустилъ въ своей книгѣ всякія теоретическія соображенія и ограничился бы яснымъ изложеніемъ правъ и обязанностей присяжнаго, имѣя въ виду преимущественно тѣ объясненія, которыя предсѣдатель суда даетъ присяжнымъ засѣдателямъ передъ разсмотрѣніемъ дѣла (ст. 671—677 уст. угол. суд. изд. 1883 г.). При этомъ, однако, мы позволимъ себѣ напомнить автору, что подобный трудъ уже существуетъ въ русской литературѣ, но забыть, какъ и многіе другіе. Этотъ трудъ принадлежитъ г. Квачевскому: „Судъ присяжныхъ по русскимъ законамъ. Руководство для присяжныхъ засѣдателей“ (С.-Петербургъ, 1873 г.).

Г. Квачевскій слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ свою задачу (предисловіе стр. V и слѣд.): „Каковы бы ни были объясненія, онѣ не могутъ совершенно пополнить недостатокъ тѣхъ первоначальныхъ свѣдѣній, съ которыми присяжный засѣдатель долженъ быть знакомъ, чтобы понимать свое

положеніе въ судѣ и все, что въ немъ происходитъ; объясненія предсѣдателя не могутъ предвидѣть всѣхъ недоразумѣній присяжныхъ засѣдателей въ ихъ правѣ и обязанностяхъ, не относящихся къ судебному засѣданію, какъ напримѣръ, по избранію лицъ въ присяжные засѣдатели, составленію и оглашенію списковъ ихъ и т. п.“ „Мы задали себѣ трудъ составить руководство, которое отчасти подготовляло бы присяжнаго засѣдателя къ слушанію дѣла, уяснило его положеніе и участіе въ судѣ, чтобы ему было понятно — почему, для чего и какъ все происходитъ на судѣ, чтобы онъ зналъ свои права и обязанности по исполненію лежащей на немъ повинности, отъ выбора въ присяжные засѣдатели до выхода изъ суда“.

Трудъ г. Квачевского есть объясненіе дѣятельности присяжныхъ засѣдателей по русскимъ судебнымъ уставамъ; этотъ очеркъ могъ бы быть мѣстами нѣсколько сокращенъ и тѣмъ самымъ книга сдѣлана болѣе доступною для распространенія въ народѣ; но намъ думается, что г. Квачевскій вѣрно понялъ задачу составителя настольной книги для всякаго гражданина, подлежащаго повинности присяжнаго засѣдателя.

Geyer. Grundriss zu Vorlesungen über gemeines deutsches Strafrecht. 1884.

Имя мюнхенскаго профессора Гейера извѣстно у насъ главнымъ образомъ по его „Краткому очерку исторіи философіи права“, переведенному и изданному въ 1866 году подъ редакціей Н. А. Неклюдова. Сочиненія того же автора: „Теорія необходимой обороны“ (1858 года) и „Разсужденія о составѣ преступленія“ (1862 года), сравнительно мало извѣстны; въ новѣйшее время (1880 г.) онъ обратилъ на себя вниманіе превосходнымъ „Учебникомъ общаго германскаго уголовно-процессуальнаго права“. Сравнительно молодой (ему 53 года), Гейеръ, однако, не стоитъ въ первой, воинствующей

щей фалангѣ германскихъ юристовъ; Мюнхенъ, какъ и другіе южные университеты, гораздо менѣе привлекаетъ учащихся, чѣмъ университеты сѣвера Германіи, гдѣ одновременно съ цвѣтеніемъ имперскаго милитаризма сосредоточился цвѣтъ нѣмецкой науки права.

По направленію, Гейеръ принадлежитъ къ такъ называемымъ „политикамъ въ уголовномъ правѣ“ (Criminal — Politiker) которыхъ крайнимъ представителемъ можетъ считаться другой южанинъ — Миттермайеръ. Этимъ обуславливается его отзывчивость къ явленіямъ въ области законодательства чужихъ странъ. Когда получена была въ Германіи переведеннаго на нѣмецкій языкъ объяснительная записка къ общей части нашего проекта уголовного уложенія Высочайше учрежденной редакціонной комисіи, Гейеръ первый отозвался на приглашеніе дать свои замѣчанія на проектъ и сочувственная статья его уже въ 1883 году была напечатана въ нашемъ журналѣ. Въ теченіи лѣтняго семестра 1883 года Гейеръ читалъ въ университетѣ уголовное право и пишущему эти строки не разъ приходилось слышать отъ студентовъ выраженія удивленія по поводу энтузіазма, съ которымъ Гейеръ говорилъ на лекціяхъ о русскомъ проектѣ, нерѣдко ставя его даже образцомъ того, къ чему долженъ стремиться нѣмецкій законодатель.

Но кромѣ политическаго, законодательнаго интереса, чувство ко всякому добросовѣстному труду и чистосердечная радость при видѣ хорошей самостоятельной работы молодыхъ ученыхъ, заставляютъ Гейера не пропускать безъ вниманія ни одной выдающейся мысли, высказанной въ области уголовного права. Этимъ объясняется, почему Гейеръ, едва ли не единственный изъ старшаго поколѣнія нѣмецкихъ профессоровъ, радостно привѣтствовалъ сочиненіе Биндинга „Нормы и ихъ нарушеніе“, подвергнувъ ихъ безпристрастной, плодотворной критикѣ. Поэтому же онъ не пренебрегъ и натуралистическимъ направленіемъ въ уголовномъ правѣ, представляемымъ школою Ломброзо и Ферри.

Изложеніе названныхъ теорій и собственная теорія права государства наказывать, составляютъ самыя интересныя мѣста въ новѣйшемъ произведеніи трудолюбиваго юриста, давшемъ поводъ къ настоящей замѣтѣ. Произведеніе это есть лишь „Конспектъ лекцій общаго германскаго уголовного права“, составленный по образцу такого же конспекта лекцій Биндинга. Будучи лишь конспектомъ лекцій и преслѣдуя главною задачею—изложить общую часть дѣйствующаго нѣмецкаго уголовного уложенія, сочиненіе это въ прочихъ частяхъ своихъ не имѣетъ значенія для негерманскихъ юристовъ. Такіе конспекты имѣютъ спеціальную цѣлью облегчить трудъ студентовъ, которые въ Германіи записываютъ лекціи профессора, такъ какъ тамъ нѣтъ обычая издавать стенографическія записки. Ограничимся, поэтому, изложеніемъ философской части сочиненія, которая представляетъ интересъ уже потому, что затрагиваетъ двѣ новѣйшія школы въ наукѣ уголовного права—Биндинга и Ломброзо.

И къ той и другой теоріи Гейеръ относится отрицательно; и чтобы понять его отношеніе къ нимъ, необходимо сначала изложить его собственный взглядъ на принадлежащее государству право наказывать.

Собственная теорія Гейера заключается, въ немногихъ словахъ, въ слѣдующемъ.

Справедливость требуетъ воздаянія каждому за содѣянное имъ, и потому каждое злое дѣло, имѣющее своимъ источникомъ человѣческую волю, требуетъ кары. Но кто же долженъ карать?—Кара, наказаніе, обыкновенно выражается въ нарушеніи правъ виновнаго; такое право при извѣстныхъ условіяхъ нарушить нѣкоторыя права другаго лица признается уже въ первыхъ общественныхъ союзахъ. Постепенно это право сосредоточивается въ рукахъ безпристрастнаго третьяго лица, облеченнаго властью приводить въ исполненіе его. Такимъ лицомъ теперь является государство; но не всякое злое дѣло (*Uebelthat*) подлежитъ его наказанію, а лишь *преступленіе*. Ограниченіе области *преступленія* зависитъ отъ

того понятія, какое мы имѣемъ о государствѣ. Такъ какъ это послѣднее различно въ различныя времена, то и карательная дѣятельность государства различна въ разные эпохи исторіи. Вслѣдствіе ряда политическихъ соображеній государство, несмотря на требованіе справедливости—воздать за каждое дѣло, оставляетъ нѣкоторые злыя дѣла безъ наказанія (отсюда положеніе: *minima non curat praetor*). И такъ, государство должно наказывать лишь тѣ, болѣе важныя, злыя дѣла, для наказанія которыхъ оно располагаетъ цѣлесообразными видами наказаній, для репрессіи которыхъ недостаточны средства права гражданскаго—обязанность вознагражденія за вредъ и убытки, и наказаніе которыхъ удовлетворяетъ или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ общественному мнѣнію. Карательная дѣятельность государства должна измѣняться соотвѣтственно измѣненію государственнаго устройства и управленія.

Такова теорія Гейера. Она и теперь та же самая, какой онъ держался въ своей „Исторіи философіи права“, и столь же мало даетъ отвѣтъ на вопросъ: на какомъ основаніи государство имѣетъ право наказывать преступника. Дѣйствительно, изъ словъ Гейера вовсе не видно, почему такая функція должна принадлежать именно государству, а не „всякому безпристрастному третьему лицу“. Общія разсужденія о цѣлесообразности карательныхъ средствъ и о соотвѣтствіи карательной дѣятельности правовому чувству народа, не есть логическое обоснованіе права государства наказывать. Но и самая карательная дѣятельность въ теоріи Гейера лишена юридическихъ свойствъ. Наказываются „преступленія“, т. е. нѣкоторые изъ злыхъ дѣяній, иначе безнравственныхъ дѣяній (*Uebelthat*), въ силу основнаго требованія справедливости—воздаянія (*Vergeltung*). Понятіе „преступленія“ зависитъ отъ историческихъ и культурныхъ условій; но очевидно, что понятіе справедливости и безнравственности зависитъ отъ нихъ же. Яркій примѣръ такой измѣнчивости требованій такъ называемой „справедливости“ представляетъ описанный въ

Евангеліи судъ надъ прелюбодѣйною женою (Евангеліе отъ Іоанна, гл. VIII). Гейеръ ставитъ „преступленіе“, а слѣдовательно и понятіе „наказанія“, въ зависимость отъ измѣнчиваго понятія несправедливаго, безнравственнаго или злаго дѣянія; этимъ онъ лишаетъ карательную дѣятельность государства внушительныхъ свойствъ правосудія и придаетъ ей характеръ политической мѣры. Трудно признать теорію Гейера абсолютною теоріею, каковою онъ самъ ее считаетъ.

Изложенію различныхъ теорій карательнаго права Гейеръ посвящаетъ нѣсколько интересныхъ страницъ. Онъ дѣлитъ эти теоріи на три группы: *А. теоріи охраненія*, *В. теоріи исправленія* и *С. теоріи абсолютныя* (правильнѣе было бы назвать ихъ теоріями *воздаянія*). Первая группа подраздѣляется на 4 отдѣленія: къ первому отнесена теорія утрашенія, ко второму—теорія спеціальнаго предупрежденія, къ третьему—теорія психическаго принужденія, къ четвертому — теорія защиты.

Начало теорій защиты представляютъ теоріи Романьози и Мартина (теорія, представляющая общество въ отношеніи къ преступнику въ состояніи, подобномъ состоянію необходимой обороны). Съ этимъ нельзя не согласиться, но странно, отчего Гейеръ не привелъ здѣсь современной теоріи Каррары, которой сознательно или безсознательно слѣдуетъ множество ученыхъ (ея формула: Право наказывать, въ рукахъ Всевышняго, опредѣляется одною лишь справедливостію; право наказывать, въ рукахъ человѣческихъ, оправдывается лишь потребностью *защиты*; оно принадлежитъ человѣку лишь настолько, насколько необходимо *охранять* права человѣчества).

Къ этому же отдѣленію Гейеръ относитъ теоріи *Биндинга* и *Ломброзо*, совершенно различныя въ основаніяхъ и замѣчательно сходныя въ результатахъ.

Биндингъ опредѣляетъ наказаніе слѣдующимъ образомъ: *Наказаніе есть лишеніе юридическихъ благъ, налагаемое въ силу закона юсударствомъ на преступника, какъ удовлетво-*

ренье за неоправимое нарушение послѣднимъ права, съ цѣлью охранить значеніе нарушеннаго закона. Удовлетвореніе за „неоправимое“ нарушение (irreparabler Rechtsbruch) немыслимо и, потому, вся тяжесть теоріи Биндинга лежитъ въ послѣднихъ словахъ его опредѣленія, что признаетъ и онъ самъ, говоря, что право наказывать, есть видоизмѣненное право на повиновеніе со стороны преступника (Binding: Grundriss zur Vorlesung über Gemeines Deutsches Strafrecht, изд. 1884 года, стр. 80 и 81). Но эти соображенія доказываютъ, по мнѣнію Биндинга, лишь принадлежащее государству право наказывать; обязанность наказывать возникаетъ для государства изъ того единственнаго соображенія, что оставленіе безъ наказанія нарушенія извѣстнаго велѣнія права (нормы), опасно для авторитета права. Государство наказывая нарушителей извѣстныхъ нормъ права, этимъ показываетъ, что данныя нормы представляютъ для него особенный интересъ. Поэтому наказаніе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, какъ осуществленіе государствомъ лежащей на немъ обязанности наказывать, опредѣляется иначе: *наказаніе есть выраженіе права требовать соблюденія признанныхъ государствомъ нормъ, необходимое для сохраненія авторитета нарушенныхъ законовъ*. Необходимо при этомъ, имѣть въ виду различіе нормы и закона, деликта и преступления (Verbrechen), проводимое Биндингомъ. Нормы суть велѣнія права, существующія независимо отъ облеченія ихъ въ форму закона; онѣ требуютъ своего соблюденія, хотя бы и не угрожало наказаніемъ нарушителю. Таковы десять заповѣдей. Нарушеніе нормы есть *деликтъ*. Признавая извѣстныя нормы особенно существенными, государство рѣшаетъ обложить наказаніемъ ихъ нарушителя и создаетъ уголовный законъ; въ этомъ случаѣ государство пользуется лишь правомъ наказывать, которое принадлежитъ ему въ отношеніи каждаго нарушителя нормы; но послѣ тщательно обдуманнаго законодательнаго акта, снабдившаго норму санкціею уголовного закона, право наказывать нарушение опредѣленной нормы, есть уже обязанность государства.

Противъ теоріи Биндинга Гейеръ дѣлаєть слѣдующія возраженія: 1) Биндингъ не объясняетъ, какимъ образомъ право требовать повиновенія превращается въ право наказывать; 2) съ принятіємъ теоріи, по которой наказаніе должно поддерживать авторитетъ закона, всѣ преступленія заслуживаютъ одинаковаго наказанія, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ содержится нарушеніе этого авторитета.

Съ теорією Биндинга нельзя согласиться; но возраженія также Гейера неубѣдительны.

За новою итальянскою школою (Ломброзо, Ферри, Гарофало, Краполинъ въ Германіи) Гейеръ признаєть достоинство—большую послѣдовательность. Онъ признаєть необходимымъ послѣдствіємъ признанія за преступленіємъ свойствъ явленія патологическаго—требованіе лишить судъ права опредѣлять срокъ лишенія свободы. Но его, послѣдователя Гербарта и Канта, не можетъ не шокировать прямая противоположность съ его теорією „справедливаго воздаянія“ воззрѣній Гарофало, называющаго „справедливость“ въ наказаніи—*„improprietà di linguaggio“*. Краткій перечень трудовъ представителей этого направленія въ наукѣ карательнаго права, Гейеръ оканчиваетъ замѣчаніємъ: „Криминалисты антропологи“, безъ сомнѣнія, одержали побѣду надъ ложнымъ идеализмомъ и индетерминизмомъ; работа ихъ заслуживаетъ благодарности, поскольку она старается разяснить фізіологическія или патологическія вліянія, которымъ подчиняется преступность; наклонность же къ слишкомъ поспѣшнымъ выводамъ эти ученые раздѣляютъ со многими изъ числа современныхъ естествоиспытателей.

Въ остальномъ, учебникъ Гейера для читателей иностранцевъ не представляетъ интереса. Взглядъ его на причинную связь, на преступное бездѣйствіе и на соучастіе остался прежній. Въ виду теоріи видовъ соучастія, которая у насъ представлена въ трудѣ профессора Колоколова („О соучастіи въ преступленіи, Москва, 1881), отмѣнимъ слѣдующія строки § учебника Гейера, посвященнаго этому вопросу (стр. 136):

„здѣсь, прежде всего, бросается въ глаза различіе между соучастіемъ неосторожнымъ и намѣреннымъ. Первое, очевидно, заслуживаетъ менѣе тяжкаго наказанія. Положительное право вовсе не распространяетъ на него постановленія о соучастіи. Въ техническомъ смыслѣ, соучастіемъ признается лишь умышленное содѣйствіе умышленному преступленію“.

А. Л.

ЗАМѢТКИ

НАША УГОЛОВНАЯ СТАТИСТИКА.

Недавно изданные своды статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1879 году, какъ справедливо замѣчено уже въ отзывѣхъ объ нихъ, потеряли во многомъ то значеніе для практическихъ цѣлей, какое они могли имѣть 3—4 года тому назадъ, до послѣдовавшихъ въ теченіи этого времени измѣненій въ личномъ составѣ нѣкоторыхъ судебныхъ учреждений, въ законахъ о наказаніяхъ за кражи и въ законахъ объ особенной подсудности въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, но и теперь однако можно извлечь изъ данныхъ сводовъ много очень полезныхъ указаній и сдѣлать много весьма интересныхъ и поучительныхъ заключеній.

Въ виду этого обилія собраннаго въ сводахъ матеріала, многотрудной обработки его и вообще значенія статистическаго метода изслѣдованія явленій уголовного характера—указаніе слабыхъ сторонъ сводовъ составляетъ, до извѣстной степени, обязанность юристовъ-практиковъ, которую мы и желаемъ исполнить, насколько намъ время и предѣлы журнальной статьи позволяютъ.

Первымъ, довольно ощутительнымъ недостаткомъ сводовъ представляется отсутствіе въ нихъ свѣдѣній о численномъ составѣ окружныхъ судовъ, вслѣдствіе чего изображаемая сводами картина дѣятельности судовъ лишена настоящаго освѣщенія. Тогда какъ составъ судебныхъ палатъ, судебныхъ слѣдователей и прокуратуры указанъ: первыхъ—въ особой вѣдомости, а послѣднихъ, кромѣ того, и въ таблицахъ, представляющихъ ихъ дѣятельность, о составѣ окружныхъ судовъ въ сводахъ нѣтъ въ сущности свѣдѣній, такъ

какъ общее указаніе числа товарищей предсѣдателей и членовъ въ уголовныхъ отдѣленіяхъ судовъ, въ округѣ каждой судебной палаты, не разрѣшаетъ вопроса о томъ, сколько уголовныхъ отдѣленій въ каждомъ судѣ и сколько въ этихъ отдѣленіяхъ судей, а безъ этого, конечно, не можетъ быть и рѣчи о выраженіи процентною величиною отношенія степени напряженности труда дѣателей извѣстнаго суда, къ средней дѣятельности тѣхъ же органовъ вообще или въ другомъ какомъ либо судѣ. Такъ, напримѣръ, изъ общаго свода видно, что въ 1879 году въ округѣ Екатеринбургскаго суда производилось 8683 дѣла, а въ округѣ Московскаго суда 8526 дѣлъ. Въ таблицахъ о дѣятельности судебныхъ слѣдователей и прокурорскаго надзора указано, что въ округѣ Московскаго суда 40 судебныхъ слѣдователей и 23 лица прокурорскаго надзора, а въ округѣ Екатеринбургскаго суда—22 судебныхъ слѣдователя и 7 лицъ прокурорскаго надзора. Эти цифры позволяютъ довольно точно опредѣлить отношеніе степени обремененія тѣхъ и другихъ лицъ, и естественно возбуждаютъ вопросъ, сколько же судей уголовныхъ отдѣленій въ томъ и другомъ судѣ, но на этотъ вопросъ въ сводѣ нѣтъ отвѣта, а слѣдовательно нѣтъ и объясненія, почему Екатеринбургскій судъ окончилъ лишь 2386 дѣлъ въ 1879 году, тогда какъ Московскій судъ успѣлъ въ этомъ году окончить 3534 дѣла. Свѣдѣнія о численности составовъ уголовныхъ отдѣленій судовъ тѣмъ необходимѣе въ сводахъ, что даже справляясь съ штатами судебныхъ установленій, нельзя опредѣлить персоналъ уголовныхъ отдѣленій каждаго суда, такъ какъ независимо отъ измѣненій въ штатахъ, прослѣдить которые довольно трудно, въ нихъ нѣтъ указаній на число уголовныхъ и гражданскихъ отдѣленій и членовъ; помѣщеніе же въ сводѣ этихъ свѣдѣній, съ указаніемъ даже числа секретарей уголовныхъ отдѣленій, ихъ помощниковъ, кандидатовъ на судебныя должности, присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, и помощниковъ первыхъ изъ нихъ, едва ли затруднило бы составителей сводовъ, ибо всѣ эти свѣдѣнія могли бы быть доставляемы предсѣдателями судовъ по окончаніи отчетнаго года. Въ сводѣ, эти свѣдѣнія, со включеніемъ данныхъ о частныхъ повѣренныхъ при сѣздахъ, которые, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весьма часто являются защитниками по уголовнымъ дѣламъ въ судахъ, заняли бы не болѣе двухъ страницъ, но пролили бы новый свѣтъ на интенсивность дѣятельности судовъ и изобразили бы численно весь контингентъ

лицъ, посвящающихъ свой трудъ, вполне или отчасти, уголовнымъ дѣламъ общихъ судебныхъ мѣстъ; повторяясь же изъ года въ годъ, данныя эти дали бы весьма интересный очеркъ измѣненія численнаго состава судебного персонала, указали бы приливъ или убыль свѣжихъ силъ въ лицѣ кандидатуры, возрастаніе или отливъ этихъ силъ въ извѣстныхъ округахъ, увеличеніе или уменьшеніе въ извѣстной мѣстности легкости пользованія защитой, и позволили бы при оцѣнкѣ дѣятельности судебныхъ учреждений принимать въ соображеніе сотрудничество кандидатуры. Въ настоящее время даже само министерство юстиціи едва ли можетъ, безъ извѣстныхъ затрудненій, опредѣлить, сколько въ какомъ году состояло кандидатовъ на судебныя должности и присяжныхъ повѣренныхъ въ округѣ каждой палаты или суда; между тѣмъ, если бы свѣдѣнія объ этомъ печатались въ сводахъ, то распредѣленіе и колебанія числа кандидатовъ, присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, и помощниковъ первыхъ изъ нихъ, представили бы весьма цѣнный матеріалъ для соображеній о томъ, не повліяло ли учрежденіе частныхъ повѣренныхъ на развитіе института присяжныхъ повѣренныхъ и для уясненія многихъ другихъ вопросовъ. Кромѣ того, упомянутыя свѣдѣнія могли бы, какъ для молодыхъ юристовъ, желающихъ посвятить себя судебной профессіи, такъ и для самого министерства юстиціи, служить указаніемъ, какой округъ болѣе нуждается въ приливѣ свѣжихъ силъ.

Не менѣе ощутительнымъ недостаткомъ сводовъ представляется отсутствіе въ нихъ свѣдѣній по округу Тифлисской судебной палаты и отступленія отъ принятой для другихъ округовъ системы обработки данныхъ, относящихся къ округу Варшавской судебной палаты, помѣщенныхъ въ особомъ сводѣ, отдѣльное изданіе котораго мотивируется особенностями судоустройства и судопроизводства въ этомъ округѣ. Дѣйствительно, до майскаго закона 1882 г. подсудность въ Варшавскомъ округѣ столь рѣзко отличалась отъ подсудности въ другихъ округахъ, что соединеніе данныхъ по этому округу съ данными остальныхъ округовъ и совмѣстная обработка ихъ принесли бы лишь вредъ дѣлу, препятствуя правильной оцѣнкѣ матеріала, собраннаго при крайне разнообразныхъ условіяхъ. Даже послѣ измѣненія законовъ о подсудности въ Варшавскомъ округѣ, послѣдній, какъ и Тифлискій округъ, представляетъ столько мѣстныхъ особенностей, что общая разработка свѣдѣній по этимъ и по остальнымъ округамъ весьма часто вела бы къ оши-

бочности выводовъ, но статистическія данныя по Тифлисскому округу могутъ быть собраны въ особомъ сводѣ, какъ собраны данныя по Варшавскому округу, а затѣмъ тѣ и другія должны быть сгруппированы и, въ извѣстной мѣрѣ, обработаны по той самой системѣ, которая принята для другихъ округовъ, чтобы облегчить сопоставленіе этихъ данныхъ и выводовъ изъ нихъ съ данными общаго свода, не только въполнѣ возможное, но во многихъ отношеніяхъ едва ли не необходимое, хотя бы для оцѣнки особенностей, обусловливаемыхъ вліяніемъ особенныхъ законовъ судостроительства и судопроизводства. Правда, таблицы свода статистическихъ свѣдѣній по Варшавскому округу составлены по образцу таблицъ общаго свода, но есть и отступленія, неоправдываемыя какими либо мѣстными особенностями и въ тоже время нѣтъ такихъ отступленій отъ общихъ приѣмовъ распредѣленія матеріала, которыя вызываются мѣстными особенностями. Такъ, въ спеціальному сводѣ Варшавскаго округа не только не опредѣлены, за ничтожными исключеніями, процентныя отношенія, которыя можно было бы сопоставлять, если не съ величинами общаго свода, то между собою, но и исчисленіе этихъ отношеній нерѣдко затруднено отсутствіемъ итоговъ и оглавленія, которое облегчило бы отысканіе нужной таблицы. Подтвержденіемъ этого можетъ служить таблица XXVI, въ которой указано число осужденныхъ, содержавшихся подъ стражею: до 7 дней, до 1 мѣсяца, до 3 мѣс., до 6 мѣс., до 1 года, до 2 лѣтъ, до 3 лѣтъ и болѣе 3 лѣтъ, но не указано общее число осужденныхъ, содержавшихся подъ стражею, какъ это сдѣлано въ общемъ сводѣ. Еще болѣе рѣзкое отступленіе отъ приѣмовъ общаго свода заключается въ томъ, что тогда какъ въ послѣднемъ продолжительность производства въ окружныхъ судахъ дѣлъ, рассмотрѣнныхъ въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, и дѣлъ, рассмотрѣнныхъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, показана отдѣльно, въ спеціальному сводѣ это существенное отграниченіе не соблюдено и обѣ категоріи дѣлъ соединены въ одну. Подобное отступленіе находится и въ таблицѣ о дѣятельности прокурорскаго надзора; въ общемъ сводѣ, число дѣлъ, направленныхъ по 277 ст. уст. уг. суд., показано особо, въ спеціальному же сводѣ эти дѣла соединены съ дѣлами, по которымъ составлены заключенія о прекращеніи, какъ будто между первыми и послѣдними нѣтъ значительнаго различія. Съ другой стороны, особая подсудность въ Варшавскомъ округѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ дѣлъ окружнымъ судамъ, въ сводѣ нѣтъ не отмѣнена.

Все это, конечно, затрудняет сопоставленіе данныхъ обоихъ сводовъ, но не препятствуетъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго, сравненію нѣкоторыхъ однородныхъ величинъ, важному для оцѣнки особенностей Варшавскаго округа.

Въ 6 судебныхъ округахъ Имперіи въ 1879 году возникло всего 99304 дѣла, 7060 переписокъ по 309 ст. уст. угол. суд. и осталось отъ 1878 года 56623 дѣла, всего же было въ производствѣ 162987 дѣлъ и изъ этого числа окончено 96873 дѣла, т. е. по отношенію къ количеству всѣхъ дѣлъ окончено 58%, а по отношенію къ числу возникшихъ — 97%.

Въ Варшавскомъ округѣ возникло всего 30119 дѣлъ, 3459 переписокъ по 309 ст. уст. угол. суд. и осталось отъ 1878 года 30421 дѣло, а всего было въ производствѣ 63999 дѣлъ, изъ коихъ окончено 28262, т. е. 44% всѣхъ дѣлъ или 93% возникшихъ.

Въ этихъ цифрахъ, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе крайне неблагоприятное отношеніе въ Варшавскомъ округѣ числа оставшихся дѣлъ къ числу возникшихъ; засимъ прогрессіа возрастанія, накопленія и, наконецъ, отношеніе суммы переписокъ по 309 ст. уст. угол. суд. къ суммѣ всѣхъ возникшихъ дѣлъ: тогда какъ въ имперіи она составляла не болѣе 14 части всѣхъ возникшихъ дѣлъ, въ Варшавскомъ округѣ она достигала 8 части всего, даже и безотносительно, громаднаго поступленія, указывая на большую неопытность полиціи въ направленіи дознаній.

Въ округахъ имперіи изъ всего числа подсудимыхъ — 42153, дѣла о коихъ разсмотрѣны окружными судами съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и безъ ихъ участія, осуждено 27636 лицъ или 66%, а оправдано 14517 или 34% (ч 2 стр. 20), въ Варшавскомъ же округѣ изъ 8931 подсудимаго — осуждено судами и палатою 5946 лицъ т. е. 66,6%, а оправдано всего 2985 лицъ т. е. 33,4% (стр. 40—54).

Эта разница въ строгости суда исключительно короннаго и суда по преимуществу общественнаго, составляющая всего 0,6%, т. е. величину, при которой число осужденныхъ въ цѣломъ Варшавскомъ округѣ уменьшилось бы на 50—54 лица, служить самымъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ всѣхъ возгласовъ объ особенной склонности присяжныхъ къ оправданію виновныхъ. Если же сопоставить колебанія числа осужденныхъ и оправданныхъ въ судебныхъ округахъ имперіи, съ такими же колебаніями въ судахъ Варшавскаго округа, то также нельзя не замѣтить, что юстиція по-

слѣднаго отнюдь не представляет болѣе устойчивости. Такъ, отношеніе числа оправданныхъ, къ общему числу подсудимыхъ, въ судебныхныхъ округахъ имперіи, представляется въ слѣдующемъ видѣ (ч. 1 ст. 35):

по округу Московской судебной палаты изъ 100 подсудимыхъ	оправдано 31 лицо
по округу Казанской с. п.	34
по округу Саратовской с. п.	35
по округу Харьковской с. п.	35
по округу С.-Петербургской с. п.	37
по округу Одесской с. п.	42

Въ Варшавскомъ же округѣ изъ 100 подсудимыхъ, дѣла о коихъ рассмотрѣны окружными судами, оправдано:

Ломжинскимъ судомъ (стр. 8 и 9)	18 лицъ (108 изъ 598)
Калишскимъ	24 (221 — 907)
Радомскимъ	26 (295 — 1111)
Петроковскимъ	28 (236 — 794)
Варшавскимъ	28 (548 — 1958)
Плоцкимъ	31 (330 — 1048)
Сѣдлецкимъ	33 (207 — 580)
Люблинскимъ	33 (302 — 902)
Сувалескимъ	35 (287 — 772)
Кѣлецкимъ	37 (442 — 1195)

Засимъ, на 100 осужденныхъ общими судебными мѣстами приговорено:

въ Варшавскомъ округѣ	въ другихъ окр.
къ наказаніямъ уголовнымъ (стр. 56—57)	4 (стр. 37) 12
къ наказаніямъ, соединеннымъ съ ограни- ченіемъ правъ состоянія	30 37
къ заключенію въ рабочемъ и смирит. домахъ и тюрьмѣ, безъ ограниченія правъ	29 22
къ аресту и болѣе легкимъ наказаніямъ	37 29

Такимъ образомъ, число осужденныхъ за болѣе важныя преступленія въ Варшавскомъ округѣ едва превышало $\frac{1}{3}$ всего количества осужденныхъ, въ другихъ же округахъ оно достигло почти половины.

Если бы подсудность въ Варшавскомъ округѣ была та же, что и въ другихъ округахъ, то приведенныя отношенія числа лицъ,

присужденныхъ къ разнымъ наказаніямъ, могли бы служить основаніемъ къ заключенію, что въ Варшавскомъ округѣ совершается гораздо менѣе тяжкихъ преступленій, чѣмъ во всѣхъ другихъ округахъ, и несравненно болѣе незначительныхъ правонарушеній. Но при особыхъ условіяхъ подсудности, подчинившей вѣдѣнію окружныхъ судовъ дѣла о простыхъ кражахъ, мошенничествахъ и при своеніяхъ на сумму свыше 30 рублей, объ оскорбленіяхъ въ публичныхъ мѣстахъ, о неисполненіи требованій полиціи, о самоуправствѣ и т. п. проступкахъ, такого заключенія нельзя сдѣлать. Къ болѣе вѣрнымъ выводамъ можетъ привести вычисленіе, на какое число жителей обоого пола приходится одинъ осужденный каждой группы; вычисленіе же это, сдѣланное по даннымъ, находящимся въ сводахъ, показываетъ, что одинъ осужденный приходится:

въ Варшавскомъ округѣ	въ другихъ округахъ
первой группы на 29150 жителей	на 14350
второй группы на 3886 —	на 4654
третьей группы на 4020 —	на 7486
четвертой группы на 3150 —	на 6150

На основаніи этихъ данныхъ можно признать достовернымъ фактъ, выясненный уже и другимъ путемъ, что наиболѣе тяжкихъ преступленій въ Варшавскомъ округѣ совершается, сравнительно съ числомъ народонаселенія, вдвое менѣе, чѣмъ въ остальныхъ округахъ; что же касается преступленій, влекущихъ за собою ограниченіе правъ, то быть можетъ на относительное увеличеніе числа осужденныхъ за эти преступленія повліяло то обстоятельство, что суды Варшавскаго округа, не имѣя возможности разсматривать дѣла по очереди поступленія ихъ, преимущественно разсматривали болѣе важныя дѣла отчетнаго и предъидущихъ лѣтъ. Наконецъ, отношеніе числа лицъ, присужденныхъ въ Варшавскомъ округѣ къ наказаніямъ безъ лишенія правъ, къ общему числу населенія, безъ сомнѣнія, оттого несравненно больше, чѣмъ въ другихъ округахъ, что въ послѣднихъ подлежатъ вѣдѣнію мировыхъ и сельскихъ судовъ и ускользаютъ отъ статистическаго контроля многіе проступки, которые въ Варшавскомъ округѣ подлежали въ 1879 году вѣдѣнію окружныхъ судовъ и отчасти были ими разсмотрѣны въ этомъ году.

Обращаясь къ вопросу о строгости мѣръ пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія, мы находимъ, что изъ общаго числа осужденныхъ въ судебныхъ округахъ имперіи, 27636 лицъ, содержалось подъ стражею 11618, т. е. 42%, а изъ 14517 лицъ оправданныхъ, подъ стражею содержалось 2427 лицъ, т. е. 16%, изъ всего же числа подсудимыхъ—42153, было подъ стражею 13045 или 32% (ч. 2 ст. 163—169 и 20—23). Въ Варшавскомъ округѣ изъ 5946 осужденныхъ содержалось подъ стражею 2240 лицъ или 37,7%, а изъ 2985 лицъ оправданныхъ, подъ стражею содержалось 330 лицъ или 11%, изъ всего же числа подсудимыхъ—8931, подъ стражею было 2570 лицъ или 26,5% (стр. 8—9 и 157).

Эти цифры, при сопоставленіи ихъ съ распредѣленіемъ осужденныхъ на группы, указывающимъ, что осужденные за болѣе важныя преступленія составляли въ Варшавскомъ округѣ лишь около $\frac{1}{3}$ всего числа осужденныхъ, приводятъ къ заключенію, что въ этомъ округѣ мѣра личнаго задержанія примѣнялась гораздо шире, чѣмъ въ другихъ судебныхъ округахъ, такъ какъ въ послѣднихъ, на 49 лицъ, приговоренныхъ къ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, приходилось 32 лица, содержащихся подъ стражею, т. е. 65%, въ Варшавскомъ же округѣ на 34 лица, приговоренныхъ къ такимъ же наказаніямъ, подъ стражею содержалось 26 лицъ или 78%.

Большая репрессія въ Варшавскомъ округѣ оказалась также въ признаніи смягчающихъ обстоятельствъ и уменьшеніи наказанія: въ судебныхъ округахъ имперіи наказаніе смягчено 8626 осужденнымъ, т. е. 31%, а въ Варшавскомъ округѣ наказаніе уменьшено лишь 1215 осужденныхъ, т. е. 20% (общ. св. ч. 2 ст. 20; особ. св. стр. 56).

Въ составѣ осужденныхъ въ Варшавскомъ округѣ, несовершеннолѣтнихъ немного болѣе, рецидивистовъ значительно менѣе, а женщинъ почти вдвое болѣе, чѣмъ въ другихъ округахъ, а именно: несовершеннолѣтнихъ 18% (1079 лицъ), рецидивистовъ 17% (1042 лица), а женщинъ 16% (949 лицъ), тогда какъ въ другихъ округахъ несовершеннолѣтнихъ 16% (4506 лицъ), рецидивистовъ 23% (6388 лицъ), а женщинъ лишь 9% (2497 лицъ).

Изъ числа рецидивистовъ, въ имперіи приговорено къ исправительнымъ наказаніямъ 83% (5327 лицъ), а къ уголовнымъ 17% (1061 лицо); въ Варшавскомъ же округѣ къ исправительнымъ на-

казаніямъ приговорено 91% (954 лица), а къ уголовнымъ всего только 9% (88 лицъ).

Переходи, засимъ, отъ свѣдѣній объ осужденныхъ къ даннымъ о дѣятельности судебныхъ органовъ, мы прежде всего видимъ, что на округъ каждаго изъ 51 судовъ имперіи приходилось среднимъ числомъ 3196 лицъ, въ Варшавскомъ же округѣ среднее число дѣлъ на округъ каждаго изъ 10 судовъ достигло средней величины 6400 дѣлъ.

Въ имперіи, въ округѣ каждаго суда окончено среднимъ числомъ 1899 дѣлъ (включая и дознанія по 309 ст. ус. уг. суд.) въ Варшавскомъ же округѣ въ районѣ каждаго суда окончено среднимъ числомъ 2826 дѣлъ.

У всѣхъ 844 судебныхъ слѣдователей имперіи осталось къ 1879 году неоконченныхъ дѣлъ 21173, т. е. среднимъ числомъ по 25 дѣлъ у каждаго, возникло сред. ч. по 117 дѣлъ у каждаго и окончено сред. ч. по 115 дѣлъ каждымъ; въ Варшавскомъ же округѣ осталось у всѣхъ 117 судебныхъ слѣдователей 11525 дѣлъ, т. е. по 98 дѣлъ на каждаго, возникло сред. ч. у каждаго по 234 дѣла и окончено сред. числомъ 241 дѣло каждымъ.

377 лицъ прокурорскаго надзора окружныхъ судовъ имперіи разсмотрѣли всего 84638 дѣлъ, а сред. чис. каждымъ разсмотрѣно 288 дѣлъ и у каждаго осталось неразсмотрѣнныхъ дѣлъ среднимъ числомъ 22 (ч 1 ст. 12—15), въ Варшавскомъ же округѣ 63 лица прокуратуры окружныхъ судовъ разсмотрѣли 26865 дѣлъ, а среднимъ числомъ каждое лицо 414 дѣлъ и у каждаго осталось сред. числомъ 70 дѣлъ неразсмотрѣнныхъ (стр. 6).

Изъ числа разсмотрѣнныхъ дѣлъ направлено: ¹⁾

въ Варшавскомъ округѣ		въ другихъ округахъ
по 277 ст. уст. угол. суд.	{	37906
съ заключеніями въ судъ		2525
по 511 ст. уст. угол. суд. въ судъ		1301
съ обвин. актами въ судъ		6565
по 511 ст. уст. угол. суд. въ палату		928
съ обвин. актами въ палату		19999
съ заключеніями въ палату		15414
всего		84638

¹⁾ По таблицамъ № III.

Въ процентныхъ отношеніяхъ направленіе дѣлъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	въ Варшавскомъ округѣ	въ другихъ округ.
по 277 ст. уст. угол. суд.	44,0	44,7
съ заключеніями въ судъ		3,0
по 511 ст. въ судъ	18,7	1,6
по 511 ст. уст. уг. суд. въ палату	0,5	1,0
съ обвин. актами въ судъ	11,0	7,7
съ обвин. актами въ палату	16,0	23,6
съ заключеніями въ палату	9,7	18,3

Изъ этого видно, что прокуратурою судебныхъ округовъ имперіи направлено въ судебныя палаты около 43% всѣхъ дѣлъ, а прокуратурою Варшавскаго округа только 26%, что на 100 направленныхъ дѣлъ составлены обвинительные акты въ имперіи по 31 дѣлу, а въ Варшавскомъ округѣ лишь по 27 дѣламъ, но изъ 100 дѣлъ, производимыхъ въ общемъ порядкѣ, въ имперіи составлены обвинительные акты по 32 дѣламъ, а въ Варшавскомъ округѣ по 34 дѣламъ. на каждые же 100 дѣлъ, направленныхъ прокуратурою судовъ въ обвинительныя камеры, дѣлъ съ обвинительными актами было: въ имперіи 56, а въ Варшавскомъ округѣ 64.

Эта послѣдняя цифра несомнѣнно свидѣтельствуетъ о болѣе обвинительномъ направленіи прокуратуры Варшавскаго округа, объясняемомъ отсутствіемъ регулирующаго вліянія института присяжныхъ.

Засимъ, сопоставленіе свѣдѣній о дѣятельности окружныхъ судовъ Варшавскаго и остальныхъ округовъ выражается слѣдующими данными ¹⁾:

	въ Варшавскомъ округѣ	въ другихъ округ.
прекращено въ распорядит. засѣд.		
сред. числомъ каждымъ судомъ	1463 дѣла	756 дѣлъ
приостановлено, измѣнена подсудность и прекращено въ суд. засѣд	76 —	44 —
разрѣшено дѣлъ съ участіемъ прис. засѣдателей	—	400 —
— — безъ участія прис. засѣдателей	605 —	134 —
всего рассмотрѣно	2144 дѣла	1334 дѣла

¹⁾ По таблицамъ № V.

Такимъ образомъ, въ судебныхъ засѣданіяхъ, судами Варшавскаго округа разсмотрѣно только 29% всѣхъ оконченныхъ производствомъ дѣлъ, судами же остальныхъ округовъ разсмотрѣно 40%, всѣхъ дѣлъ.

Въ отношеніи числа свидѣтелей, вызванныхъ въ судебныя засѣданія, данныя по Варшавскому округу почти тождественны съ данными другихъ округовъ: въ первомъ, на каждое дѣло, разсмотрѣнное въ судебномъ засѣданіи, было вызвано судомъ сред. числомъ 5,5 свидѣтелей, а въ послѣднихъ—5,6 свидѣтелей; что же касается вызова свидѣющихъ людей, то въ Варшавскомъ округѣ одно дѣло съ экспертомъ приходится на каждыя 17 рѣшенныхъ дѣлъ, а въ остальныхъ округахъ одно дѣло на каждыя 10 дѣлъ ¹⁾).

Цифры, изображающія дѣятельность обвинительной камеры Варшавской судебной палаты, немногимъ отличаются отъ цифръ, представляющихъ дѣятельность другихъ обвинительныхъ камеръ: въ каждую изъ послѣднихъ въ 1879 году поступило сред. ч. 5677 дѣлъ, окончено сред. ч. каждою 5468 дѣлъ, обвиняемыхъ по этимъ дѣламъ было сред. ч. 9326, по разсмотрѣннымъ дѣламъ состоялось опредѣленій о преданіи суду 54%, а о прекращеніи слѣдствій 46% и 6,4% заключеній и обвинительныхъ актовъ измѣнено камерами (таблица № IV стр. 16). Въ обвинительную камеру Варшавской судебной палаты вступило 6194 дѣла, окончено 6161 дѣло, обвиняемыхъ по этимъ дѣламъ было 11215 лицъ, постановлено камерою опредѣленій о преданіи суду 60%, а о прекращеніи слѣдствій 40% и измѣнено 5,9% обвинительныхъ актовъ и заключеній (таблица № IV ст. 6).

Эти цифры опять таки указываютъ, что хотя шансы преданія суду обвинительною камерою Варшавской палаты въ 1879 году были на 6% болѣе средней нормы вѣроятности преданія суду остальными обвинительными камерами и хотя Варшавская обвинительная камера, среднимъ числомъ, измѣняла менѣе заключеній прокуратуры, чѣмъ остальныя камеры, но она въ большей мѣрѣ, чѣмъ послѣднія, сдерживала обвинительное направленіе прокуратуры, замѣною обвинительныхъ актовъ опредѣленіями о прекращеніи слѣдствій, такъ какъ она постановляла опредѣленій о преданіи суду на 4% менѣе числа предложенныхъ ей обвинительныхъ

¹⁾ Тамъ же.

актовъ, тогда какъ другія камеры постановляли только на 2% менѣе.

Весьма характерныя особенности выясняетъ сопоставленіе данныхъ о количествѣ дѣлъ по роду преступленій и процентное отношеніе дѣлъ каждаго рода къ общему числу дѣлъ, находившихся въ 1879 г. въ производствѣ Варшавской и остальныхъ обвинительныхъ камеръ, какъ видно изъ общей вѣдомости о движеніи дѣлъ (об. св. стр. 140 ч. 1, ос. св. стр. 36).

преступленія:	въ Варшавскомъ округѣ; въ другихъ округахъ.			
	общее число дѣлъ	%	общее число дѣлъ	%
кража	4128	58,00	20336	57,00
противъ порядка управленія	870	11,94	255	0,71
насильственное похищеніе имущества	465	6,38	3962	11,00
убійство	257	3,54	1704	4,80
противъ тѣлесной неприкосновенности	250	3,44	1827	5,10
истребленіе имущества	249	3,40	2318	6,80
оскорбленіе чести	134	1,85	401	1,10
противъ женской чести	115	1,50	1048	2,90
противъ общественной безопасности	103	1,40	554	1,50
подлогъ въ актахъ	98	1,30	315	0,85
мошенничество	76	1,04	350	1,00
нарушенія уставовъ казенныхъ управленій	74	1,01	39	0,10
поддѣлка монеты	58	0,79	145	0,40
служебныя преступленія	47	0,64	175	0,49
противъ союза брачнаго и родственнаго	44	0,60	399	1,10
присвоеніе и растрата	36	0,50	420	1,18
		<u>97,33%</u>		<u>96,03%</u>

Засимъ, по каждому роду непоименованныхъ выше преступленій, число дѣлъ въ Варшавскомъ округѣ не превышаетъ $\frac{1}{2}\%$ всего количества дѣлъ, находившихся въ разсмотрѣніи обвинительной камеры. Эти данныя подтверждаютъ выводъ, сдѣланный уже изъ

отношенія числа осужденныхъ разныхъ категорій, къ общему числу населенія, а именно, что процентъ наиболѣе тяжкихъ преступленій въ Варшавскомъ округѣ значительно ниже, за то преступленій противъ порядка управленія и казенныхъ уставовъ почти въ 11 разъ больше. Конечно, перваго рода дѣла и не могли быть въ обвинительныхъ камерахъ имперіи въ полномъ количествѣ, въ силу закона 9 мая 1878 года, изъявшаго ихъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей, но изъ таблицы о дѣлахъ, рассмотрѣнныхъ въ судебныхъ палатахъ въ качествѣ 1-й инстанціи и въ верховномъ уголовномъ судѣ (стр. 144 ч. 1) видно, что всѣхъ дѣлъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія, въ 1879 году предложено было на рассмотрѣніе палатъ и верховнаго суда 990 и изъ нихъ съ обвинительными актами 352, т. е. 36%, а съ заключеніями 64%, въ отношеніи же суммы всѣхъ дѣлъ, производившихся въ обвинительныхъ камерахъ имперіи, дѣла эти составляли лишь 2,5% (990 на 35615) и, слѣдовательно, въ Варшавскомъ округѣ процентъ дѣлъ этого рода слишкомъ втрое больше, а строгость преданія суду по этимъ дѣламъ въ Варшавскомъ округѣ почти вдвое сильнѣе, чѣмъ въ Имперіи, ибо на 717 всѣхъ дѣлъ, рассмотрѣнныхъ обвинительною камерою, по 510 послѣдовало преданіе суду т. е. по 71%, тогда какъ въ имперіи лишь 36% дѣлъ направлено съ обвинительными актами и Варшавская обвинительная камера вообще постановила только 60% опредѣленій о преданіи суду. Впрочемъ, этотъ высокій процентъ опредѣленій о преданіи суду и самая многочисленность дѣлъ о преступленіяхъ этого рода въ Варшавскомъ округѣ, главнымъ образомъ зависятъ отъ того, что къ числу должностныхъ лицъ, оскорбленіе которыхъ подвергается отвѣтственности по 285 и 286 ст. уложенія, въ Варшавскомъ округѣ отнесены оскорбленія полицейскихъ служителей, именуемыхъ земскими стражниками.

Если численно особенности Варшавскаго округа выразились въ дѣятельности судебныхъ слѣдователей и прокурорскаго надзора удвоенными пропорціями, то въ дѣятельности Варшавской судебной палаты, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, пропорціи эти еще утроились; тогда какъ въ шести палатахъ имперіи къ 1879 году осталось апелляціонныхъ дѣлъ всего 510, вступило 429, а окончено 653 дѣла или среднимъ числомъ по 108 дѣлъ каждою, въ Варшавской же палатѣ оставалось 2360 дѣлъ, вступило 853 дѣла и окончено 692 дѣла (таблица VI стр. 8).

Совершенно противоположное явление представляет дѣятельность уголовного кассационнаго департамента сената въ имперіи. На округъ каждой судебной палаты осталось въ сенатѣ неразсмотрѣнныхъ дѣлъ сред. ч. 97, вступило сред. ч. 216 дѣлъ, рассмотрѣно сред. ч. 258 дѣлъ и кассировано средн. числомъ 34 приговора окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ (таблица VII стр. 28); по Варшавскому же округу въ сенатѣ оставалось къ 1879 году всего лишь 19 неразсмотрѣнныхъ дѣлъ, поступило въ теченіи года 21 дѣло, рассмотрѣно 28 дѣлъ и кассировало только 5 приговоровъ (таблица VII стр. 10). Поразительная незначительность этихъ цифръ несомнѣнно указываетъ на то, что рассмотрѣніе дѣлъ по существу, въ двухъ инстанціяхъ, въ высшей степени ограничиваетъ дѣятельность кассационнаго суда.

Наконецъ, сопоставленіе данныхъ относительно продолжительности производства во всѣхъ инстанціяхъ дѣлъ, оконченныхъ въ 1879 году и оставшихся въ производствѣ, обнаруживаетъ предвидѣнный изъ вышеизложеннаго результатъ: гораздо большую медленность движенія дѣлъ въ Варшавскомъ округѣ.

Такъ, оконченныя въ 1879 году дѣла производились ¹⁾:

въ Варшавскомъ округѣ	въ другихъ округахъ
менѣе 1 мѣсяца	
1699 дѣлъ или 6%	10465 дѣлъ или 10%
отъ 1 до 6 мѣсяцевъ	
11721 — — 47%	52261 — — 54%
отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года	
8005 — — 28%	18764 — — 19%
болѣе 1 года	
5837 — — 19%	15383 — — 17%

Неоконченныя же въ 1879 году дѣла находились до 1 января 1880 г. въ производствѣ:

въ Варшавскомъ округѣ	въ другихъ округахъ
менѣе 1 мѣсяца	
2318 дѣлъ или 7%	6932 дѣла или 12%
отъ 1 до 6 мѣсяцевъ	
9982 — — 31%	23818 — — 43%
отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года	
5422 — — 17%	11360 — — 20%
болѣе 1 года	
14334 — — 45%	12620 — — 25%

¹⁾ По общимъ вѣдомостямъ ст. 140 и 146.

Продолжая сопоставленіе данныхъ обоихъ сводовъ, можно бы выяснитъ сравнительную быстроту или медленность движенія дѣлъ въ отдѣльныхъ судебныхъ инстанціяхъ, сравнительную степень репрессіи по извѣстнаго рода преступленіямъ и много другихъ весьма существенныхъ вопросовъ, но и приведенныя выше цифры, кажется, достаточно доказываютъ, что несмотря на всѣ особенности судоустройства и судопроизводства въ Варшавскомъ округѣ, есть цѣлая серія данныхъ по этому округу, которыя можно и даже слѣдуетъ сопоставлять съ данными по остальнымъ округамъ.

Засимъ, возвращаясь къ дальнѣйшей оцѣнкѣ сводовъ, нельзя не указать на излишнюю мелочность и велерѣчивость ихъ въ однихъ и полное молчаніе въ другихъ отношеніяхъ: такъ, своды, не довольствуясь указаніемъ отношеній осужденныхъ къ потерпѣвшимъ въ особыхъ таблицахъ, въ которыхъ перечислены всѣ роды и нѣкоторые виды преступленій (таблицы № XIV), выдѣляютъ еще въ особыя группы нѣкоторые преступленія, совершенныя противъ родителей, супруговъ и родственниковъ, и притомъ выдѣляютъ такимъ образомъ, что возникаетъ недоумѣніе, къ какой группѣ отнесены тѣ или другія преступленія; напримѣръ, 88 группу составляетъ убійство родителей, 90—убійство супруговъ и родственниковъ, 92—стравленіе, 106—тѣлесныя поврежденія родственниковъ, 107—смертельныя поврежденія и 108—тѣлесныя поврежденія вообще. Естественно возникаетъ вопросъ, къ какимъ группамъ отнесены убійства родителей, супруговъ и родственниковъ посредствомъ отравленія и смертельныя тѣлесныя поврежденія ихъ.—Вообще распредѣленіе сводами преступленій на группы, весьма и во многихъ отношеніяхъ важное, представляется очень неудачнымъ: рядомъ съ крайнимъ дробленіемъ родовъ и видовъ преступленій, попадаются ничѣмъ необъяснимыя обобщенія. Служебныя преступленія, напримѣръ, составляютъ 22 группы (21—26, 28—35, 48, 50, 52, 65, 72, 76, 81 и 87); убійство—16 группъ (87—102), кражи 6 группъ (140—145); покушеніе на кражи со взломомъ составляетъ особую группу, тогда какъ покушеніе на другія кражи и грабежъ безъ насилія не имѣютъ особаго подраздѣленія и въ одну группу соединены такія разнородныя преступленія, какъ растрата должностными лицами ввѣреннаго имъ имущества и нерадѣніе о сохраненіи его, причиненіе должностнымъ лицамъ истязаній и нанесеніе имъ обидъ, преступленія по службѣ межевой и слѣдственно-судебной и т. п.

Далѣ, при существованіи таблицъ, распредѣляющихъ осужденныхъ: а) по роду преступленій и мѣсту судимости (таб. № III), б) по роду преступленій и по губерніямъ (въ которыхъ осужденные родились — таб. № IV), в) по роду преступленій, званію и мѣсторожденію (таб. № XVII) и г) по званію, мѣсторожденію и мѣсту судимости (таб. № XVIII), едва-ли можетъ быть нужна еще для цѣлей уголовной статистики таблица распредѣленія осужденныхъ по мѣсту судимости и по губерніямъ (таб. № V).

Такая же мелочность, а отчасти и неточность подраздѣленій, какою страдаетъ таблица, рапредѣляющая осужденныхъ на группы „по роду преступленій“ (стр. 4 ч. 2), усматривается и въ таблицѣ № XII о занятіяхъ осужденныхъ, а также въ таблицахъ XVII и XVIII о званіи осужденныхъ. Четыре группы для сельскаго хозяйства—это или много, или мало; относить ростовщиковъ или содержателей банкирскихъ конторъ и ссудныхъ кассъ, къ числу лицъ, неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій и живущихъ доходами съ капитала, какъ это, надо думать, сдѣлано въ сводѣ,—не совсѣмъ правильно, относить же эти занятія къ крупному посредничеству или къ торговлѣ товарами изъ лавокъ тоже неудобно, наконецъ, отличить неопредѣленные занятія отъ неизвѣстныхъ занятій и отсутствія занятій довольно трудно. Не менѣе трудно уяснить себѣ, какія именно лица (въ таб. XVII и XVIII) отнесены къ числу осужденныхъ „другихъ сословій“, кромѣ перечисленныхъ въ таблицахъ. Отнесены-ли, напримѣръ, рядовые или офицеры изъ дворянъ къ дворянамъ или къ лицамъ „другихъ сословій?“ Къ какимъ категоріямъ отнесены купцы-крестьяне, купцы-мѣщане, купцы-почетные граждане и купцы-дворяне — къ крестьянамъ-ли, мѣщанамъ, почетнымъ гражданамъ и дворянамъ, или къ „купцамъ“, и изъ кого въ послѣднемъ случаѣ составилось показанное въ таблицахъ число купцовъ; если же купеческому званію, для точности статистики, отдано предпочтеніе предъ сословнымъ происхожденіемъ, то не указываетъ-ли это, что государственной и общественной службѣ и другимъ званіямъ также слѣдуетъ отвести въ таблицахъ о „званіи“ осужденныхъ особое мѣсто.

Въ настоящемъ своемъ видѣ, таблицы сводовъ о „званіи“ осужденныхъ едва-ли могутъ имѣть какое-либо значеніе въ научномъ или практическомъ отношеніи, даже если бы въ нихъ осужденные были вполне точно распредѣлены по сословіямъ и мы имѣли бы столь же точныя свѣдѣнія о численности каждаго сословія. И тогда

процентныя отношенія осужденныхъ разныхъ сословій къ общему числу осужденныхъ и отношенія этихъ сословій къ массѣ населенія, не могли бы сравниться, по важности, съ свѣдѣніями о дѣйствительномъ званіи осужденныхъ, въ качествѣ лицъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ, занимающихся извѣстными профессіями и т. п.; между тѣмъ, хотя своды посвящаютъ занятіямъ осужденныхъ особыя таблицы, но и по нимъ нельзя точно опредѣлить званія, по крайней мѣрѣ извѣстной части осужденныхъ, по занятіямъ и общественному положенію, такъ какъ указанныя таблицы, какъ кажется, распредѣляютъ осужденныхъ не по тѣмъ занятіямъ, которыми опредѣляется ихъ званіе, а по тѣмъ, которыя обыкновенно доставляютъ имъ средства къ жизни. Къ такому заключенію приводитъ распредѣленіе осужденныхъ за извѣстнаго рода преступленія, удивляющее своими неожиданностями. Такъ напр., по таб. № XII, въ числѣ осужденныхъ за *служебныя подлоги* значится: 6 сельскихъ рабочихъ по найму, 1 сельскій хозяинъ, 29 хлѣбопашцевъ, незанимающихся другимъ промысломъ, 9 хлѣбопашцевъ, занимающихся и другимъ промысломъ; 1 ремесленникъ, 1 плотникъ, 1 прикащикъ мелочной лавки, 2 трактирщика, 1 перевозчикъ, 5 занимающихся нематеріальнымъ производствомъ, и лишь 25 лицъ, состоящихъ на государственной и общественной службѣ, а изъ 78 лицъ, осужденныхъ за *мздоимство* и *лихоимство*, на государственной и общественной службѣ (по той же таб.) было лишь 17 человекъ, остальные же занимались: 44 лица сельскимъ хозяйствомъ, 5 — обрабатывающей промышленностью, 2 — крупною торговлею, 2 — перевозомъ и 7 другими занятіями.

На первый взглядъ, прямое и въ высшей степени поразительное заключеніе изъ этихъ данныхъ — то, что лица, занимающіяся сельскимъ хозяйствомъ, проявляютъ сравнительно довольно значительную наклонность къ мздоимству и служебнымъ подлогамъ, но довольно вспомнить особенность этихъ преступленій, чтобы ориентироваться и придти къ другому, болѣе вѣрному заключенію, что самыя данныя, приводящія къ такому странному выводу, ошибочны и что, безъ сомнѣнія, въ разсматриваемой таблицѣ случайный признакъ — принадлежность выборнаго должностнаго лица къ числу трактирщиковъ или хлѣбопашцевъ, принятъ, при распредѣленіи осужденныхъ по занятіямъ, за признакъ постоянный — вмѣсто служебнаго положенія, занимая которое нѣкоторыя лица совершаютъ тѣ или другія преступленія.

Въ особенности ощутительно отсутствіе въ сводѣ опредѣлительныхъ свѣдѣній о служебныхъ преступленіяхъ. Они, во всякомъ случаѣ, не менѣе достойны вниманія и изслѣдованія, чѣмъ распредѣленіе осужденныхъ въ разныхъ губерніяхъ по мѣсту рожденія и мѣсту приписки, или распредѣленіе мѣръ пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда по роду преступленій. Разработка послѣднихъ данныхъ можетъ имѣть лишь довольно сомнительное теоретическое значеніе, между тѣмъ распредѣленіе, въ особой таблицѣ, осужденныхъ за служебныя преступленія, съ указаніемъ рода послѣднихъ, должностей, образованія осужденныхъ, мѣста судимости и побужденій къ преступленію, безъ сомнѣнія, могли бы оказать большое вліяніе на уясненіе вопроса о необходимыхъ мѣропріятіяхъ къ уменьшенію того зла, которое составляютъ служебныя преступленія.

Вообще, при детальности сводовъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, страннымъ представляется полное молчаніе ихъ о побужденіяхъ къ преступленіямъ, о защитѣ подсудимыхъ и, наконецъ, о составахъ присяжныхъ засѣдателей. Свѣдѣнія о мотивахъ къ преступленію и о томъ, имѣлъ-ли подсудимый защитника или нѣтъ, казалось бы цѣннѣе свѣдѣній о томъ, имѣлъ-ли подсудимый одного ребенка или же имѣлъ двое дѣтей и болѣе, и законнаго-ли онъ рожденія, незаконнаго, или неизвѣстно какого; составленіе же отмітокъ и обработка данныхъ о побужденіяхъ къ преступленію и защитѣ конечно не труднѣе собранія и обработки свѣдѣній о числѣ дѣтей и рожденіи.

Засимъ, собраніе и обработка данныхъ о составахъ присяжныхъ засѣдателей, еще менѣе могли бы затруднить составителей сводовъ, такъ какъ предсѣдатели судебныхъ мѣстъ, по истеченіи каждаго отчетнаго года, могли бы по спискамъ, которые печатаются для каждой сессіи, дополненнымъ необходимыми свѣдѣніями, доставлять вѣдомости, сколько въ теченіи года было вызвано присяжныхъ засѣдателей, сколько изъ нихъ не явилось по законнымъ и незаконнымъ причинамъ, сколько было освобождено или исключено изъ списковъ по неправильному составленію послѣднихъ, сколько въ числѣ остальныхъ присяжныхъ было грамотныхъ и неграмотныхъ, какъ они распредѣлялись по вѣроисповѣданію и званію, сколько изъ нихъ отправляло свои обязанности въ мѣстѣ своего жительства, и сколько явилось по вызову изъ другихъ мѣстъ и сколько, среднимъ числомъ, дней каждый присяжный засѣдатель отправ-

лялъ свои обязанности. Эти свѣдѣнія никакъ не менѣе интересны, тѣмъ разрабатываемыя сводомъ свѣдѣнія о числѣ свидѣтелей, экспертовъ и гражданскихъ истцовъ, вызванныхъ въ суды по разсмотрѣннымъ дѣламъ, и быть можетъ, до известной степени, содѣйствовали бы уясненію причинъ значительной разницы въ строгости присяжныхъ засѣдателей разныхъ судебныхъ округовъ.

Кромѣ пробѣловъ, при нѣкоторомъ ознакомленіи съ сводами въ нихъ обнаруживаются весьма замѣтныя неточности и погрѣшности, которыя легко могутъ ввести въ заблужденіе и способны, до известной степени, подорвать довѣріе къ матеріалу сводовъ. Такъ на стр. 1 ч. 1 общ. свода ¹⁾ изъ данныхъ о количествѣ дѣлъ въ каждомъ судебномъ округѣ выведено заключеніе, что по средней сложности *на каждый судъ* приходилось по 3196 дѣлъ, а затѣмъ указывается, что цифры дѣлъ *въ отдѣльныхъ судахъ* значительно уклонялись отъ этой средней величины и приводится число дѣлъ, находившихся въ производствѣ *нѣкоторыхъ судовъ*, между тѣмъ самыя цифры относятся не къ судамъ, а къ *округамъ судовъ*. На страницѣ 9 приводятся цифры дѣлъ, направленныхъ прокурорскимъ надзоромъ по округамъ палатъ, и указывается, что всѣхъ дѣлъ направлено 86137 (итогъ этотъ болѣе дѣйствительнаго на 30 дѣлъ), на слѣдующей же стр. 10 перечисляются цифры дѣлъ, направленныхъ въ суды, въ палаты и къ начальству обвиняемыхъ, и оказывается, что первой категоріи дѣлъ было 47673, второй—34042, а третьей—3178 и, слѣдовательно, всего направлено дѣлъ только 84893; однако же, вопреки этому, сводъ, опредѣливъ на стр. 11 процентныя отношенія направленныхъ дѣлъ (не по отношенію, впрочемъ, къ общему числу дѣлъ, какъ слѣдовало бы, а по отношенію къ итогамъ дѣлъ, направленныхъ въ разные учрежденія), перечисляеть категоріи направленныхъ дѣлъ, констатируя, что направлено:

къ начальству обвиняемыхъ съ заключеніями о	
преданіи суду	1845 дѣлъ
къ начальству же съ заключеніями о прекращеніи	1333 —
по 277 ст. уст. угол. судопр.	37906 —

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что соединеніе въ одну большихъ размѣровъ книги трехъ частей, съ отдѣльною нумераціею каждая, весьма затрудняетъ пользованіе ею и гораздо удобнѣе было бы или дать одну общую нумерацію всѣмъ частямъ, или издавать части отдѣльными книгами.

съ обвинительными актами	26564
съ заключеніями о прекращеніи	15419
находитъ, на стр. 12, что „изъ вышеизложеннаго видно“, что лицами прокурорскаго надзора окружныхъ судовъ было всего „составлено 88816 отдѣльныхъ заключеній, направленныхъ:	
въ судебныя засѣданія	30638
въ распорядительныя засѣданія	58178“

Хотя, напротивъ, изъ изложеннаго очень легко замѣтить, что итогъ всѣхъ направленныхъ дѣлъ, если приведенныя цифры вѣрны, составляетъ только 83067, а заключеній, направленныхъ въ судебныя засѣданія, не могло быть болѣе 26564.—Наконецъ, если мы пожелаемъ опредѣлить итогъ направленныхъ прокуратурою дѣлъ сложениемъ чиселъ той же стр. 12, распределяющей направленныхъ дѣла по продолжительности производства, то получимъ 84147 дѣлъ.

Такимъ образомъ, разница въ количествѣ направленныхъ прокуратурою дѣлъ, опредѣляемомъ въ разныхъ мѣстахъ сводомъ, достигаетъ довольно солидныхъ размѣровъ—слишкомъ 5 тысячъ дѣлъ, и тѣмъ болѣе уклоняется отъ дѣйствительнаго количества, что въ сводѣ, почему-то, въ обзоръ дѣятельности прокуратуры вовсе не помѣщены данныя о дѣлахъ, возвращенныхъ къ дополненію, хотя число этихъ дѣлъ, судя по таблицѣ о дѣятельности судебныхъ слѣдователей, превышаетъ 7 тысячъ, а направление ихъ требуетъ больше труда, чѣмъ направление дѣлъ по 511 и 277 ст. уст. уг. суд. и по отношенію къ окружнымъ судамъ число возвращенныхъ къ дополненію слѣдствій указано въ дѣятельности каждаго суда.

Неточны, къ крайнему сожалѣнію, и данныя о числѣ лицъ, оправданныхъ и осужденныхъ окружными судами съ участіемъ и безъ участія присяжныхъ засѣдателей.—Въ обзорѣ дѣятельности судовъ, общее число оправданныхъ, выведенное изъ итоговъ по округамъ судебныхъ палатъ, опредѣлено суммою 14517, а число осужденныхъ суммою 27636 (стр. 20 ч. 1), по таблицѣ же 1 ч. 2 (ст. 18 - 25 ч. 2) оказывается, что окружными судами оправдано всего 14565, т. е. на 48 лицъ болѣе, а осуждено 26452 лица (съ участіемъ присяжныхъ: мужчинъ 18258, женщинъ 1675, безъ участія присяж. мужчинъ 5761, женщинъ 758), т. е. на 1124 лица менѣе.

Конечно ошибки возможны и, въ извѣстной степени, пожалуй, неизбежны въ такомъ обширномъ трудѣ, какъ своды, но указанныя погрѣшности кажутся слишкомъ рѣзкими, а въ сводахъ, даже не особенно роясь въ нихъ, можно найти и другія, не менѣе важ-

ныя и совершенно очевидныя неточности; такъ напр., въ общемъ сводѣ по таб. VI (ч. 2 стр. 50) осужденныхъ въ возрастѣ до 14 лѣтъ показано 140, въ возрастѣ 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 20 лѣтъ значится 4365, а всего, слѣдовательно, въ возрастѣ до 20 (оконченныхъ) лѣтъ осуждено 4505 лицъ и далѣе указано, что въ возрастѣ отъ 21 по 25 лѣтъ (начала-ли или окончанія не сказано) и отъ 25 до 30 лѣтъ осуждено 8425 лицъ, между тѣмъ въ табл. XIV (ч. 2 стр. 92), значится, что въ возрастѣ до 14 лѣтъ осуждено 140 лицъ, въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ — 693 лица, а въ возрастѣ отъ 17 до 21 года — 3672 лица, всего, слѣдовательно, до 21 года — 4505, а отъ 21 до 30 лѣтъ — 8425 лицъ. — Такимъ образомъ, число лицъ, осужденныхъ въ возрастѣ до 20 лѣтъ по табл. VI, совпадаетъ съ числомъ лицъ, осужденныхъ въ возрастѣ до 21 года по таблицѣ XIV, а дальнѣйшее разсмотрѣніе данныхъ свода указываетъ, что въ немъ вовсе нѣтъ специальныхъ свѣдѣній о лицахъ, осужденныхъ въ возрастѣ 21 года и, вслѣдствіе этого, настоящее число лицъ, осужденныхъ до достиженія совершеннолѣтія, къ сожалѣнію, своду неизвѣстно. Точно также отнесся къ возрасту и особый сводъ для Варшавскаго округа (стр. 72 и 102), въ которомъ ошибочность наименованія таблицъ XXVII и XXVIII (стр. 160 — 179) представляется въ высшей степени странной. Таблицы эти помѣщены въ томъ же порядкѣ и разработаны по тѣмъ же приемамъ, какъ и соответствующія таблицы общаго свода, и въ первой изъ нихъ (XXVII) число всѣхъ приговоренныхъ за повтореніе преступленій къ уголовнымъ наказаніямъ опредѣлено суммою 954 лица (стр. 160), тогда какъ по общей вѣдомости объ осужденныхъ, цифра всѣхъ вообще лицъ, приговоренныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ, составляетъ лишь 235 человекъ (стр. 40). — При разсмотрѣніи подраздѣленій таб. XXVII, въ которыхъ, въ числѣ рецидивистовъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ, находятся лица, осужденныя за самоуправство, становится очевиднымъ, что этой таблицѣ дано наименованіе слѣдующей XXVIII таблицы и обратно, но какъ эти таблицы перемѣнили свои мѣста и ошибка осталась незамѣченною — объяснить трудно. Какъ на примѣръ неточности выраженій и цифръ можно указать еще на таблицы XVIII и XX того же особаго свода, изъ коихъ въ первой число иностранцевъ въ одномъ мѣстѣ опредѣлено цифрою 207, а въ другомъ мѣстѣ, на той же страницѣ (137), цифрою 230; во второй же таблицѣ наименование: „уроженцы царства Польскаго“ противопоставляется на-

именованіямъ „русскіе, нѣмцы, евреи“ и пр., которые, быть можетъ, тоже по всѣмъ основаніямъ должны быть отнесены къ уроженцамъ царства Польскаго.

Въ настоящей замѣтѣ мы, конечно, далеко не исчерпали разсматриваемаго предмета. Болѣе близкое ознакомленіе съ сводами, проверка выводовъ ихъ и сопоставленіе однихъ данныхъ съ другими, быть можетъ, обнаружили бы и другіе, не менѣе существенные недостатки сводовъ, однако и указанные заставляютъ высказать мнѣніе, что своды не такъ безукоризненны, какъ кажутся, что многосторонность программы ихъ въ однихъ отношеніяхъ, сопровождается замѣтною неполнотою въ другихъ, а тщательность вычислений, произведенныхъ въ введеніи къ общему своду, не устранила противорѣчій такихъ данныхъ, вполне точное установленіе которыхъ представляется безусловно настоятельнымъ, каковы данныя о числѣ всѣхъ осужденныхъ и оправданныхъ, о числѣ всѣхъ осужденныхъ, несовершеннолѣтнихъ и т. п. — Точность статистическихъ данныхъ составляетъ первое условіе ихъ достоинства; значеніе ихъ опредѣляется значеніемъ изслѣдуемыхъ явленій, а отъ своевременнаго констатированія послѣднихъ и извлеченія изъ статистическаго матеріала выводовъ, зависитъ возможность пользованія ими для практическихъ цѣлей. Уголовная статистика должна для достиженія своей задачи удовлетворять этимъ тремъ условіямъ и если соблюденіе ихъ встрѣчаетъ препятствія въ настоящей программѣ сводовъ, то ее слѣдуетъ измѣнить: сократить въ однихъ и расширить въ другихъ отношеніяхъ, чтобы болѣе полнымъ изслѣдованіемъ важнѣйшихъ явленій, болѣею точностью данныхъ и болѣе своевременною разработкою ихъ, увеличить полезность сводовъ и усилить замѣтно охладѣвшій, въ послѣднее время, интересъ къ нимъ.

Ц. Я.

Бракъ и разводъ ссыльно-поселенцевъ.

(Изъ Владивостока).

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ юристовъ прежней школы составляетъ, вѣтъ всякаго сомнѣнія, дедуктивный методъ, слѣдуя которому они выводятъ юридическія понятія не изъ частныхъ случаевъ и законовъ, не на основаніи изученія исторической послѣдовательности послѣднихъ и соотношенія ихъ съ другими общественными

явленіями, а чисто метафизически, умозрительно, установивъ извѣстное положеніе, подгоняють подъ него частные случаи и какъ въ нихъ, такъ и въ исторической послѣдовательности, ищутъ подтвержденія своего положенія. Между тѣмъ, въ частныхъ-то явленіяхъ и вся сила; въ нихъ, въ области права, часто сказывается именно то право, которое создается не кабинетными мыслителями, не капризомъ законодателя, а могучимъ историческимъ двигателемъ—жизнью, предъ которою преклонился, въ концѣ концовъ, даже такой политическій Иисусъ Навинъ, какъ Меттернихъ, написавшій въ одномъ изъ писемъ къ Императору Николаю: „остановить потокъ не во власти людей, они могутъ только ставить ему преграды“¹⁾. Въ этихъ частностяхъ, въ области *jus scriptum*, именно и сказывается уступка законодателя жизненному потоку, смышшему австрійскаго политика, праву, создаваемому жизнью. Новые юристы нападаютъ на старыхъ не за преклоненіе предъ догмою права, а за слишкомъ безцеремонное отношеніе ихъ въ этой догмѣ.

Одинъ изъ лучшихъ русскихъ цивилистовъ, К. Побѣдоносцевъ, опредѣляетъ бракъ, по русскому праву, какъ таинство, поглощающее гражданское дѣйствіе, которое въ бракѣ слитно и нераздѣльно съ этимъ таинствомъ. Онъ, впрочемъ, употребляетъ выраженіе „по русскому законодательству“, а не по русскому праву, указывая этимъ на источникъ своего опредѣленія и на то, что онъ, дѣлая свои правоопредѣленія, руководится не столько духомъ закона, сколько извѣстными положеніями законодательства²⁾. Опредѣленіе это выведено изъ того, что законодательство наше не знаетъ другой формы для лицъ христіанскаго вѣроисповѣданія. Уважаемый ученый очевидно упускаетъ при этомъ двѣ вещи: первое—то, что церковный бракъ не у всѣхъ христіанъ считается таинствомъ, а второе—то, что русское гражданское право, не есть исключительно гражданское право православныхъ. Изъ того, что законодательство, охраняя господствующую церковь, требуетъ для христіанъ церковной формы брака, еще не слѣдуетъ, чтобы бракъ по нашему гражданскому праву не былъ такимъ же юридическимъ договоромъ, какъ и всѣ остальные соглашенія лицъ между собою. Чѣмъ бы не былъ бракъ по возрѣніямъ общества и церкви, съ точки зрѣнія цивилиста онъ долженъ быть сдѣлкою, договоромъ, срокъ котораго опредѣляется смертью

¹⁾ Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. I—VII B. Wien. 1880—83. № 1692.

²⁾ Курсъ гражданского права. Часть вторая. С.—П.—Б. 1875 г. стр. 52.

одного изъ супруговъ или наступленіемъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ становится немыслимъ.

По ученію протестантовъ, бракъ хотя и есть учрежденіе святое, но созданное для человѣка, а потому и подлежащее „праву человѣческому“ ¹⁾. У евреевъ бракъ уже есть окончательно юридическая сдѣлка. Большинство раскольниковъ совершенно не признаетъ религіознаго брака (штунда, молокане, духоборцы, хлысты) и для нѣкоторыхъ раскольниковъ сектъ государство вынуждено было установить гражданскую форму брака. Между тѣмъ, по русскому гражданскому праву и законодательству, бракъ протестанта, еврея и раскольника, есть такой-же бракъ юридически, какъ и бракъ православнаго, по религіознымъ возрѣніямъ котораго бракъ есть, сверхъ того, и таинство.

Цѣль настоящаго очерка не заключается какъ бы въ посягательствѣ на религіозную сторону брака, а лишь въ опроверженіи того мнѣнія, что по нашему законодательству въ этомъ договорѣ юридическая сторона поглощается религіозною. Даже въ законодательствѣ о бракахъ православныхъ мы встрѣчаемся съ чисто юридическимъ вторженіемъ государства, противорѣчащимъ ученію церкви. Законъ Петра I объ обрученіи шель положительно въ разрѣзъ съ церковнымъ правиломъ 6-го вселенскаго собора ²⁾. Отмѣна его не устранила однако же требованія законодательствомъ соблюденія такихъ чисто гражданскихъ формальностей, какъ оглашеніе. Но нигдѣ не выражается такъ рѣзко вторженіе въ религіозную сферу брака со стороны государства, противорѣчащее идеѣ брака, какъ таинства, какъ въ бракѣ и разводѣ ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, рассмотрѣніемъ которыхъ мы и намѣрены заняться.

I.

Если одинъ изъ супруговъ судебнымъ приговоромъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, то, по нашему законодательству (гр. зак. ст. 50—53, уст. о ссыльн. ст. 757), другой супругъ вправе „просить свое духовное начальство о расторгненіи брака и о разрѣшеніи вступить въ новый“. Мы считаемъ такое законоположеніе идущимъ положительно въ разрѣзъ со всѣми остальными, имѣющими цѣлью охранить бракъ, какъ религіозное таинство. Обра-

¹⁾ Ib. стр. 16.

²⁾ Побѣдоносцевъ, ib. стр. 53 и 54. Невольничъ, полн. собр. соч. т. I стр. 225.

щаясь въ его исторіи мы видимъ, что оно обязано своимъ существованіемъ закону Петра I, по которому жена могла отказаться отъ ссыльнаго мужа и ей предоставлялась полная свобода: или выйти замужъ, или постричься въ монахини, или просто жить въ своихъ приданныхъ деревняхъ, „понеже мужья отлучены вѣчно, подобно яко-бы умре“ ¹⁾).

Законъ этотъ былъ вызванъ многочисленными ссылками дворянъ и появленіемъ въ числѣ уголовныхъ каръ гражданской смерти, которой не знали въ Россіи до Петра, такъ какъ отнятіе „чести“, въ московскій періодъ, было лишь временнымъ удаленіемъ отъ должности, пока государь „опалается“ ²⁾. Правда и въ московскій періодъ ссылка расторгала бракъ, но только не для жены, а для мужа; послѣдняя всегда должна была слѣдовать за мужемъ. Да и разводъ мужа съ сосланною женою былъ не закономъ, а лишь фактическимъ, обычнымъ правомъ, въ силу котораго мужъ, напримѣръ, постригалъ жену насильно въ монахини. Профессоръ Сергѣевичъ не считаетъ разбираемый законъ новымъ видомъ развода, но намъ кажется, что это не вполне правильно, такъ какъ этотъ видъ развода получаетъ при Петрѣ силу закона, до того же въ законодательствѣ о немъ не упоминается. Мы сказали, что законъ этотъ противорѣчитъ церковнымъ правиламъ и полагаемъ, что доказывать этого нѣтъ нужды, такъ какъ православная религія, основываясь на евангельскихъ словахъ, допускаетъ разводъ лишь въ двухъ случаяхъ: за прелюбодѣяніе и когда супругъ не-христіанинъ оставляетъ супруга, принявшаго христіанство ³⁾. Этотъ гражданскій характеръ развода лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія сказывается и въ формѣ его осуществленія. Тогда какъ для расторженія брака за прелюбодѣяніе, требуется рѣшеніе духовнаго суда, утвержденное синодомъ, расторженіе брака ссыльныхъ зависитъ отъ приговора суда свѣтскаго и требуетъ лишь формальнаго разрѣшенія епархіальнаго архіерея, ничего нерѣшающаго, а лишь снимающаго духовныя узы, хотя по каноническимъ правиламъ и по кормчей расторженіе брака и принадлежитъ только духовному суду. Что касается до самихъ ссыльныхъ, то въ законѣ нигдѣ не говорится о томъ, чтобы имъ было необходимо испрашивать разрѣшенія епархіальнаго архіерея. Статья 100 уст. о ссыл. говорить, что имъ

¹⁾ Полн. собр. зак., т. VI, № 3628.

²⁾ Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдов. стр. 910.

³⁾ Побѣдоносцевъ, стр. 80.

воспрещается вступать въ бракъ между собою до распредѣленія въ Тобольскѣ, каковое запрещеніе однако же не распространяется на браки съ не-преступницами. Затѣмъ, говорится въ уставѣ о ссыльных о бракахъ съ лицами высшихъ классовъ и о бракахъ каторжниковъ ¹⁾.

Возвращаясь къ закону Петра I мы видимъ, что расходясь съ церковнымъ возрѣніемъ на бракъ, онъ отнюдь не противорѣчилъ народнымъ возрѣніямъ. Г. Побѣдоносцевъ полагаетъ, что введеніе гражданскаго брака у насъ излишне и вредно, между прочимъ потому, что «совѣсть народная не пойметъ и не приметъ раздвоенія между государствомъ и церковью въ дѣлѣ, которое церковь признала таинствомъ» ²⁾. Врядъ-ли это справедливо. Нашъ народъ издавна смотрѣлъ, да и смотритъ теперь на бракъ чисто съ экономической точки зрѣнія. Не будетъ особенно смѣлымъ сказать, что нашъ народъ, въ массѣ, еще не дошелъ до пониманія брака, какъ нравственнаго союза мужчины и женщины, до той идеи, по которой въ Римѣ матрона являлась гражданкой, женою и матерью гражданина. Скорѣе нашъ народъ понимаетъ бракъ такъ, какъ понимали его въ древней Греціи, гдѣ женщина не возвысилась до роли полноправной подруги, а была лишь хозяйкой, управлявшей домашнимъ обиходомъ ³⁾. Въ нашемъ крестьянскомъ быту на бракъ смотрятъ, съ одной стороны, какъ на приобрѣтеніе въ семьѣ новой рабочей силы, съ другой — какъ на увеличеніе приданымъ домашняго достатка. Крестьянинъ всегда старается взять богатую невѣсту. На этомъ желаніи основаны браки съ чужими, и въ Сарapulьскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, мужики объясняютъ прямо то, что они держатся „больше своихъ“, тѣмъ, что въ большихъ селахъ „и дома богатыхъ много, незачѣмъ далеко-то ходить“ ⁴⁾. Хотя простой народъ и называетъ бракъ „закономъ“, вступить въ бракъ „законъ принять“, жить съ женою — „жить закономъ“, ⁵⁾ но экономическая сторона у него играетъ все-таки первенствующую роль. Въ Вологодской губерніи сватамъ наказываютъ, что требовать за невѣстой ⁶⁾. Рядомъ съ приведенными выше выраженіями, русскій

¹⁾ Ст. 678, 760—766, 888, 577.

²⁾ Побѣдоносцевъ, *из.* стр. 63.

³⁾ *Иб.* стр. 13.

⁴⁾ М. Харвинъ. Очерки юридическ. быта народностей Сарapulьскаго уѣзда. Юрид. Вѣстн. 1883 г. № 2, стр. 265.

⁵⁾ Даль. Оловарь. Томъ I, стр. 526. Терещенко. Бытъ русскаго народа. Т. II, стр. 192.

⁶⁾ Смирновъ. Очерки семейныхъ отношеній. Москва 1877 г. стр. 230.

крестьянинъ называетъ женитьбу сына взятіемъ въ семью работницы. Переселенцы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, изъ Черниговской губерніи, прямо мотивируютъ желаніе вступить въ бракъ тѣмъ, что имъ нужна работница, что безъ хозяйки имъ быть никакъ нельзя.

Несмотря на религіозность русскаго народа, у него религіозное освященіе брака играетъ положительно второстепенное значеніе, главную же роль играетъ свадьба, какъ древнѣйшій обрядъ. Якушкинъ утверждаетъ, что вѣнчаніе разсматривается крестьянами иногда какъ гражданскій обрядъ, необходимый для законности брака. Такъ, бѣгуны вѣнчаются постоянно въ православныхъ церквахъ, не придавая такому обряду рѣшительно никакого религіознаго значенія. Нерѣдки случаи, что дѣвушки, принадлежащія къ православію, выходятъ замужъ за раскольниковъ не вѣнчаясь, а справляя лишь свадьбу. Въ Малороссіи, если молодой умретъ послѣ вѣнчанія, но не справивъ веселья (свадьбы), то неvěста считается не вдовою, а дѣвушкою. Въ южной части Макарьевского уѣзда Костромской губерніи, въ періодъ между вѣнчаніемъ и свадьбой, танующійся иногда болѣе недѣли, у брачующихся не бываетъ ни какихъ супружескихъ отношеній и они считаются женихомъ и неvěстой. По увѣренію Якушкина, знатока русскаго обычнаго права, главную юридическую силу при бракѣ въ глазахъ крестьянъ имѣетъ свадьба, а не вѣнчаніе. Въ одномъ изъ синодскихъ указовъ говорится о томъ, что иногда послѣ вѣнчанія, но не исполнивъ свадебныхъ обрядовъ, молодые расходятся навсегда ¹⁾.

Такимъ образомъ, законъ Петра I, если и шелъ съ чѣмъ въ разрѣзъ, такъ это съ церковными воззрѣніями, но никакъ не съ народными. Новостью въ этомъ законѣ было только отношеніе къ женщинѣ, какъ къ равноправному существу,—отношеніе, немогшее развиваться подѣ татаро-византійскимъ вліяніемъ.

II.

Отнятіе у человѣка семейныхъ правъ имѣетъ, впрочемъ, и другую сторону: мы можемъ быть сторонниками самаго широкаго права развода, признавать, что въ юридическихъ понятіяхъ извѣстнаго народа имѣются всѣ данныя для установленія этого права законодательнымъ путемъ и все-таки сомнѣваться въ правѣ госу-

¹⁾ Якушкинъ. Обычное право. Ярославль. 1875. Стр. XII—XIV. А. Ефименко. Народныя юрид. воззрѣнія на бракъ. Знаніе, 1874 г. № 1, стр. 34. Нильскій. Семейная жизнь въ рус. расколѣ. Ч. II, стр. 159.

дарства на отнятіе семейныхъ правъ. Отнятіе семейныхъ правъ есть институтъ такъ называемаго втораго уклада уголовного права, институтъ тѣсно связанный съ такъ называемою гражданской смертью, основанной, въ свою очередь, на томъ общемъ духѣ названнаго уклада, который стремился уничтожить, придавить, вѣчно преслѣдовать личность осужденнаго, „хотя бы“, какъ говоритъ профессоръ Кистяковский, „преслѣдованіе это создало болѣе опаснаго врага общественной безопасности“¹⁾. Новѣйшее уголовное право положительно возстаетъ противъ такого уничтоженія чело-вѣческой личности: оно признаетъ за государствомъ и обществомъ лишь право на лишеніе чело-вѣка лишь правъ политико-гражданскихъ. Право семейное, разсуждаютъ криминалисты, основано болѣе на нравственной, чѣмъ на юридической связи, государство можетъ наложить на это право временное запрещеніе, но не имѣетъ права его разрушить. Дѣйствительно, наказаніе обязано исправить преступника, вернуть его въ общество съ запасомъ нравственныхъ силъ, для борьбы съ неблагоприятными условіями окружающей среды. Но о какомъ же, такъ сказать, нравственномъ возрожденіи чело-вѣка можно говорить послѣ того, какъ уничтожена самая дорогая для него связь—связь его съ семьей. Лохвицкій говоритъ, что лишеніе супружескихъ правъ, по закону, не есть непремѣнное условіе для ссыльныхъ²⁾; но врядъ ли съ этимъ можно согласиться, хотя отъ неосужденнаго супруга и зависитъ сохраненіе брачнаго союза, но ему предоставлено слишкомъ широкое право и на расторженіе этого союза, право, котораго не можетъ одобрить ни одинъ сторонникъ развода. Съ 1854 года Франція не знаетъ болѣе лишенія семейныхъ правъ, которое не сопряжено даже съ *dégradation civique*. Не знаетъ этого лишенія и обще-германскій уголовный кодексъ.

Проектъ общей части будущаго нашего уложенія сохраняетъ разводъ, какъ слѣдствіе даже краткосрочнаго наказанія (ст. 25—30). Итальянскій критикъ проекта находитъ такое постановленіе превосходящимъ всякую мѣру³⁾. Напротивъ, докторъ Францъ фонъ-Листъ относится къ этому постановленію съ полнымъ

¹⁾ А. Кистяковский. Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Кіевъ, 1875 г. стр. 391 и 392.

²⁾ Лохвицкій. Курсъ русскаго уголовного права. С.П.Б., 1871 г. стр. 80.

³⁾ Rivista penale di dottrina, legislazione e giurisprudenza. Volume XVII, Fascicolo V, Progetto del codice penale russo.

одобреніемъ. Мы полагаемъ, что мѣсто вопроса о расторженіи брака не въ уголовномъ кодексѣ и не въ уставѣ о ссыльныхъ. Вмѣстѣ съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ мы получимъ и новое гражданское уложеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣднее посмотритъ шире на брачный вопросъ, что оно установитъ болѣе поводовъ для развода и что тогда интересы семьи будутъ достаточно охранены и безъ жестокаго правила, что лишеніе правъ, *ipso jure*, даетъ возможность неосужденному супругу добиваться развода.

Расторженіе супружества, какъ послѣдствіе уголовной кары, можетъ имѣть много и практическихъ неудобствъ. Ссылко-поселенецъ можетъ жениться въ Сибири и затѣмъ быть реабилитированъ и вернуться на родину. Во время послѣдняго польскаго восстанія произошелъ слѣдующій случай. Сосланный полякъ женился въ ссылкѣ на православной, овдовѣлъ и былъ прощенъ. На родинѣ между тѣмъ у него оставалась семья. Спрашивается, въ какихъ отношеніяхъ остался онъ къ этой семьѣ? По правиламъ римско-католической церкви бракъ не разрушается ни въ какомъ случаѣ, — значить ни ссылка, ни вторичная женитьба съ иноувѣркою, разрушить перваго брака не могли, но и второй бракъ, по закону, тоже дѣйствителенъ и очевидно, въ силу опять-таки закона, аннулировалъ первый бракъ. Несчастный супругъ нашелъ себѣ самъ выходъ изъ этой юридической путаницы — онъ не вернулся на родину.

Жизнь вообще плохо укладывается въ тѣхъ рамкахъ, которыя ставить законъ, вызванный не ея требованіями, а сторонними причинами. Одно изъ двухъ, или бракъ есть учрежденіе религіозное, котораго не можетъ касаться государство, или онъ есть институтъ гражданскій и тогда всѣ религіозныя его стороны должны быть предоставлены собственной совѣсти брачующихся. Каждый принципъ можетъ оставаться ненарушимымъ только до той поры, пока онъ свободенъ отъ всякихъ посягательствъ, но разъ сдѣлано хоть одно посягательство — неприкосновенность его нарушена. Принято говорить, что въ нашемъ законодательствѣ и въ нашей жизни нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы сдѣлать бракъ институтомъ гражданскимъ, но въ бракѣ и разводѣ ссыльныхъ невольно проглядываетъ, что иногда и самъ законодатель отказывается отъ религіозной точки зрѣнія и приносить ее въ жертву цѣлямъ государственнымъ и общественнымъ.

¹⁾ Журн. гражд. и угол. права 1883 г. № 7, стр. 60.

Государство вынуждено карать, но кара не должна распространяться на третьих лиц: *nulla poena sine lege, nulla lege sine crimine*. Вотъ гдѣ мотивы для оправданія необходимости допущенія развода, какъ слѣдствія извѣстныхъ уголовныхъ каръ. Религіозная идея брака этихъ интересовъ не знаетъ: она знаетъ одинъ поводъ для разрушенія брака—нарушеніе его чистоты. Интересы третьихъ лицъ—это уже понятіе чисто юридическое; разъ признаются они, могутъ признаваться и интересы самихъ супруговъ. Разъ государство находитъ невозможнымъ заставлять неосужденнаго супруга нести тяжесть ссылки и освобождаетъ его отъ брачныхъ узъ съ осужденнымъ, на чемъ же тогда основанъ его отказъ въ разрушеніи брака въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ становится тяжелѣе самой ссылки и доводитъ до преступленія ¹⁾. Законъ находитъ, что жена можетъ развестись съ мужемъ преступникомъ, и не дозволяетъ ей развестись съ мужемъ тираномъ. Неужели потому, что одно изъ этихъ гуманныхъ возрѣній создано варварскою жестокостью института гражданской смерти, а другое—освободительными идеями послѣдняго времени?

III.

Обычное право бурять, самоѣдовъ и остяковъ, въ этомъ отношеніи, опередило наше законодательство: оно, въ случаѣ чрезмѣрно жестокаго обращенія мужа съ женою, допускаетъ ихъ развести во избѣжаніе худыхъ послѣдствій ²⁾. Говорятъ, что церковь не можетъ допустить развода, хотя въ древне-русскомъ обществѣ та же церковь, руководствуясь каноническимъ правомъ и греко-римскимъ гражданскимъ законодательствомъ, широко практиковала разводъ, для котораго требовалось только согласіе духовнаго отца ³⁾; но отчего же церковь игнорируется, когда идетъ рѣчь объ уголовной карѣ, да еще о безсрочной, которая сама уже по себѣ противна ученію церкви о замолимости самаго тяжкаго преступленія? Потому, что государство находитъ это для себя полезнымъ. Требованія политики, въ томъ числѣ и уголовной, очень часто расходятся съ строго-нравственными принципами христіанства. Религія говоритъ не убей, а государство, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторые крими-

¹⁾ И. Тютрюмовъ. Недостатки гражданскихъ законовъ. Русское Богатство. 1884 г. № 3, стр. 697.

²⁾ Ib. стр. 697.

³⁾ Ефименко. Народныя юридическія возрѣнія на бракъ. Знаніе. 1874 г. № 1.

налисты, говорятъ, что извѣстныхъ преступниковъ нельзя не казнить и многое въ нашихъ кодексахъ противорѣчитъ религіозной нравственности.

Область права и область религіи—двѣ различныхъ области: ихъ цѣли и способы достиженія своихъ вѣлѣній различны. Ошибка многихъ юристовъ заключается именно въ томъ, что они смѣшиваютъ эти двѣ области. Г. Побѣдоносцевъ, будучи однимъ изъ лучшихъ юристовъ, пытается защищать неразрывность брака по нашимъ гражданскимъ законамъ тѣмъ, что эта неразрывность основана на религіозной идеѣ, посягнуть на которую законодатель не вправе, и забываетъ, что если строго посмотрѣть на дѣло, то уже это посягательство сдѣлано и сдѣлано во имя гражданскихъ интересовъ. Сторонники существующаго брачнаго законодательства постоянно держатся религіозно-нравственной точки зрѣнія, безъ сомнѣнія очень высокой; но пусть они, исходя изъ той же точки зрѣнія, а не изъ чисто юридической, защитятъ институтъ развода, какъ послѣдствіе уголовной кары.

Мы опять-таки повторяемъ, что не имѣемъ въ виду ратовать за разводъ. Цѣль наша доказать, что въ нашемъ государствѣ далеко не такъ строго проведена идея нерасторжимости брака, какъ это кажется съ перваго взгляда, и если разбирать частности этого законодательства, то мы увидимъ, что въ немъ далеко нѣтъ „великой тайны глубочайшаго и полнѣйшаго духовнаго и тѣлеснаго единенія“, а есть противорѣчія. Мы бы могли указать и еще на нѣсколько такихъ противорѣчій, но это не входитъ въ нашу задачу. Главное то, что допуская разводъ съ лишеннымъ правъ супругомъ, законодательство именно вводитъ начало личнаго желанія; бракъ расторгается не *ex ipso*, а въ силу лишь желанія неосужденнаго супруга. Такимъ образомъ, идея брака далеко, является уже неприкосновенной.

Мы видѣли, что и въ обычномъ правѣ бракъ является далеко не тѣмъ, чѣмъ хотятъ его видѣть сторонники права каноническаго, что корень законовъ о бракѣ ссыльныхъ заключается именно въ тѣхъ народныхъ воззрѣніяхъ, которыя продолжаютъ жить въ обычномъ правѣ. Пусть эти воззрѣнія нѣсколько матеріалистичны, пусть они результатъ того, что въ народныхъ массахъ сознание недоросло до усвоенія себѣ понятія о духовномъ союзѣ мужа и жены; но практически, даже грубое экономическое воззрѣніе на бракъ, болѣе отвѣчаетъ требованіямъ жизни. Канонисты, навязавшіе

свѣтскому законодательству идею нерасторжимости брака, даже при отсутствіи духовнаго единенія супруговъ, стоятъ одинаково въ сторонѣ и отъ народныхъ возрѣній, и отъ требованій жизни, и отъ науки права. Въ концѣ концовъ, имъ, конечно, придется быть побѣжденными и этому служить доказательствомъ то, что даже тогда, когда каноническое возрѣніе въ русскомъ законодательствѣ достигало наибольшаго преобладанія, законодателью пришлось сдѣлать все-таки небольшую уступку въ пользу идеи расторжимости. Странно лишь то, что канонисты, такъ прямолинейно отстаивающіе свои возрѣнія, проходятъ всегда мимо указаннаго нами законодательнаго противорѣчія, этой уступки законодателя преступленію. Неужели же въ ихъ глазахъ преступленіе имѣетъ больше правъ, чѣмъ нравственное чувство, дѣлающее часто дальнѣйшее существованіе брачнаго союза немислимымъ? Вся бѣда канонистовъ въ томъ, что они къ правовымъ вопросамъ подходятъ съ предвзятыми идеями, что ихъ возрѣнія и знаніе права стоятъ особнякомъ, что они право черпаютъ не изъ жизни и исторіи, а подгоняютъ его подъ свои метафизическія доктрины. Они забываютъ то, что если право насильно навязывается законодателемъ, то оно теряетъ способность устанавливать порядокъ, и создаетъ лишь ту неурядицу, которая возникаетъ всегда, когда идеи общества не удовлетворяются прописными правилами вѣковой морали, навязанной законодательству. Но вѣдь идея права, какъ она существуетъ у всѣхъ народовъ,—порядокъ, а не неурядица. Провозгласить принципъ, хотя бы и законодательнымъ порядкомъ, не значитъ дать ему практическую силу и значеніе. Всякое противорѣчіе въ законѣ показываетъ лишь несостоятельность основной идеи, которую оно проводить. Кто правъ, тому нѣтъ надобности въ компромиссахъ и уступкахъ. Какъ слово не можетъ существовать внѣ человѣка, говоритъ Блунчли, но только внутри его, будь оно произнесено или услышано, такъ и право имѣетъ истинную жизнь только внутри человѣка, а не внѣ его. Жизнь права является прежде закона и если законъ вторгается въ жизнь, то онъ вноситъ лишь смущеніе и извращаетъ развитіе права.

М. Гребенниковъ.

**О злоупотребленіяхъ судебныхъ приставовъ мировыхъ
сѣздовъ при требованіи съ наслѣдниковъ вознагражде-
нія за производство охранительныхъ описей наслѣд-
ственного имущества.**

Кого судьба осчастливила полученіемъ наслѣдства, тотъ на себѣ испыталъ и, конечно, безпрекословно и смиренно подчинился велѣніямъ правосудія, олицетворяемаго судебнымъ приставомъ мѣстнаго мирового сѣзда. Еще не успѣли застыть и окоченѣть бранные останки покойника, еще вдова и дѣти умершаго не успѣли опомниться, какъ появляется въ домѣ судебный приставъ и начинается привѣщиваніе ярлычковъ съ сургучными печатами ко всему, что послѣ покойнаго осталось. Не помогутъ ни просьбы, ни увѣщанія: строгій служитель Феиды всѣмъ, кто осмѣлился бы протестовать противъ его непрошеннаго присутствія, показываетъ предписаніе начальства, въ лицѣ мѣстнаго мирового судьи, который, *въ интересахъ наслѣдниковъ и ради ихъ пользы*, распорядился объ описи, опечатаніи и сбереженіи наслѣдственного имущества. Напрасно стараются убѣдить ревностнаго судебного дѣятеля, что вѣдь наслѣдники то налицо, что они *сами сумѣютъ охранить свои интересы*: приставъ и знать объ этомъ не хочетъ: у него въ рукахъ предписаніе судьи, а въ близкомъ будущемъ перспектива на крупное вознагражденіе за охранительныя дѣйствія, и онъ преспокойно отвѣчаетъ, что только послѣ истеченія 6-ти мѣсячнаго срока со дня учиненія публикацій о вызовѣ наслѣдниковъ, обнаружится, всѣ ли они налицо: пока же ничего не извѣстно, и поэтому очень вѣроятно, что кто либо изъ нихъ находится въ отсутствіи. Напрасно берутся доказать приставу, что цѣлая масса заклеянныхъ имъ печатью съ изображеніемъ закона вещей никогда покойному не принадлежала, а составляла и составляетъ собственность людей живыхъ. Приставъ и тутъ остается неумолимъ. Это дѣло суда, а не его: судъ прикажетъ снять арестъ и онъ сниметъ его безпрекословно—теперь же онъ не вправѣ разсуждать и различать одни предметы отъ другихъ а долженъ охранить все, что имѣется налицо. Наконецъ приставъ кончилъ работу: недвижимостъ описана, движимостъ опечатана, цѣнныя бумаги отобраны для przeprowadенія ихъ по принадлежности, все охранено. Приставъ проситъ уплатить ему за опись деньги, всего 375 руб. 23½ коп.

ж. гр. и уг. пр. кн. III 1885 г.

Окружающіе покойнаго заявляютъ, что имъ неоткуда взять такую сумму, просятъ его зайти чрезъ нѣсколько дней. Приставъ неумолимъ: *вѣдь онъ дѣйствуетъ именемъ закона*. Присутствующіе готовы бы и отдать деньги, только бы поскорѣе избавиться отъ него, да бѣда вся въ томъ, что денегъ то такой суммы наличныхъ нѣтъ, а всѣ цѣнные процентныя бумаги, кредитныя банковыя билеты, все это отобрано имъ же, приставомъ. Но для пристава это не резонъ. Часть опечатаннаго имущества онъ объявляетъ назначенной въ продажу на такое то число; затѣмъ сдаетъ все на храненіе кому либо изъ наслѣдниковъ или всѣмъ имъ вмѣстѣ, и предвѣривъ, что въ случаѣ невнесенія денегъ въ срокъ, часть *охраняемыхъ* вещей будетъ продана,—наконецъ удалается! Но надежда скораго избавленія отъ присутствія пристава, съ одной стороны, ободряетъ наслѣдниковъ, съ другой же стороны—страхъ лишиться, въ случаѣ продажи, дорогихъ предметовъ, заставляетъ ихъ собрать все присутствіе духа и кто изъ нихъ посмѣетъ другихъ, просить пристава оставить хотя счетъ требуемымъ имъ деньгамъ: сколько въ самомъ дѣлѣ и за что именно ему слѣдуетъ. Приставъ дѣлаетъ недовольную гримасу: вѣдь онъ же требуетъ деньги на основаніи закона. Въ концѣ концовъ онъ уступаетъ и сочиняетъ озадаченнымъ наслѣдникамъ счетецъ такого, примѣрно, содержанія: за опись и оцѣнку недвижимаго имущества 15 руб., за опись и оцѣнку движимаго имущества (въ томъ числѣ: купчая на недвижимое имущество въ полной ея суммѣ, росписки въ полученіе разными лицами слѣдовавшихъ имъ когда то съ покойнаго денегъ, цѣнныхъ процентныхъ бумаги и т. д.) 210 руб.; за передачу имущества на храненіе 12 руб.; за предстоящую передачу онаго наслѣдникамъ (хранитель и наслѣдникъ одно и тоже лицо) 12 руб.; за отсылку цѣнныхъ бумагъ въ банкъ 40 руб.; за полученіе ихъ оттуда и выдачу 40 руб. и т. д., и т. д. Наслѣдники изумлены, они негодуютъ? Домъ оцѣненъ въ 25000 руб., купчая крѣпость на сей же домъ тоже въ 25000 руб. и страховой полисъ на домъ опять 25000 р. итого 75000 рублей, и съ этой общей суммы приставъ высчиталъ вознагражденіе по таксѣ? Въ опись внесена цѣлая масса вещей. непринадлежавшихъ покойному, а составлявшихъ собственность или самихъ наслѣдниковъ или третьихъ лицъ, и за сіе опять такіе приставъ требуетъ себѣ вознагражденіе. Требуется имъ вознагражденіе и за оцѣнку процентныхъ бумагъ, когда цѣна ихъ напечатана крупной цифрою на каждомъ билетѣ? Потомъ всѣ эти пере-

дачи, которыхъ въ дѣйствительности не было, самопроизвольная оцѣнка приставомъ всего по его усмотрѣнію и т. д., и т. д.! Что же это такое? Вѣдь это открытый грабежъ *во имя закона*! Но приставъ улыбается. Жалуйтесь, замѣчаетъ онъ преспокойно,—а пока готовьте деньги, а то придетъ срокъ продажи и зеркала, мебель и проч. все это пойдетъ съ молотка! Но до жалобы ли этимъ людямъ? Впереди цѣлая масса суеты съ похоронами, поминками и т. п. Все это требуетъ расходовъ, а тутъ еще нанимай адвоката, плати ему деньги за составленіе жалобы, а можетъ быть приставъ и правъ, можетъ ему такъ, по закону, дѣйствительно и слѣдуетъ? А тутъ жалоба заслушивается судомъ уже, пожалуй, тогда, когда вещи будутъ проданы съ аукціона, и подавать ее будетъ и некогда и некому, и надежды на благополучный отъ нея результатъ мало, а главное сумма, то вѣдь не Богъ вѣсть какая; а тутъ еще пойдутъ расходы, пошлины, плата адвокату и т. д. Лучше покориться судьбѣ и достать деньги къ сроку; а тамъ, можетъ быть, и приставъ смиростивится и хотъ маленькую сдѣластъ уступку. Тѣмъ дѣло и кончается, и благодаря всему этому, двадцать уже лѣтъ у насъ, въ сферѣ охранительной дѣятельности судебныхъ приставовъ, царствуетъ возмутительнѣйшая эксплуатація, безпримѣрное злоупотребленіе, краткому разбору конихъ мы и посвящаемъ настоящую статью.

Начнемъ разборъ нашъ съ отвѣта на упрекъ, какой по поводу только что сказаннаго намъ могъ бы быть сдѣланъ. Именно: намъ могутъ указать на то, что *dura lex, sed lex* и что, поэтому, какъ бы непріятно или даже тяжело и жестоко ни отзывалось все охранительное производство на членахъ семьи покойнаго, тѣмъ не менѣе вѣдь принятіе всѣхъ этихъ мѣръ необходимо и по закону и по справедливости, ради охраны интересовъ отсутствующихъ наследниковъ; что хотя судебный приставъ и является иногда, такъ сказать, не во время, и представляетъ изъ себя крайне непріятнаго гостя, но это необходимость неизбежная, ибо явись онъ позже и масса наследственнаго имущества можетъ быть скрыта или похищена.

Для того, чтобы отвѣтить на эти возраженія, прежде всего справимся съ закономъ, предписывающимъ принятіе охранительныхъ мѣръ, чтобы уяснить себѣ: когда и въ какомъ видѣ мѣры эти дѣйствительно необходимы, законны и полезны.

Согласно 1225 ст. X т. 1 ч., охранительныя мѣры, принимаемы послѣ открытія наслѣдства, въ обезпеченіе правъ наслѣдниковъ, заключаются: 1) въ *описи* оставшагося послѣ смерти имѣнія; 2) въ *опечатаніи и сбереженіи* онаго и 3) въ *вызовѣ* наслѣдниковъ. Затѣмъ, согласно 1239 ст. X т. 1 ч. и 1401 ст. уст. гр. суд., *вызовъ наслѣдниковъ* дѣлается не всегда, а лишь въ точно опредѣленныхъ трехъ случаяхъ, а именно: 1) когда *всѣ или нѣкоторые* наслѣдники находятся *въ отсутствіи*; 2) когда послѣ умершаго остались вѣлады въ кредитныхъ учрежденіяхъ; 3) когда остались вещи, заложенные въ ссудныхъ кассахъ. Что же касается *описи, опечатанія и сбереженія*, то, согласно 1403 ст. уст. гр. суд., мѣры эти, по распоряженію мѣстнаго мирового судьи, принимаетъ судебный приставъ, съ точнымъ однакожъ примѣненіемъ 1226 ст. X т. 1 ч., на основаніи коей, а также и слѣдующей за ней 1227 ст., *опись, опечатаніе и сбереженіе* оставшагося послѣ умершаго имущества *производится только и исключительно въ двухъ случаяхъ*: 1) когда при открытіи наслѣдства *наслѣдниковъ вовсе нѣтъ* (т. е. никого изъ нихъ) и 2) когда имущество должно поступить въ опекуное управленіе. Слѣдовательно, разъ *кто либо изъ наслѣдниковъ находится нѣтъ*, хотя бы это былъ одинъ человѣкъ, и хотя бы отсутствовало десять другихъ наслѣдниковъ, законъ все наслѣдственное имущество *въвѣряетъ, безъ всякихъ описей и опечатаній*, на сбереженіе сему наслѣднику, на личную его предъ другими соваслѣдниками отвѣтственность, а только для извѣщенія отсутствующихъ наслѣдниковъ объ открывшемся наслѣдствѣ дѣлается *вызовъ* ихъ чрезъ публикаціи. Поэтому, всякое появленіе судебного пристава въ домъ умершаго, когда онъ умеръ не одинокимъ, а въ своей семьѣ, и ненужно и противозаконно: онъ долженъ являться туда лишь тогда, когда нѣтъ нѣтъ *нѣтъ* наслѣдника, т. е. когда покойный умеръ одинокимъ, окруженный лишь посторонними лицами. Но тогда, дѣйствительно, нужна самая экстренная поспѣшность, такъ какъ, конечно, достаточно нѣсколькихъ часовъ, а иногда даже нѣсколькихъ минутъ, для того, чтобы самыя цѣнныя, оставшіяся послѣ умершаго вещи, были утаены или похищены.

Отвѣтивъ, такимъ образомъ, на вопросъ о томъ: *когда* должны приниматься по закону охранительныя мѣры, мы переходимъ къ другому вопросу, а именно къ вопросу: — *въ чемъ* должны состоять эти охранительныя мѣры?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ 2-хъ вышепоименованныхъ уже нами статьяхъ 1403 ст. уст. гр. суд. и 1225 ст. X т. 1 ч. По содержанію обѣихъ этихъ статей *охранительныя мѣры* имѣютъ цѣлю *охранить* имущество въ обезпеченіе правъ наслѣдниковъ. Поэтому они должны состоять въ такихъ дѣйствіяхъ судебного пристава, который именно были бы направлены прямо къ достиженію этой цѣли, но только этой, а не какихъ либо еще другихъ цѣлей. Такими мѣрами могутъ, согласно приведенныхъ узаконеній, быть: *опись* наслѣдственного имущества, *опечатаніе* оного во избѣжаніе подмѣна и отдача на *сохраненіе*, т. е. на *сбереженіе* специально для этого избранному лицу или въ особо отведенномъ для сего помѣщеніи. Съ принятіемъ этихъ мѣръ ни единая вещь не пропадетъ и не утратится: что же касается тлѣвыхъ вещей, подверженныхъ скорой порчѣ, то эти вещи — но только эти, а не какія либо другія, могутъ и должны быть проданы съ аукціона, опять, конечно, въ обезпеченіе интересовъ наслѣдниковъ, такъ какъ иначе вещи эти не только утратили бы всю свою цѣнность и сдѣлались бы вполнѣ негодными, но могли причинить вредъ и другимъ вещамъ. Но чтобы кромѣ только что поименованныхъ охранительныхъ мѣръ законъ разрѣшалъ принимать еще *какія либо другія*, какъ-то *оцѣнку* или *продажу* всѣхъ вещей, входящихъ въ составъ наслѣдственного имущества, этого ни изъ названныхъ нами, ни изъ какихъ либо другихъ статей X т. и устава гр. суд. положительно невидно. Разъ имущество *охранено*, т. е. *описано*, *опечатано* и *отдано на сбереженіе*, то ужъ *приведеніе въ извѣстность стоимости его*, для охраны интересовъ наслѣдниковъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть ровно никакого значенія. Въ чемъ оно заключается и какова бы ни была его стоимость, они получаютъ сіе имущество въ полности и сохранности, и тогда, въ случаѣ раздѣла, оцѣняютъ оное указаннымъ на сей случай въ законѣ способомъ. *Продажа* же всего, или хотя бы части наслѣдственного имѣнія, кромѣ лишь случая выше нами указаннаго, т. е. когда въ составъ имущества входятъ подвергающіеся скорой порчѣ предметы, составляла бы такого рода вопіющій произволъ, котораго никакими соображеніями и мотивами оправдать нельзя и немыслимо.

Чѣмъ же, однакожъ, объяснить ту ретивость и энергію, съ какою состоящіе при мировыхъ сѣздахъ судебныя пристава приступаютъ къ принятію охранительныхъ мѣръ, энергію, доходящую до того, что въ опись вносятся масса вещей, не принадлежащихъ

покойному; что кромѣ описи, опечатанія и сбереженія, они задаютъ себѣ трудъ оцѣнивать все описанное — то самолично, то при участіи постороннихъ, нарочно для сего приглашенныхъ цѣновѣдцевъ; что, наконецъ, къ принятію охранительныхъ мѣръ, вопреки буквальному смыслу 1226 ст., они приступаютъ не только тогда, когда нѣтъ налицо никого изъ наслѣдниковъ, но и тогда, когда наслѣдники присутствуютъ, нѣкоторые или даже всѣ? Объясняется все это крупнымъ недоразумѣніемъ, которое съ покойной совѣстью можно бы назвать однимъ изъ видовъ погони за легкой наживой. Ретивость эта объясняется тѣмъ именно обстоятельствомъ, что судебные пристава почему-то вообразили, что за всѣ эти дѣйствія они должны получать вознагражденіе и что вознагражденіе это, согласно таксѣ, установленной для судебныхъ приставовъ, за исполненіе ими разныхъ служебныхъ дѣйствій, предпринимаемыхъ по требованію заинтересованныхъ въ томъ лицъ, должно и здѣсь, т. е. и за дѣйствія, предпринимаемая ими безъ всякой просьбы о томъ частныхъ лицъ, соразмѣряться со стоимостью того имущества, по отношенію къ коему дѣйствія эти ими предпринимаются. Чѣмъ имущества окажется болѣе, т. е. чѣмъ на большую сумму оно будетъ оцѣнено, тѣмъ вознагражденіе по таксѣ выйдетъ крупнѣе. Вотъ теперь намъ ясно, почему въ описи попадаетъ масса вещей третьихъ лицъ, а иногда и наслѣдниковъ. Не интересы наслѣдниковъ и охрана ихъ правъ играютъ тутъ первенствующую роль, а интересъ судебного пристава

Но къ сожалѣнію, притязанія эти лишены всякаго основанія. Мы уже говорили выше, что оцѣнка здѣсь является операціею совершенно ненужною; но такъ какъ она производится судебными приставами съ исключительною цѣлью нормировать съ суммой этой оцѣнки размѣръ своего вознагражденія, то прежде всего мы остановимся на вопросѣ: имѣютъ-ли судебные пристава право на какое либо вообще вознагражденіе за охранительныя дѣйствія? Для этого мы опять обратимся къ закону. Согласно 1006 (312) и 1702 (61) ст. свода общихъ губ. учрежд. (свод. зак. 1876 г. т. II ч. 1), судебные пристава *получаютъ жалованіе по штату*, а согласно 1007 (313) и 1704 ст. того же закона, они, кромѣ того, за отдѣльныя свои служебныя дѣйствія, получаютъ особое вознагражденіе, въ размѣрѣ, опредѣленномъ особою таксою. Въ кругъ дѣйствій судебныхъ приставовъ входятъ, съ одной стороны, такіа, которыя они обязаны предпринимать *по требованію или вслѣдствіе просьбы частныхъ*

лицъ, обращенныхъ или непосредственно къ нимъ (какъ вводъ во владѣніе, дѣйствія по взысканію и вообще исполненіе судебныхъ рѣшеній), или обращенныхъ къ судебному мѣсту, по предписанію сего послѣдняго (какъ врученіе повѣстокъ, копій и т. д.). Такъ какъ исполненія этихъ дѣйствій *желаетъ* частное лицо само и оно *заинтересовано* въ болѣе скоромъ и акуратномъ ихъ исполненіи, то оно и *платитъ* за сіе судебному приставу *вознагражденіе по таксъ* и платитъ, конечно, впередъ, такъ какъ иначе судебный приставъ не обязанъ предпринимать сихъ дѣйствій. Съ другой стороны, на судебныхъ же приставахъ, какъ на должностныхъ лицъ, *состоящихъ на государственной службѣ и получающихъ за сіе жалованіе по штату*, возложены закономъ и *другія дѣйствія и обязанности*, которыхъ исполненія никто изъ частныхъ лицъ *не требовалъ и не просилъ* о томъ ни судебное мѣсто, ни лично судебного пристава. Вотъ эти всѣ дѣйствія судебные пристава, какъ лица, получающія жалованье, обязаны исполнять *безвозмездно, безъ всякаго особаго вознагражденія*. Сюда относятся: дежурство въ судебныхъ засѣданіяхъ, представленіе отчетовъ, веденіе книгъ, *производство охранительныхъ описей* и т. п. Что это дѣйствительно такъ, то это видно еще и изъ 15 п. Высочайше утвержденной таксы для судебныхъ приставовъ, согласно которому положенное по сей таксѣ вознагражденіе судебные пристава *получаютъ съ того лица, по требованію котораго какое либо дѣйствіе приставомъ исполнено*. Съ кого же получать вознагражденіе за исполненіе такихъ дѣйствій, исполненія коихъ *никто и никогда не требовалъ*, а которыя судебный приставъ исполнялъ по непосредственному предписанію начальства? Очевидно,—ни съ кого. Если я чего либо желаю, то зная впередъ, что за исполненіе моего желанія слѣдуетъ плата тому или другому лицу—я ее охотно вношу. Но за что же требовать съ меня, наследника, платы, когда я принятія охранительныхъ мѣръ никогда не просилъ, а они приняты безъ моего вѣдома и помимо моей воли, по прямому указанію указанію закона? Что я имѣю право желать и требовать, того, конечно, могу и не требовать: это всецѣло зависить отъ меня, отъ доброй моей воли, а также и отъ моихъ средствъ, ибо не имѣя, напримѣръ, денегъ на расходы, я не буду просить о вводѣ меня во владѣніе. Но чтобы должностное лицо имѣло право взыскивать съ меня за то, что оно исполнило по долгу своей службы, а не по моему требованію и за что, конечно

получаетъ жалованье — съ этимъ трудно помириться, да и законы наши нигдѣ не установили подобнаго принципа.

Поэтому мы и приходимъ къ заключенію, что всякое требованіе судебнымъ приставамъ вознагражденія за принятіе имъ охранительныхъ мѣръ, есть безусловное злоупотребленіе. Конечно, не сравненно болѣе вопіющимъ злоупотребленіемъ будетъ составленіе для увеличенія размѣра сего вознагражденія, фиктивныхъ, никому ни на что ненужныхъ оцѣнокъ, со включеніемъ въ опись чужаго имущества, съ оцѣнкою процентныхъ бумагъ, или же разныхъ, немѣющихся стоимости, старинныхъ росписокъ и контрактовъ и т. п. Если же для возмѣщенія себя за эти оплаченные уже жалованьемъ дѣйствія судебный приставъ осмѣлился бы назначать въ продажу часть или все имущество, оставшееся послѣ умершаго, то такое съ его стороны распоряженіе о взысканіи въ свою пользу неслѣдующихъ ему денегъ, за дѣйствія, исполненія коихъ частное лицо не требовало, будетъ уже явно преступнымъ самоуправствомъ, должен ствующимъ влечь за собою строгую уголовную отвѣтственность. Да и вообще продажи наслѣдственнаго имущества съ аукціона наши законы не предусматриваютъ. Согласно 2 примѣчанія къ 1500 ст. X т. 1 ч. публичная продажа можетъ быть произведена лишь вслѣдствіе частныхъ или казенныхъ взысканій; о томъ же, чтобы судебный приставъ могъ продавать наслѣдственное имущество для возмѣщенія своего яко-бы слѣдующаго ему вознагражденія, хотя бы даже на сіе послѣдовало согласіе наслѣдниковъ — законъ ничего и нигдѣ не говоритъ и подобныхъ продажъ нигдѣ не устанавливаетъ.

Вотъ почему всѣ эти составляемыя, безъ явной къ тому необходимости, описи, при наличности наслѣдниковъ, всѣ эти оцѣнки, угрозы продажъ или невыдачей наслѣдственнаго имущества до уплаты вознагражденія и т. д. мы и считаемъ такого рода дѣятельностью судебныхъ приставовъ, которую справедливо назвать можно царствомъ самоуправства, эксплуатаціей во имя яко-бы закона. Къ несчастію, примѣры подобнаго рода явнаго злоупотребленія слишкомъ часты и это то главнымъ образомъ и заставило насъ заняться ихъ изслѣдованіемъ.

У насъ подъ руками цѣлая масса подлинныхъ документовъ, въ совершенствѣ иллюстрирующихъ всѣ разные эпизоды изъ жизни этого самоуправнаго царства, изъ той сферы дѣятельности судебныхъ приставовъ, которая именуется въ законѣ „принятіемъ охранитель-

ныхъ мѣръ по отношенію къ оставшемуся послѣ умершаго лица наслѣдственному имуществу“¹⁾).

Что же мы видимъ изъ лежащихъ передъ нами документовъ?

Прежде всего видимъ, что кромѣ описи всего наслѣдственного, какъ движимаго, такъ равно и недвижимаго имущества, судебный приставъ производить и оцѣнку сего имущества, именно: въ особѣй графѣ онъ отмѣчаетъ цѣну, т. е. предполагаемую стоимость каждаго описаннаго предмета. при чемъ для производства сей оцѣнки приставъ прибѣгаетъ къ крайне интересной интерпретаціи закона. Согласно 1001, 1118 и 1122 ст. у. гр. суд. цѣну имущества, описываемаго при взысканіяхъ за долги опредѣляетъ взыскатель, въ случаѣ же спора противъ сей оцѣнки со стороны должника—оцѣнка производится чрезъ свѣдущихъ людей, на счетъ лица, заявившаго споръ. Встрѣтивъ на пути своихъ охранительныхъ мѣропріятій такой существенный камень преткновенія, судебный приставъ, считающій во чтобы то ни стало необходимымъ произвести оцѣнку, такъ какъ, по его понятію, отъ суммы сей оцѣнки зависить размѣръ его вознагражденія за охранительныя дѣйствія—толкуетъ законъ сей такимъ своеобразнымъ способомъ: такъ какъ въ описи при взысканіяхъ за долги опись и оцѣнка для предстоящей публичной продажи производится по требованію взыскателя и дѣйствія сіи производятся при участіи какъ его, такъ и должника, то въ случаѣ ихъ спора о цѣнѣ описаннаго имущества, споръ этотъ разрѣшается свѣдущими людьми. При охранительной же описи ни взыскателя, ни должника, нѣтъ, спора никто не заявляетъ—стало быть и разрѣшать оный чрезъ свѣдущихъ людей нѣтъ надобности. А посему такимъ свѣдущимъ человекомъ судебный приставъ признаетъ себя самого и въ качествѣ такового производить оцѣнку разнокалиберному имуществу или просто по вдохновенію свыше, или же—и это бываетъ большею частью—какъ можно дороже, такъ какъ чѣмъ больше выйдетъ по оцѣнкѣ сумма наслѣдственного имущества, тѣмъ больше приставу придется получить вознагражденія за его охранительныя дѣйствія. И умно и хорошо! Что же касается до акцій, облигацій, билетовъ и всякихъ цѣнныхъ процентныхъ бумагъ, то бумаги сіи вносятся въ опись тоже съ оцѣнкой, произведенной судебнымъ же приставомъ, вопреки

¹⁾ *Прим. редакціи.* Документы эти, въ засвидѣтельствованныхъ нотаріальнымъ порядкомъ копіяхъ, находятся въ редакціи.

ясному и точному смыслу 986 ст. у. гр. суд., согласно которой въ описи такихъ бумагъ означаетъ прямо нарицательная ихъ цѣна и они никакимъ уже переоцѣнкамъ не подлежатъ. Затѣмъ, въ опись вносятся еще всякаго рода долговые росписки, договоры, обязательства, въ томъ числѣ и такіе, которые уже потеряли всякую силу или лежатъ безъ движенія вслѣдствіе полной несостоятельности и неблагонадежности выдавшихъ оныя лицъ. Все это присоединяется къ наслѣдственной массѣ и оцѣнивается приставомъ по суммѣ актовъ, для взысканія и за сіе вознагражденія по таксѣ. Но кромѣ росписокъ и обязательствъ, по которымъ что либо слѣдуетъ получить покойному, въ опись вносятся и всякія другія росписки, хранящіяся у него и доказывающія исполненіе и уплату имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, а иногда чуть ли не въ теченіи всей его жизни обязательства по отношенію къ третьимъ лицамъ: тутъ могутъ оказаться и росписки хозяина квартиры за полученныя съ покойнаго въ теченіи многихъ лѣтъ платежи и росписки церковнослужителей въ полученіи ими отъ покойнаго нѣсколькихъ тысячъ рублей за поминованіе души его родителей и росписки его довѣрителей въ полученіи съ него, какъ съ повѣреннаго, взысканныхъ имъ на основаніи довѣренности съ третьихъ лицъ денегъ и т. д. и т. д. Все это считается наличнымъ имуществомъ покойнаго и обремененная такою массою несуществующаго имущества опись—по оцѣнкѣ онаго служить тѣмъ не менѣе для судебного пристава основаніемъ при полученіи за все это вознагражденія. Далѣе мы встрѣчаемся и съ такими явленіями, что недвижимому имуществу составляется особая опись съ оцѣнкой онаго, и движимому—особая, тоже съ оцѣнкой. при чемъ въ число движимыхъ вещей помѣщена и купчая крѣпость и другіе крѣпостные документы, относящіеся къ описанному уже и оцѣненному въ первой описи недвижимому имуществу и всѣмъ этимъ документамъ показана цѣна, согласно означеннымъ въ нихъ суммамъ. При такомъ порядкѣ купленный за 20000 р. домъ и купчая на него оцѣниваются приставомъ вмѣстѣ въ 40000 р. съ каковой суммы, т. е. со стоимости оцѣненнаго такимъ способомъ наслѣдственнаго имущества и взымается затѣмъ вознагражденіе по таксѣ. Но этого мало: въ опись самопроизвольно вносятся очень часто имущество, никогда наслѣдодателю, т. е. покойному, не принадлежавшее, а составляющее собственность самого наслѣдника, или лицъ постороннихъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ уѣздовъ Тульской губерніи умеръ недавно богатый

помѣщикъ, жившій временно въ большомъ имѣніи своего дяди и имъ управлявшій. По предписанію мирового судьи судебный приставъ, въ отсутствіи собственника имѣнія, проживающаго кажется за границей, и несмотря на протестъ служащихъ, что имѣніе это принадлежит не покойному племяннику, а живому его дядѣ, тѣмъ не менѣе имѣніе это описалъ и, не получивъ слѣдующихъ ему по расчету за опись нѣсколькихъ сотъ рублей, назначилъ въ продажу часть описаннаго зерноваго хлѣба. Протестующему противъ сего управляющему имѣніемъ мировой судья объяснилъ, что онъ предпишетъ снять арестъ лишь по представленіи ему крѣпостныхъ на имѣніе документовъ, чего управляющій, по всей вѣроятности потому, что эти документы у него въ рукахъ не находились, а могли быть представлены въ какое либо присутственное мѣсто или находиться въ кредитномъ учрежденіи для залога имѣнія, исполнить не могъ. А по какому праву мировой судья, безъ всякихъ документовъ, назвалъ это имѣніе собственностью покойнаго—это такъ и осталось неразрѣшеннымъ.

Покончивъ съ описью и оцѣнкой, судебные пристава описанное имущество частью сдаютъ на храненіе самимъ же наслѣдникамъ, частью же (какъ напр. процентныя бумаги) отсылаютъ въ кредитныя учрежденія. Затѣмъ, послѣ утвержденія наслѣдниковъ въ правахъ наслѣдства, обратно получаютъ отъ нихъ, какъ отъ хранителей, хранимое и отдаютъ таковое имъ, уже какъ наслѣдникамъ. Понятно, что всѣ эти сдачи и передачи фигурируютъ лишь на бумагахъ, ибо въ дѣйствительности ни одна вещь не трогается съ мѣста и все, съ перваго дня охранительныхъ дѣйствій и по день мнимой обратной передачи имущества наслѣднику, находится въ распоряженіи сего послѣдняго; главная же и единственная цѣль всѣхъ этихъ мытарствъ—полученіе по возможности большей суммы, слѣдующаго яко-бы по таксѣ за всѣ эти охранительныя дѣйствія судебному приставу вознагражденія.

Вотъ посмотримъ теперь, какъ на основаніи такъ составленныхъ бумагъ, т. е. описей, оцѣнокъ и журналовъ, высчитывается судебнымъ приставомъ вознагражденіе по таксѣ.

Для большей рельефности мы попросимъ у читателей разрѣшенія объяснить сказанное на примѣрѣ. Умираетъ, положимъ, въ Москвѣ или въ Петербургѣ хоть какой нибудь присяжный повѣренный Z. Въ теченіе всей своей 25-ти лѣтней адвокатской практики онъ все время жилъ въ домѣ своего тестя старика, живущаго

почти безотлучно за границей и уплачивалъ по 1000 руб. въ годъ за квартиру. Въ качествѣ повѣреннаго тестя, онъ заключалъ арендные договоры съ жильцами въ домѣ сего послѣдняго, стоящемъ, примѣрно, около 30,000 руб. У самого Z въ Московской губерніи было имѣніе, т. е. одна незаселенная земля, купленная за 12,000 руб., которую онъ и сдавалъ въ аренду разнымъ лицамъ на разные сроки въ теченіи 20 лѣтъ и получалъ по 1000 руб. въ годъ арендной платы. Имѣніе это заложено въ банкѣ въ 6000 р. и подъ вторую закладную въ частныя руки въ 4000 руб. Кромѣ того у Z, съ давняго времени, лежали векселя разныхъ лицъ на сумму 20,000 рублей, которыхъ онъ ко взысканію не предъявлялъ за полную несостоятельностью векселедателей. Предполагая, что Z, какъ присяжный повѣренный, имѣлъ среднимъ числомъ годового дохода 5000 руб. и что среднимъ онъ съ взысканной суммы получалъ 5% гонорару—окажется, что въ теченіи 25 лѣтъ онъ передавалъ довѣрителямъ своимъ взысканныхъ съ разныхъ лицъ денегъ 2,500,000 руб. При каждой выдачѣ денегъ онъ получалъ съ довѣрителя росписку и, какъ человѣкъ аккуратный, всѣ эти росписки хранилъ въ особомъ портфель, какъ оправдательные документы акуратнаго расчета съ довѣрителями. Вдругъ Z неожиданно умираетъ и въ квартиру его является судебный приставъ для составленія охранительной описи. Прежде всего, согласно предписанія мирового судьи, считавшаго почему то Z за собственника дома, въ которомъ онъ жилъ, судебный приставъ описываетъ этотъ домъ и оцѣниваетъ его въ 30,000 руб. Затѣмъ въ опись недвижимости вносится еще земля Z, оцѣненная въ 12,000 руб. Слѣдовательно:

1) домъ 30,000 руб.

2) земля 12,000 руб.

всего недвижимаго имущества на 42,000 руб.

Затѣмъ, въ опись движимости, судебный приставъ вноситъ:

1) 25 росписокъ въ платежъ за квартиру по 1000 руб. каждая, 25,000 руб.

2) Купчая крѣпость на землю, планъ и межевыя книги 12,000 руб.

3) 7 контрактовъ объ арендѣ на землю, всего за 20 лѣтъ, на сумму 20,000 руб.

4) векселей разныхъ лицъ на сумму 20,000 руб.

5) росписки разныхъ лицъ въ полученіи отъ Z денегъ, всего на сумму 2,500,000 руб.

6) мебель и другія вещи, всего на сумму 2000 руб.

7) наличными деньгами 1000 руб.

а всего движимаго имущества на сумму 2,580,000 руб.

всего же движимаго и недвижимаго имущества на сумму 2,622,000 руб.

Съ каковой суммы судебному приставу за опись и оцѣнку при-
дется заплатить 2656 руб. 50 коп.

Вотъ здѣсь то и видно все значеніе оцѣнки внесенныхъ въ опись и въ сущности часто ничего нестоющихъ предметовъ, какъ напр. разные росписки, контракты и т. д. Согласно пункта а ст. 2 таксы для судебныхъ приставовъ, за производство описи движи-
маго имущества, когда вмѣстѣ съ симъ произведена и оцѣнка, сумма вознагражденія, слѣдующаго судебному приставу, опредѣ-
ляется приблизительно въ 0,1% съ суммы оцѣнки Поэтому, оцѣ-
нивъ все движимое имущество въ 2,580,000 руб., приставъ счелъ
себя вправе требовать за опись и оцѣнку 2622 руб. 50 коп. и
за опись и оцѣнку недвижимаго имущества 34 р., а всего 2656 р.
50 к. Если же, напротивъ, опись произведена была бы имъ безъ
оцѣнки, то къ ней онъ долженъ былъ примѣнить уже не пунктъ
а ст. 2, а пунктъ б, согласно которому, когда цѣна имущества не
приведена въ извѣстность, то съ каждаго нумера описи, т. е. съ
цѣлой группы одинаковыхъ предметовъ, судебному приставу слѣ-
дуетъ отъ 3 до 5 копѣекъ, такъ что въ данномъ случаѣ все воз-
награжденіе пристава за опись движимости сводились бы до нѣ-
сколькихъ рублей. Конечно, пріятнѣе получить не 5 рублей, а
2600, потому судебные пристава весьма ревностно приводятъ въ
извѣстность стоимость цѣнныхъ бумагъ и документовъ, въ коихъ
сумма ихъ прямо прописана, и суммой этой означаютъ оцѣнку
предметовъ, каковымъ способомъ и получилась въ данномъ случаѣ
баснословная сумма 2,622,000 руб.

Между тѣмъ, провѣряя всѣ пункты описи окажется, что все
имущество Z составляетъ:

1) земля, стоящая 12,000 р., заложенная въ 10,000 р., 2000 р.	
2) мебель, вещи и наличныя деньги	3000 р.
	итого 5000 р.

Изъ коихъ судебному приставу нужно отдать 2656 руб. 50 коп.,
т. е. больше половины этой суммы за одну лишь опись и оцѣнку,
не считая еще платы за храненіе, передачи, пересылки и т. д.

А что нашъ примѣръ не выдумка, не плодъ фантазіи, а результатъ наблюденій за тѣми фактами, которые проходятъ передъ нашими глазами чуть не ежедневно, вотъ вамъ въ доказательство подлинный документъ, имѣющійся у насъ въ рукахъ.

Документъ этотъ, озаглавленный удостовѣреніемъ, въ сущности составляетъ счетъ, выданный судебнымъ приставомъ Тульского мирового съѣзда наслѣднику одного богатаго лица, для того, чтобы онъ, наслѣдникъ, могъ знать, сколько за охранительныя дѣйствія ему придется заплатить судебному приставу ¹⁾. Знать это необходимо было наслѣднику потому, что безъ уплаты этихъ денегъ судебный приставъ не приступалъ къ снятію охранительныхъ мѣръ, т. е. не получалъ цѣнныхъ бумагъ изъ банка, не снималъ печатей съ движимостей и т. д., а казенная палата, въ виду неплатежа пошлинъ съ наслѣдства, насчитывала за все время пеню; заплатить же пошлины представлялось затруднительнымъ, такъ какъ всѣ деньги положены въ банкъ, а у наслѣдника другихъ наличныхъ денегъ не оказалось. Вотъ подлинное содержаніе (съ соблюденіемъ даже орфографіи) этого памятнаго и крайне интереснаго документа: „Выдано сіе удостовѣреніе Тульскому купцу В. въ томъ, что слѣдуетъ съ суммы 911,655 руб. за составленную опись у умершаго К. именно: за 500 руб.—4 руб., свыше 500 руб. до 5 т. руб. 20 руб. за 5 т. руб. сверхъ 5 т. руб. до 25 т. руб. 40 руб. свыше 25 т. руб. за *каждые 100 руб. по 80 коп.* что составитъ 7049 руб. 24 коп.; къ нему прибавить 60 руб. всего 7109 р. 24 к.; за передачу на храненіе въ банкъ билетовъ и долговыхъ обязательствъ въ судъ, по 80 коп. за каждые 5 т. руб., что составитъ 145 руб.; за передачу обратно согласно уже утвержденія наслѣдниковъ 134 руб.; за копіи въ казенную палату 3 листовъ 60 коп. для видимости сколько нужно заплатить согласно его просьбы В. съ провѣрки сего счета. Апрѣля 26 дня 1884 г.“ Слѣдуетъ подписъ судебного пристава.

Но для того, чтобы уяснить себѣ сколько нибудь эту крайне безграмотно составленную, но тѣмъ не менѣе удостовѣряющую желаніе пристава получить слишкомъ семь тысячъ рублей, бумагу, необходимо обратиться къ описямъ, составленнымъ судебнымъ приставомъ имуществу покойнаго К. ²⁾. Изъ копій сихъ описей видно,

¹⁾ *Прим. редакціи.* Копія съ сего счета имѣется въ редакціи.

²⁾ *Прим. редакціи.* Нот. копія съ описи имѣется въ редакціи.

что оставшееся послѣ смерти К. имущество состояло почти исключительно изъ цѣнныхъ процентныхъ бумагъ, а именно: разныхъ билетовъ и акцій, всего на сумму около 900,000 рублей. Всѣ эти бумаги, а равно векселя и другія обязательства, а также росписки объ уплаченныхъ уже разнымъ лицамъ покойнымъ деньгахъ, внесены въ опись съ оцѣнкой, т. е. съ отмѣткою въ соответствующей графѣ, что имущество оцѣнено во столько-то. Мы уже знаемъ для чего вся эта операція оцѣнки денежныхъ знаковъ понадобилась судебному приставу. Это ему было необходимо для того, чтобы при опредѣленіи суммы вознагражденія за охранительныя дѣйствія имѣть возможность примѣнить пунктъ а 2 ст. таксы для судебныхъ приставовъ, на основаніи котораго за производство описи движимаго имущества, когда вмѣстѣ съ симъ произведена и оцѣнка, вознагражденіе приставу, производившему опись, нормируется соразмѣрно со стоимостью имущества по оцѣнѣ и при стоимости имущества около 900,000 руб. оно выразилось бы крупной суммой около 900 р. Между тѣмъ, если бы, согласно 986 ст. уст. гражд. суд., внести въ опись цѣнныя бумаги лишь съ означеніемъ нарицательной ихъ цѣны, т. е. не дѣлая имъ особой оцѣнки, то пришлось бы примѣнить пунктъ б той же 2 статьи таксы, согласно которому вознагражденіе приставу опредѣляется по 3—5 коп. съ каждаго нумера описи. А такъ какъ совершенно одинаковые предметы вносятся подъ одинъ общій номеръ, то вознагражденіе въ семъ послѣднемъ случаѣ выразилось бы небольшою суммой въ рубль съ копейками. Вотъ поэтому судебный приставъ и напелъ возможнымъ сдѣлать невозможное: оцѣнить нецѣнимое, ибо какъ же въ самомъ дѣлѣ оцѣнивать акцію въ 500 рублей, когда на ней прямо такъ и напечатана цифра 500? Но вѣдь и невозможное дѣлается возможнымъ, когда въ результатъ предвидятся сотни рублей вмѣсто грошей. А 900 р.—какъ хотите—для судебного пристава все таки сумма весьма приличная.

Нашему судебному приставу сумма эта показалась, однакожъ, слишкомъ скромнымъ вознагражденіемъ за получасовой его трудъ переписки въ опись номеровъ акцій и билетовъ ¹⁾ и онъ по ошибкѣ

¹⁾ Хотя въ описи значится, что она началась въ 5 час. 30 июня и окончена „до слѣдующаго дня въ 9 час.“ (?), но насколько можно довѣрять этому указанію времени, когда производилась будто опись, мы можемъ судить изъ копій 2-хъ описей того же пристава по другому дѣлу, гдѣ говорится: въ одной—что описъ

(какъ то потомъ показалъ въ объясненіи, поданномъ имъ испр. должность предсѣдателя сѣзда, вслѣдствіе принесенной на него жалобы), несмотря на свою болѣе чѣмъ 10-ти лѣтнюю практику въ должности судебного пристава, высчиталъ вознагражденіе не по общей таксѣ, установленной для судебныхъ приставовъ общихъ судебныхъ мѣстъ, не по уменьшенной таксѣ, установленной для даннаго мирового округа земскимъ собраніемъ, а по Высочайше утвержденной 24 мая 1871 г. специальной таксѣ, установленной для судебныхъ приставовъ, состоящихъ при мировыхъ сѣздахъ *области войска Донскаго*. Перелистывая судебные уставы, изданія Анисимова. 1877 г., съ приложеніями, онъ совершенно случайно открылъ именно ту страницу, гдѣ помѣщалась сія послѣдняя такса, и, несмотря на свою столь продолжительную практику, несмотря на то, что таксу свою ему бы слѣдовало знать кажется наизусть, и, по крайней мѣрѣ, знать съ точностью гдѣ, т. е. на какой страницѣ устава, найти ее—онъ таксу эту принялъ за настоящую и, сообразно съ ней, составилъ счетъ, или, какъ онъ называлъ его, удостовѣреніе. Такса же для земли войска Донскаго имѣла то замѣчательное *преимущество* предъ общей таксой, что, по удивительному стеченію обстоятельствъ, въ нее *вкралась маленькая опечатка*, состоящая въ томъ, что по этой таксѣ за опись и оцѣнку движимаго имущества, цѣна коего превышаетъ 25000 р., слѣдуетъ вознагражденія въ пользу судебного пристава за каждые *сто* рублей свыше 25000 *по 80 коп.* между тѣмъ какъ *80 коп.* слѣдуетъ за каждую *тысячу* свыше 25000. Такимъ образомъ опечатка состояла въ напечатаніи числа *100* вмѣсто *1000*, т. е. *въ пропущеніи одного нуля*, что, конечно, всякому, даже неопытному лицу, сейчасъ невольно бросалось въ глаза при сравненіи этого пункта съ другими пунктами той же таксы. Почему такъ коварно открылась книжка судебного пристава какъ разъ на этой злосчастной страницѣ, на которой пропечатана съ опечаткой въ нуль такса для судебныхъ приставовъ области войска Донскаго—мы объяснить не умѣемъ; не потому ли, впрочемъ, что судебный приставъ, въ теченіи столь многолѣтней практики, эту именно таксу всегда и примѣнялъ при опредѣленіи своего вознагражденія за

недвижимаго имущества началась въ 9 часовъ и окончилась въ 4 часа и въ другой—что опись движимаго имущества тоже началась въ 9 и окончилась въ 4 ч. въ одинъ и тотъ же день. Какъ это такъ одновременно производились описи съ оцѣнками—это должно быть известно лишь одному судебному приставу.

охранительныя дѣйствія, нисколько не подозрѣвая, что въ ней существуетъ ошибка, вызывающая увеличеніе суммы его вознагражденія *чуть ли не въ десять разъ* противъ надлежащаго размѣра.

Во всякомъ случаѣ мы этотъ вопросъ оставляемъ открытымъ, а констатируемъ лишь одинъ голый фактъ, такъ какъ фактъ этотъ исполнѣ разясняетъ намъ—а это для насъ самое существенное—происхожденіе въ удостовѣреніи пристава суммы 7049 руб. 24 коп.

Что, засимъ, означаютъ въ томъ же удостовѣреніи слова „къ нему прибавить 60 руб., всего 7109 руб. 24 к.“—мы догадаться не можемъ: къ кому прибавить 60 руб.; за что ихъ прибавить?—приставъ въ удостовѣреніи не объясняетъ, а лишь удостовѣряетъ дальше, что за передачу въ банкъ на храненіе билетовъ и въ окружный судъ долговыхъ обязательствъ ему слѣдуетъ по 80 коп. за каждую тысячу (хорошо, что опять не за каждую *сотню!*), а всего 145 руб. и за передачу всѣхъ цѣнныхъ бумагъ обратно наслѣдникамъ—134 рубл. Чтобы уяснить себѣ, откуда образовалась разница въ 11 р. руб. между суммой денегъ, требуемыхъ за передачу цѣнныхъ бумагъ въ банкъ и документовъ въ судъ, и суммой денегъ, требуемыхъ за выдачу тѣхъ же цѣнностей наслѣдникамъ, мы должны сказать, что въ окружный судъ документы представлялись судебнымъ приставомъ по свидѣтельству сего суда, для учиненія на нихъ соотвѣтственныхъ надписей при утвержденіи наслѣдниковъ въ правахъ наслѣдства. Вотъ--по всей вѣроятности—за это маленькое путешествіе документовъ въ судъ и обратно и пришлось заплатить судебному приставу 11 руб. Иначе разницы этой мы объяснить не умѣемъ.

И вотъ, въ итогѣ, за всѣ труды и хлопоты судебного пристава, предпринятые имъ, конечно, *въ интересахъ наслѣдниковъ, для охраны* причитающагося имъ *наслѣдства*, получается крупная сумма его вознагражденія 7388 р. 83 коп.

О томъ, что всѣ эти мѣры принимались несмотря на то, что наслѣдники, какъ то видно изъ описей, были всѣ на лицо—мы и не говоримъ: слишкомъ крупный кушъ сулило вознагражденіе за охранительныя дѣйствія, чтобы судебного пристава отъ принятія сихъ мѣръ могъ удержатъ такой пустякъ, какъ прямой смыслъ закона, изображенный въ 1226 ст. 1 ч. X т. Да и при томъ у него же было на это предписаніе начальства.....

Такъ вотъ въ какомъ привлекательномъ видѣ представляется эта, вызываемая печальнымъ фактомъ смерти человѣческой, дѣятельность, именуемая принятіемъ охранительныхъ мѣръ или вообще охранительнымъ судопроизводствомъ. А такъ какъ неумолимымъ велѣніемъ природы всѣмъ намъ суждено когда нибудь переселиться въ Елисейскія поля, то понятно и ясно, какія массы жертвъ испытуютъ на себѣ всю тягость и всю несправедливость этихъ незаконныхъ поборовъ, взимаемыхъ яко-бы на основаніи закона ¹⁾.

Но почему же они не жалуются на такія явныя и вопіющія злоупотребленія? Почему не просятъ о возстановленіи своихъ самыхъ бесспорныхъ правъ, нарушаемыхъ дѣйствіями судебныхъ приставовъ? Почему, наконецъ, все это сходить съ рукъ и такъ и остается безнаказаннымъ? Неужто на судебныхъ приставахъ нѣтъ управы? Неужели охранительная ихъ дѣятельность такъ и въ самомъ дѣлѣ остается царствомъ самоуправства, въ тайны коего нѣтъ доступа ни контролю, ни вмѣшательству высшихъ властей?

Отвѣтъ на всѣ эти вопросы нетрудный.

Если наслѣдниками являются самые близкіе родственники покойнаго: его жена, дѣти, мать, сестра и т. д., то ихъ нравственное состояніе, въ то именно время, когда необходима вся энергія для борьбы съ нарушителемъ закона, таково, что даже смѣшно было бы думать о какомъ либо съ ихъ стороны противодѣйствіи. Эти уби-

¹⁾ Но мы исчерпали далеко не всѣ проявленія изъ сферы злоупотребленій судебныхъ приставовъ въ ихъ охранительной дѣятельности. Мы не коснулись тѣхъ продажъ всего, а не одного, подлежащаго скорой портѣ, наслѣдственного имущества съ аукціона, произволящихся яко-бы съ согласія наслѣдниковъ. Мы не беремся разбирать подробно разсказанныхъ намъ фактовъ о томъ, что при публичной продажѣ движимаго наслѣдственного имущества въ отсутствіи наслѣдниковъ, сумма получаемыхъ приставомъ за проданные предметы денегъ отмѣчается въ журналѣ судебного пристава карандашомъ, что многія, и самыя цѣнныя вещи, въ виду очень высокой ихъ цѣны, превышающей настоящую стоимость, на первыхъ торгахъ не продаются, а вторая продажа ихъ съ копѣйки происходитъ уже безъ публикаціи, болѣею частію на квартирѣ судебного пристава, что.... и т. д. и т. д.. На все это у насъ нѣтъ (да и не можетъ быть) въ рукахъ письменныхъ документовъ; поэтому мы ограничились сглашеніемъ тѣхъ извѣстныхъ намъ дѣйствій судебныхъ приставовъ, которыя составляютъ явное злоупотребленіе и очевидное нарушеніе закона, предписывающаго принятіе охранительныхъ мѣръ при описи, оцѣнкѣ и передачахъ охраняемаго имущества, и въ подтвержденіе которыхъ мы имѣемъ явныя и неопровержимыя письменныя доказательства.

тые постигшимъ ихъ горемъ люди, рады бы въ два раза болѣе отдать, только бы ихъ оставили въ покоѣ. Имъ ли теперь до какихъ-то жалобъ, протестовъ, возраженій? А если бы даже и нашелся посторонній компетентный человѣкъ, который пожелалъ бы оказать имъ свое содѣйствіе, то все таки необходимо имъ все это растолковать, объяснить, уговорить ихъ на выдачу необходимаго для сего полномочія, безъ котораго чужому человѣку не въ свое дѣло вмѣшиваться закономъ запрещено. И вотъ деньги уплачиваются добровольно, даже охотно, лишь бы скорѣе избавиться отъ всѣхъ этихъ требованій, заявляемыхъ большею частью величественнымъ тономъ сановника, чувствующаго себя во всеоружіи своей власти, и съ апломбомъ чуть не ежеминутно повторяющаго, что онъ дѣйствуетъ *именемъ закона*.

И такъ, самые близкіе наслѣдники покойнаго почти никогда не жалуются на дѣйствія судебныхъ приставовъ, предпринимаемыхъ по поводу охраны ихъ имущества.

Что же касается наслѣдниковъ дальнѣйшихъ степеней, то они на доставшееся имъ наслѣдство смотрятъ болѣе какъ на лотерейный выигрышъ, какъ на неожиданный кушъ, счастливымъ вѣлѣніемъ судьбы свалившійся въ ихъ руки какъ бы съ неба. Имъ ли заводить какіе-то споры изъ за какихъ нибудь десяти или ста лишне показанныхъ въ счетѣ рублей? Вѣдь эти лишнія, незаконно перебранные деньги, — если, конечно, наслѣдники почему либо узнаютъ о такомъ переборѣ — все равно придется отдать повѣренному, а то пожалуй еще и больше того приплатить за его хлопоты. А можетъ быть, въ концѣ концовъ, окажется, что и перебору то не было. Очевидно, игра свѣчей не стоитъ и наслѣдники этой второй категоріи тоже охотно отдаютъ все то, что вздумается написать въ счетѣ судебному приставу.

Большею же частію, жалобъ ни тѣ, ни другіе наслѣдники не подаютъ по той простой причинѣ, что о нарушеніи ихъ правъ требованіями судебного пристава имъ ничего неизвѣстно; и въ полномъ убѣжденіи, что должностное лицо, дѣйствующее *именемъ закона*, не можетъ же злоупотреблять ихъ невѣдѣніемъ, довѣряютъ всецѣло судебному приставу и требованіямъ его подчиняются безпрекословно, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ появленія съ ихъ стороны малѣйшей попытки протестовать или возражать, представитель закона угрожаетъ приглашеніемъ полиціи и составленіемъ протокола о яко-бы допущенномъ сопротивленіи власти и ея законнымъ распоряженіямъ.

Но вотъ, въ 1882 г. нашелся наконецъ пионеръ, который изъ принципа не пожелалъ подчиниться *эксплоатаціи во имя закона* и въ полномъ сознаніи правоты своего дѣла началъ борьбу, но борьбу что называется на жизнь и на смерть. Это нѣкто присяжный повѣренный Бен—скій, съ которымъ, послѣ смерти его отца, охранявшій наслѣдственное имущество судебный приставъ сталъ продѣлывать всѣ тѣ же операціи, о которыхъ говорилось раньше: сначала все имущество не только его покойнаго отца, но и его самого, т. е. сына и единственнаго наслѣдника, описано было приставомъ и отдано на храненіе ему, Бен—скому; затѣмъ, съ части имущества, къ наслѣдству непринadleжащаго, по распоряженію мирового судьи, арестъ былъ снятъ и наконецъ все описанное имущество вновь отобрано отъ него Бен—скаго, какъ отъ хранителя, и передано ему же, уже какъ утвержденному судомъ наслѣднику. И здѣсь, конечно, всѣ эти фиктивные сдачи и передачи фигурировали лишь на бумагѣ; но тѣмъ не менѣе судебный приставъ потребовалъ за *все это*, а также за опись и *оцѣнку всего* имущества (т. е. и того, которое, какъ *принадлежавшее* не покойному, а *самому наслѣднику*, по распоряженію мирового судьи отъ ареста было освобождено) крупное вознагражденіе, хотя надо отдать ему справедливость онъ руководствовался при составленіи счета обыкновенной общей таксой, а не таксой для области войска Донскаго. Но Бен—скій и это требованіе призналъ незаконнымъ и подалъ жалобу сначала мировому судѣ, потомъ сѣзду и, наконецъ, въ правительствующій сенатъ. Главнымъ основаніемъ его жалобы служило то соображеніе, что если судебному приставу и слѣдуетъ что либо за охранительныя дѣйствія, то слѣдуетъ лишь за опись по числу нумеровъ описанныхъ вещей безъ оцѣнки и, притомъ, не по таксѣ для судебныхъ приставовъ, состоящихъ при общихъ судебныхъ мѣстахъ, а по особой, установленной земскимъ собраніемъ согласно 1704 ст. св. зак. 1876 г. т. II ч. 1 таксѣ; оцѣнка же наслѣдственнаго имущества при охранительной описи представляется совершенно излишней и ненужной.

Но мѣстные мировыя установленія не нашли возможнымъ удовлетворить его жалобы; напротивъ того, какъ мировой судья, такъ равно и мировой сѣздъ, признали таковыя незаслуживающими уваженія. Замѣчательна мотивировка этихъ отказовъ: *по мнѣнію сѣзда*, вопросъ о томъ, *нужна ли при охранительной описи оцѣнка* наслѣдственнаго имущества *разрѣшается утвердительно на*

основаніи 1404 ст. уст. гр. суд. Въ статьѣ этой сказано, что опись сохраняемаго имущества производится по правиламъ, изложеннымъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ, относящихся до описи имущества за долги и, между прочимъ, въ 1094 ст. Въ послѣдней же указано, что при описи и оцѣнѣ недвижимыхъ имуществъ слѣдуетъ руководствоваться ст. 1000—1008, опредѣляющими порядокъ оцѣнки движимаго имущества. Ссылка эта, по мнѣнію съѣзда, не имѣла бы смысла, если бы законодатель не имѣлъ въ виду оцѣнки въ охранительномъ порядкѣ. Ссылка просителя на пунктъ таксы объ описи движимаго имущества безъ оцѣнки непримѣнима, когда кромѣ движимаго было и недвижимое имѣніе, опись коего безъ оцѣнки не предусматривана. Необходимость оцѣнки подтверждается цѣлью охранительнаго производства, т. е. охранить имущество отъ растраты. При самой подробной описи всегда возможенъ подмѣнъ вещей сходными, но гораздо менѣе цѣнными. Такую замѣну въ ущербъ наслѣдникамъ почти невозможно будетъ доказать и уголовное наказаніе останется безъ примѣненія. Въ случаѣ же оцѣнки, при растратѣ, отсутствующій наслѣдникъ получаетъ твердое основаніе на предъявленіе гражданскаго иска къ хранителю имущества. Наконецъ, право хранителя на вознагражденіе за храненіе можетъ быть осуществлено лишь при оцѣнкѣ, такъ какъ цѣною имущества опредѣляется размѣръ сего вознагражденія. Такъ же точно и судебному приставу слѣдуетъ вознагражденіе согласно 313 ст. учр. суд. уст., при чемъ размѣръ этого вознагражденія не могъ бы быть опредѣленъ по таксѣ, если-бы охранительная опись производилась безъ оцѣнки.

Но правительствующій сенатъ не раздѣлилъ этого взгляда и мотивы съѣзда призналъ, въ свою очередь, тоже незаслуживающими никакого уваженія, жалобу же просителя нашелъ вполне правильною. Такъ какъ это новое сенатское рѣшеніе должно развѣ навсегда положить предѣлъ тѣмъ нескончаемымъ злоупотребленіямъ, которыхъ жертвами въ теченіи 20 лѣтъ являлись безсильные передъ лицомъ судебного пристава наслѣдники, и такъ какъ сенатъ разсматриваемый нами вопросъ изслѣдовалъ и разобралъ весьма подробно и выводы свои мотивировалъ очень точно и опредѣленно, то намъ ни остается ничего другаго, какъ привести цѣликомъ соотвѣтственныя мѣста этого знаменательнаго рѣшенія, долженствующаго ввести новый свѣтъ въ это царство тьмы, самоуправства, произвола и эксплуатаціи. „Вопросъ о томъ, *должна ли*

быть при составлении охранительной описи произведена и оценка наследственного имущества, говорится въ названномъ рѣшеніи ¹⁾, на основаніи буквального смысла относящихся къ нему законоположеній, разрѣшается *отрицательно*. Въ уставѣ гр. суд. вездѣ совершенно ясно различается понятіе объ оцѣнкѣ отъ понятія объ описи; нигдѣ подъ одною описью имущества не подразумѣвается сама собою, безъ особой оговорки, и оцѣнка его. Это подтверждается нагляднымъ образомъ и тѣмъ, что для той и другой постановлены совершенно отдѣльныя правила, размѣщенные по разнымъ главамъ и отдѣленіямъ. Точное разсмотрѣніе законовъ охранительнаго судопроизводства показываетъ, что оцѣнка нигдѣ не отнесена къ числу мѣръ, принятіе коихъ непременно требуется для охраненія наследственного имущества въ установленныхъ законами случаяхъ: по силѣ 1403 ст. уст. гр. суд. одновременно съ распоряженіемъ о вызовѣ мировой судья поручаетъ одному изъ состоящихъ при сѣздѣ судебныхъ приставовъ производство, на основаніи 1 п. 1225 и 1226 ст. X т. 1 ч., описи оставшагося послѣ умершаго имущества, а равно опечатаніе и сохраненіе онаго до явки наследниковъ; на основаніи же 1404 ст. устава, опись производится въ присутствіи свидѣтелей по примѣненію къ правиламъ, изложеннымъ въ ст. 980—999, 1040, 1103—1114 уст. Родственники умершаго и опекуны его наследниковъ, если таковы назначены, имѣютъ также право присутствовать при описи. Въ 1404 ст. говорится только о порядкѣ производства описи имущества, а не объ оцѣнкѣ, а потому и ссылка ея на упомянутыя въ ней правила устава гражд. судопр. о порядкѣ взысканія можетъ правила эти имѣть въ виду настолько лишь, насколько они касаются описи имущества и насколько могутъ быть примѣнимы именно къ описи имущества. Въ такихъ именно предѣлахъ слѣдуетъ понимать ссылку этого закона особенно на 1094 ст. уст. гр. суд., несмотря на то, что въ сей послѣдней говорится не объ одной только описи недвижимыхъ имѣній, но и объ оцѣнкѣ и продажѣ этихъ имѣній, и въ свою очередь предписывается соблюдать разныя статьи сего устава имѣющія предметомъ не только опись, но и оцѣнку и продажу сего имущества. Отнюдь же изъ того обстоятельства, что въ 1094 ст. предписано при описи, оцѣнкѣ и продажѣ недвижимаго имущества, т. е. при 3 хъ различныхъ дѣйствіяхъ, соблюдать поименованные

¹⁾ Рѣшеніе гражд. кас. деп. 25 февраля 1883 г. по дѣлу Бен—скаго.

въ ней и соответствующіе очевидно только каждому отдѣльно изъ поименованныхъ дѣйствій, законы объ описи, оцѣнкѣ и продажѣ движимаго имущества, не слѣдуетъ еще дѣлать вывода, будто бы всѣ эти упомянутыя въ 1094 ст. правила, а не одни только указанные въ ней законы объ описи движимаго имущества, имѣются въ виду при ссылкѣ, сдѣланной въ 1404 ст. на ст. 1094, какъ это неправильно сдѣлалъ сѣздъ, распространяя ссылку эту и на упомянутыя въ 1094 ст. правила объ оцѣнкѣ движимаго имущества: 1000—1008 ст. уст. гр. суд. вмѣсто указанныхъ въ 1094 статѣй 1003—1008 ст. устава. Что подъ ссылкой на 1094 ст. въ 140 не слѣдуетъ понимать упоминаемыхъ въ первой правилѣ объ оцѣнкѣ движимости, по закону этому обязательныхъ и при оцѣнкѣ недвижимаго имѣнія, явствуетъ и изъ того, что въ 1404 ст. вовсе не сдѣлано поименной ссылки на спеціальныя правила объ оцѣнкѣ недвижимаго имѣнія, тогда какъ на спеціальныя правила объ описи недвижимаго имѣнія, т. е. на ст. 1103—1114 уст. гр. суд. такая ссылка сдѣлана. Объясненіе сѣзда, что ссылка въ 1094 ст. на 1000—1008 ст. уст. гр. суд. не имѣла бы смысла, если бы законодатель не имѣлъ въ виду оцѣнки въ охранительномъ порядкѣ, опровергается содержаниемъ 1003—1008 ст., которое исполнѣ примѣнимо къ оцѣнкѣ недвижимаго имущества при взысканіяхъ, въ отношеніи къ каковой ссылка та именно сдѣлана, и слѣдовательно не лишена смысла и значенія. Точно также ни въ упомянутыхъ въ 1403 ст. уст. законовъ гражданскихъ (1225, 1226 X т. 1 ч.) и другихъ законахъ объ открытіи наслѣдственнаго имущества, ниже въ Высочайше утвержденномъ 14 апрѣля 1866 г. мнѣніи госуд. совѣта о порядкѣ судопроизводства охранительнаго, не встрѣчается никакого намека на установленіе закономъ, одновременно съ охранительною описью, и какой либо оцѣнки наслѣдственнаго имущества. Единственный случай, въ которомъ законъ придаетъ значеніе самой оцѣнкѣ охраненнаго или описаннаго имущества—это случай описи и охраненія движимаго имущества, принадлежащаго умершему въ пути (ст. 1231 и 1237 т. X ч. 1), въ которомъ хозяину дома, который сдѣлалъ опись и охранилъ это имущество, назначается въ награду 5% съ цѣны охраненнаго имущества, скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ то положеніе, что внѣ этого случая, въ обыкновенномъ порядкѣ открытія наслѣдства, а также внѣ предусмотрѣннаго въ 986 ст. уст., случая оставленія умершимъ цѣнныхъ бумагъ, уже въ самой описи означаемыхъ между прочимъ и нарица-

тельной их цѣною, приведеніе въ извѣстность цѣны охраняемаго наследственнаго имущества не представляется необходимымъ. Въ виду всего этого, а также и того обстоятельства, что мѣры къ охраненію оставшагося по открытіи наследства имущества принимаются въ обезпеченіе правъ наследниковъ (1124 ст. X т. 1 ч.), а не участвовавшихъ въ самыхъ охранительныхъ дѣйствіяхъ, одно то обстоятельство, что таксы вознагражденія судебныхъ приставовъ и правила о платѣ за храненіе арестованнаго имущества, по-скольку вознагражденіе и плата эта рассчитаны по цѣнѣ описаннаго или арестованнаго имущества,—не могутъ уже, за неприведеніемъ ея въ извѣстность, быть примѣняемы при вознагражденіи судебныхъ приставовъ и хранителей, за дѣйствія ихъ по охранѣ наследственнаго имущества—не должно служить поводомъ къ признанію оцѣнки наследственнаго имущества, никакимъ другимъ закономъ непризнанной, необходимою или же закономъ безмолвно допускаемой. Что же касается самаго размѣра вознагражденія судебныхъ приставовъ и хранителей за охранительныя дѣйствія по наследственному имуществу, на какое-то тѣ и другіе имѣютъ неотъемлемое право и особенно размѣра вознагражденія за дѣйствія, однородныя съ тѣми дѣйствіями, за которыя въ таксахъ и правилахъ вознагражденія судебнымъ приставамъ и плата за храненіе рассчитаны только по цѣнѣ имѣнія, какъ то: за опись для взысканія съ недвижимаго имѣнія и за храненіе движимаго имущества, то этотъ размѣръ впредь, до назначенія въ установленномъ порядкѣ какой либо опредѣленной нормы, и для него долженъ быть назначаемъ въ каждомъ данномъ случаѣ судомъ, сообразно количеству и качеству труда, понесеннаго судебнымъ приставомъ или хранителемъ, и другимъ даннымъ, и притомъ въ отношеніи къ хранителю лишь на тотъ случай, если не состоится между имъ и властью, его назначающей, или тѣмъ лицомъ, въ интересахъ коего онъ назначается, особаго о томъ соглашенія. Таковое вознагражденіе судебныхъ приставовъ установлено уже гражд. кас департаментомъ въ рѣшеніи 1879 г. № 57 по вопросу о вознагражденіи хранителя недвижимаго имущества, о каковомъ вознагражденіи также никакихъ особыхъ правилъ не существуетъ. Засимъ не имѣютъ значенія и соображенія съѣзда о возможности подмѣна затруднительности доказать цѣну подмѣненнаго или растраченнаго описаннаго имущества; такъ какъ одно только указаніе на какую-либо полезную взыскую чительныхъ случаяхъ сторону оцѣнки, каковыми представляются

случаи неблагонадежности самых хранителей—не доказываетъ дѣйствительнаго установленія этой мѣры закономъ, особенно когда, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, она представлялась бы мѣрою излишнею, стѣснительною для наслѣдниковъ и невызываемою такою безусловною необходимостью, какою она представляется при обращеніи взысканія на имущество, когда именно цѣнность описываемаго имущества должна быть соразмѣрна взысканію“. По всѣмъ симъ соображеніямъ прав. сенатъ нашелъ, что съѣздъ нарушилъ точный смыслъ 1404 ст. уст. гражд. суд., а поэтому постановилъ частное опредѣленіе съѣзда отмѣнить и дѣло передать на разсмотрѣніе другаго съѣзда“.

И такъ, правительствующій сенатъ призналъ, что при охранительной описи оцѣнка наслѣдственнаго имущества вовсе не нужна и что „мѣры къ охраненію оставшагося по открытіи наслѣдственнаго имущества принимаются въ обезпеченіе правъ наслѣдниковъ, а не въ интересъ лицъ, участвовавшихъ въ самыхъ охранительныхъ дѣйствіяхъ“. Благодатныя слова! Ихъ бы слѣдовало золотыми буквами (конечно на счетъ пользовавшихся до сихъ поръ незаконными сборами судебныхъ приставовъ) напечатать на самомъ видномъ мѣстѣ во всѣхъ камерахъ мировыхъ судей и въ залахъ мировыхъ съѣздовъ.

Признавая оцѣнку болѣе ненужною и излишнею, сенатъ, тѣмъ не менѣе, признаетъ за судебными приставами право на вознагражденіе ихъ за понесенный имъ трудъ по поводу принятія охранительныхъ мѣръ. Но только, по мнѣнію сената, размѣръ этого вознагражденія долженъ опредѣляться, хотя и по таксѣ (гдѣ она утверждена), но сообразно съ количествомъ употребленнаго приставами на опись труда и времени, т. е. не соразмѣрно съ оцѣнкою по пункту а 2 ст. таксы, а сообразно съ числомъ номеровъ, вошедшихъ въ опись предметовъ, на основаніи пункта б, той же 2 статьи.

Вотъ съ этимъ мы еще, пожалуй, и можемъ согласиться: каковъ трудъ—таково и вознагражденіе. Мы раньше говорили и доказывали—и конечно остаемся и теперь при томъ же нашемъ убѣжденіи—что, въ виду получаемаго судебными приставами жалованья и согласно 15 п. таксы, имъ, за охранительныя дѣйствія, ровно никакого вознагражденія не слѣдуетъ. Но, конечно, съ платой по числу номеровъ—хотя въ принципѣ несправедливой—все-таки мож-

но еще примириться. Ее, скрѣпи сердце, отдашь и забудешь. А то представьте себѣ: судебный приставъ мирового сѣзда, т. е. чиновникъ X класса и притомъ—какъ то въ большинствѣ случаевъ бываетъ—человѣкъ некончившій не только высшаго, но и средняго учебнаго заведенія, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, за составленіе описи, т. е. чисто механической, не требующій никакого особаго таланта, способностей или знаній, трудъ, съ употребленіемъ на него какихъ нибудь двухъ-трехъ часовъ — имѣеть получить 7,388 рублей!! И это вѣдь за одинъ разъ. А сколько такихъ „разовъ случится, напр., въ столицѣ—это угадать нетрудно¹⁾. Не лучше-ли тогда членамъ судебныхъ палатъ проситься въ судебныя пристава? По крайней мѣрѣ, коротко и ясно: черкнулъ нѣсколько разъ перомъ, переписалъ №: нѣсколькихъ десятковъ билетовъ, акцій и облигацій, и получай 7,000 рублей!

Но намъ могутъ возразить, что вѣдь и присяжные повѣренные за составленіе какой-либо бумаги—кассациі, апелляціи, за одинъ выходъ по уголовному дѣлу — получаютъ десятки тысячъ. Да, получаютъ. Но что же изъ этого? Что тутъ общаго и какая связь того и другаго вознагражденія? Прежде всего, для того, чтобы сдѣлаться самымъ обыкновеннымъ присяжнымъ повѣреннымъ, т. е. такимъ, который за проведеніе цѣлаго, большаго, сложнаго дѣла получаетъ десятки и рѣдко сотни, но только не тысячъ, а просто рублей, для этого уже необходима затрата 8-ми лѣтъ на полученіе аттестата зрѣлости, 4 хъ лѣтъ — на полученіе университетскаго диплома и 5-ти лѣтъ — на предварительную судебную практику, итого (по меньшей мѣрѣ, такъ какъ не каждому вѣдь удастся въ 12 лѣтъ окончить курсъ въ гимназій и университетѣ) семнадцать лѣтъ труда и сообразный сему времени эквивалентъ

¹⁾ По сообщенію газеты „Новости“ отъ 14 августа 1884 № 223) доходъ судебныхъ приставовъ при Сиб. мировомъ сѣздѣ составлялъ (не считая, конечно жалованья) въ 1882 г.—70.000 р. и въ 1883 г.—вслѣдствіе уменьшенія таксъ — 55.000 р., такъ, что на cadaго пристава среднимъ числомъ пришлось въ 1882 г. по 3,200 р., а въ 1883 г.—по 2500 р. Изъ суммы 55,000 р. за одни охранительныя дѣйствія ими получено было 10,000 р., такъ что вознагражденіе за исполнительныя дѣйствія, т. е. дѣйствительно предусмотрѣнный закономъ, доходъ судебныхъ приставовъ, составлялъ бы лишь сумму въ 15,000 р. Думаемъ, что цифры эти не нуждаются въ комментаріяхъ.

денегъ, необходимыхъ для образованія и существованія во время приобрѣтенія этого образованія И въ результатъ — часто необходимость являться къ мировому, за гонораръ въ пять и десять рублей. А что десятки тысячъ получаютъ свѣтила адвокатской корпорации — такъ вѣдь тѣ же десятки тысячъ получаютъ и всякія другія свѣтила изъ міра музыкальнаго, драматическаго и проч. За одну какую-нибудь картинку, для написанія коей знаменитый живописецъ затратилъ не болѣе мѣсяца времени, платятъ сотни тысячъ. Но вѣдь платятъ-то за талантъ и дарованіе, за умъ и знаніе человѣка. Одна дѣльно составленная бумага можетъ освободить отвѣтчика отъ уплаты милліона, незаконно съ него взыскаемаго, отъ утраты всего состоянія. Одна умная, убѣдительная, талантливая рѣчь защитника можетъ спасти честь, свободу, доброе имя, избавить отъ вѣчнаго позора, ссылки, каторги! И люди охотно платятъ большія деньги избранному ими знаменитому адвокату, ибо сознаютъ за что платятъ, ибо платятъ тому, кого сами избрали и сами пригласили и платятъ столько, сколько самидобровольно съ нимъ условились. Гдѣ свободный выборъ узаконяетъ свободную конкуренцію, тамъ самая большая плата не будетъ преувеличенной, ибо она приноситъ соотвѣтственную пользу.

Но платить судебному приставу, т. е. тому именно судебному приставу, въ участкѣ коего покойный имѣлъ несчастіе умереть, платить этому человѣку, самому обыкновенному, а можетъ быть даже вполне бездарному, хотя и доказывающему съ апломбомъ что онъ дѣйствуетъ именемъ закона, платить во имя этого закона за его 2-хъ часовой трудъ не то тысячу, а сто рублей — абсурдъ и ни съ чѣмъ несообразная нелѣпость! Ему, по мѣрѣ его труда и знанія, слѣдуютъ копѣйки, а онъ изволитъ преподнести вамъ счетъ въ 7000 руб., и въ добавокъ еще осмѣливается вамъ говорить, что это онъ требуетъ на основаніи закона! Впрочемъ, какъ не такъ: вѣдь и такса для области войска Донскаго тоже законъ.

Но дѣло въ томъ, что закона-то *такого* нѣтъ, да и быть не можетъ. Могъ ли законодатель допустить подобнаго рода несправедливое постановленіе, напоминающее лотерею-аллегри, чтобы изъ числа нѣсколькихъ должностныхъ лицъ, занимающихъ одинаковыя мѣста и несущихъ одинаковыя обязанности, т. е. изъ числа нѣсколькихъ судебныхъ приставовъ, одинъ, въ участкѣ коего случилась смерть милліонера, ни за что, ни про что, получалъ-бы за трудъ свой тысячи или даже десятки тысячъ, а всѣ другіе, за такіе же

труды будутъ получать рубли и копѣйки? И имѣйте въ виду, не за особый вѣдъ талантъ, или умъ и познанія, а просто такъ, за случайность! Конечно это абсурдъ. А между тѣмъ, при существующихъ порядкахъ, этотъ абсурдъ превратился въ настоящую дѣйствительность. Законодатель, имѣя въ виду, что при производствѣ взысканій въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, на долю однихъ судебныхъ приставовъ, иногда совершенно случайно, можетъ причитаться весьма крупное вознагражденіе за исполнительныя дѣйствія по миллионному взысканію, и что другіе, также трудящіеся, будутъ этимъ обижены, въ 1008 ст. т. II ч. 1 св. зак. изд. 1876 г. постановилъ, что всѣ суммы, получаемыя въ видѣ вознагражденія судебными приставами за ихъ исполнительныя дѣйствія, составляютъ общую принадлежность всѣхъ судебныхъ приставовъ имперіи и раздѣляются министромъ юстиціи между судебными округами, а за тѣмъ, по усмотрѣнію судебныхъ палатъ, распредѣляются уже между отдѣльными судебными приставами, соразмѣрно ихъ трудамъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Что же касается судебныхъ приставовъ при мировыхъ сѣздахъ, то такъ какъ въ мировыхъ учрежденіяхъ всѣ взысканія не превышаютъ 500 руб. и размѣръ ихъ по участкамъ долженъ быть приблизительно одинаковый, то слѣдовательно и въ размѣрѣ вознагражденій судебныхъ приставовъ за ихъ исполнительныя дѣйствія не можетъ быть большой и существенной разницы (конечно законодатель вознагражденія за охранительныя дѣйствія, какъ закономъ неустановленнаго, не могъ имѣть въ виду). Поэтому, вся сумма полученнаго судебными приставами, состоящими при данномъ мировомъ сѣздѣ, вознагражденія, согласно 1704 ст. т. II ч. 1 св. зак. изд. 1876 г., признана общою принадлежностью всѣхъ этихъ приставовъ и должна распредѣляться между ними по усмотрѣнію сѣзда. По установившейся же во всѣхъ почти сѣздахъ практикѣ, на долю каждаго изъ приставовъ предоставляется сѣздомъ все то, что судебнымъ приставомъ по своему участку получено. Въ виду почти одинаковаго количества мелкихъ взысканій во всѣхъ участкахъ, такое распредѣленіе, въ сущности своей большой несправедливости не представляетъ; но было бы совсѣмъ не то, если бы одинъ приставъ получилъ за охранительныя дѣйствія тысячи, а другой гроши. Поэтому, даже изъ одной этой разницы въ постановленіи 1008 и 1704 ст. ясно видно, что именно этимъ мотивомъ руководился законодатель, постановляя правила обѣихъ статей:

Двадцатилѣтняя практика глумилась и насмѣхалась надъ этимъ справедливымъ и вполне рациональнымъ требованіемъ законодателя, но наконецъ истинный смыслъ закона правительствующимъ сенатомъ возстановленъ, и такимъ образомъ злоупотребленія судебныхъ приставовъ должны наконецъ прекратиться.

А. Бардзкій.

ОТДАЕТСЯ ДАЧА

Въ Лужскомъ уѣздѣ, въ 4½ часахъ отъ Петербурга, по Варшавской желѣзной дорогѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ станціи *Серебрянка*. Домъ большой, въ 10 комнатъ, меблированный, съ большимъ садомъ и цвѣтниками, въ сухой, возвышенной мѣстности; другихъ дачъ нѣтъ; отъ деревни удаленъ на версту; при домѣ мызная земля, въ количествѣ 35 десятинъ, занятыхъ рощами и лугами; два большихъ пруда съ лодками для катанья; при домѣ имѣются лошади и экипажи для найма. Цѣна 300 руб.

Тамъ же продается березовая роща, въ 2-хъ верстахъ отъ станціи, въ количествѣ 35 десятинъ, весьма удобная для постройки дачи; по желанію можетъ быть продана и вся мыза (земли 70 десятинъ) со всѣми постройками, вполне благоустроенная.

Подробности найма и продажи можно узнать въ редакціи Журнала гражданского и уголовного права (Фонарный, д. № 1; кв. № 39) ежедневно отъ 12 до 2 часовъ.

ВЪ РЕДАКЦИИ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ 1884 Г.
ЦѢНА 40 К.

2) УСТАВЪ ДУХОВНЫХЪ КОНСИСТОРІЙ
1884 Г. ЦѢНА 40 К.

Цѣны обозначены съ пересылкою—Книгопродавцамъ
уступка 25%.

У КОММИСИОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ

И. П. АНИСИМОВА

въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, только что отпечатаны и поступили въ продажу:

- Реймеръ и Рогойскій.** Уставъ о гербовомъ сборѣ на русскомъ и польскомъ языкахъ, съ узаконеніями о пошлинахъ, дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ. СПб. 1885 г. ц. 2 р.
- Рудинъ С.** Частная инициатива въ межеваніи. Москва. 1884 г. ц. 2 руб.
- Малаузовъ В.** Замѣчанія на проектъ особенной части русскаго уголовного права. Одесса. 1885 г. ц. 15 коп.
- Скалонъ В.** Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія. Москва. 1884 г. ц. 1 р. 50 коп.
- Сорокинъ Н.** Дѣло о Мироновичѣ, Семеновой и Безакѣ. С.-П.-Б. 1885 г. ц. 20 коп.
- С.-Петербургскія столичныя мировыя учрежденія. С.-П.-Б. 1885 г. ц. 1 руб.
- Харузинъ М.** Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону. Москва. 1885 г. ц. 1-му вып. 2 руб.
- Нолькенъ А.** Ученіе о поручительствѣ. С.П.Б. 1884 г. т. I ц. 2 р.
- Граціанскій И.** Уставы о службѣ гражданской. Книга 1-я Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. С.П.Б. 1885 г. ц. 1 руб. 30 коп.
- Щербаковъ.** Дисциплинарный уставъ. С.П.Б. 1885 г. ц. 75 к.
- Гурляндъ Я.** Юридическій лексиконъ. Одесса. 1885 г. ц. 1-му вып. 2 руб.
- Колоколовъ Г.** Къ ученію о покушеніи. Москва. 1884 г. ц. 2 р.
- Даниловъ И.** Сборникъ рѣшеній 1-го департамента правительствующаго сената. С.П.Б. 1885 г. ц. 2 р.
- Миклашевскій М.** Общій таможенный тарифъ. С.П.Б. 1885 г. ц. 1 р. 20 к.
- За пересылку взимается особо по 10% съ рубля.

Въ книжныхъ магазинахъ: Петербурга, Москвы, Кіева, Одессы,
Харькова, Варшавы и Казани

продаются

НОВЫЯ КНИГИ

- И. Янжулъ.* Очерки и изслѣдованія. Сборникъ статей по вопросамъ народнаго хозяйства, политики и законодательства. Въ двухъ томахъ. Цѣна за 2 тома 3 р. 50 к.
- Д. Дриль.* Малолѣтніе преступники. Этюдъ по вопросу о человѣческой преступности, ея факторахъ и средствахъ борьбы съ ней. Выпускъ I. Очеркъ развитія ученія новой позитивной школы уголовного права, явленій наслѣдственности порочныхъ особенностей организма и явленій приспособляемости, какъ основаній воспитанія и перевоспитанія. Цѣна 2 р. 50 к.
- Г. Мэнъ.* Древнѣйшій законъ и обычай. Изслѣдованія по исторіи древняго права. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. Ковалевскаго. Цѣна 2 р. 50 к.
- Дж. Фентонъ.* Древнѣйшая жизнь евреевъ. Соціологическій этюдъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 1 р.
- А. Ефименко.* Изслѣдованія народной жизни. Выпускъ I. Обычное право. Цѣна 2 р.
- С. Муромцевъ.* Гражданское право древняго Рима. Курсъ лекцій. Читанныхъ въ московскомъ университетѣ. Цѣна 5 р.
- Н. Карпезъ.* Основные вопросы философіи исторіи (опытъ теоріи прогресса). Цѣна за 2 тома 6 р.
- Н. Любовичъ.* Исторія реформаціи въ Польшѣ (кальвинисты и антитринитаріи). По неизданнымъ источникамъ Цѣна 3 р.
- Н. Зепревъ.* Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи. Методологическое изслѣдованіе. Цѣна 3 р.
- Р. фонъ Геринъ.* Объ основаніи защиты владѣнія по римскому праву. Пересмотръ теоріи владѣнія. Цѣна 1 р. 50 к.
- Ею же.* Гражданскіе правовые казусы безъ рѣшеній. Цѣна 1 р. 50 к.
- Складъ изданій въ редакціи „Юридическаго Вѣстника“ (въ Москвѣ). Лица, выписывающія книги изъ редакціи за пересылку ихъ ничего не платятъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
 въ 1885 году.

(Годъ семнадцатый).

Ежемесячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“, издаваемый Московскимъ Юридическимъ Обществомъ, согласно съ кругомъ дѣятельности послѣдняго и учрежденнаго въ составѣ Общества Статистическаго Отдѣленія, служить органомъ научной и практической юриспруденціи, въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, который оно получило въ послѣднее время. Въ научномъ отдѣлѣ журналъ помѣщаетъ работы по исторіи и методологіи права, по экономическому и финансовому законодательству; международному, государственному и общественному праву; по гражданскому и уголовному праву и судопроизводству и по земскимъ вопросамъ. Въ современномъ отдѣлѣ находятъ себѣ мѣсто: хроника законодательной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ управленія, хроника гражданского и уголовного суда, извлеченія изъ кассационныхъ рѣшеній сената уголовныхъ и гражданскихъ, библиографія, разныя извѣстія, замѣтки и т. д. Кромѣ того въ журналѣ помѣщаются Протоколы засѣданій Юридическаго Общества и Статистическаго Отдѣленія и Отчетъ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ Округа Московской Судебной Палаты.

Журналъ издается подъ редакціей *С. А. Муромцева* и *В. М. Пржевальскаго*.

Цѣна восемь р съ пересылкою и доставкою, безъ доставки семь р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: .

Въ Москвѣ: въ главной конторѣ журнала, Петровскія торговыя линіи, контора Н. Н. Печковской, и въ книжномъ магазинѣ, И. П. Анисимова, на Никольской улицѣ.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Редакція журнала помѣщается въ Скатерномъ переулкѣ, въ домѣ Муромцевой.

За перемѣну адреса гг. подписчики благоволятъ присылать деньгами или марками сорокъ коп.

Экземпляры журнала за 1880, 1881, 1882, 1883 и 1884 годъ высылаются по 8 р., отдѣльными книжки по 1 руб. Лица, выписывающіе журналъ сразу за пять лѣтъ: 1880, 1881, 1882, 1883 и 1884 благоволятъ присылать только 30 рублей за четыре года 24 руб., за три года 18 рублей.

СОДЕРЖАНІЕ ЯНВАРЬСКОЙ И ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИГИ.

- I. Къ исторіи городского положенія 1870 года. **И. Дитятина.**
- II. Общинное землевладѣніе въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ. **М. Ковалевскаго.**
- III. Тверскія артели и земство. **В. Гольцева.**
- IV. Данныя русской уголовной статистики. **Е. Тарновскаго.**
- V. Международная конференція Общества Краснаго Креста. **В. Баудера.**
- VI. Къ вопросу о неприкосновенности прокуратуры. **Ги...д...го.**
- VII. Хроника уголовного суда. **Д. Дриля.**
- VIII. Вопросы гражданского права и судопроизводства. **Б. Змирлова.**
- IX. Послѣдній отвѣтъ Г. Ив—ову. **Г. П. Сазонова.**
- X. Библиографія. **Н. Любовича В. Гольцева и др.**
- XI. Разныя извѣстія и замѣтки. **С. Хрулева, I. Иллюстрова, Д. Дриля и др.**
- XII. Библиографическій указатель русскихъ книгъ по научной и практической юриспруденціи. **Н. Гаврилова.**

-
- I. Къ исторіи городского положенія 1880 года. **И. Дитятина.**
 - II. Римское право въ западной Европѣ. **Сергѣя Муромцева.**
 - III. Самоуправленіе и децентрализація. **В. Гольцева.**
 - IV. О задачахъ предстоящей реформы банковъ краткосрочнаго кредита. **Василія Судейкина.**
 - V. Государственные экзамены въ Англіи, Германіи, Австріи и Франціи. **Николая Куплевскаго.**
 - VI. Исправленіе малолѣтнихъ преступниковъ въ Россіи. **Д. Т.**
 - VII. Вводъ во владѣніе на основаніи межевыхъ актовъ. **Л. Б—ва.**
 - VIII. Обзоръ рѣшеній уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената. **Д. Т.**
 - IX. Александръ Ѳеодоровичъ Кистяковскій (некрологъ).
 - X. Библиографія **Гр. Джаншѣва и друг.**
 - XI. Разныя извѣстія и замѣтки **А. Т. Т.**
 - XII. Библиографическій указатель русскихъ книгъ по научной и практической юриспруденціи. **Н. Гаврилова.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“
въ 1885 году.

„Судебная Газета“ будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же объемѣ, какъ и въ предыдущіе годы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ съ доставкою,	6 руб.
Во всѣ города Россіи, съ пересылкою	6 „
За границу	9 „

Разсрочка допускается для служащихъ, чрезъ ихъ казначеевъ, по третямъ; для неслужащихъ въ два срока: при подпискѣ — три рубля, а къ первому іюля — остальные три рубля.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ Главной конторѣ редакціи, по Фонтанкѣ, домъ № 41 и въ международной центральной конторѣ публикацій К. Матисена, Невскій пр. уголъ Казанскаго моста, домъ № 28—21.

„ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Журналъ какъ и прежде, будетъ выходить ВЪ 1885 Г. по четвергамъ, въ размѣрѣ отъ 1 до 2 печатныхъ листовъ, по прежней программѣ:

При содѣйствіи многихъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ въ томъ числѣ: *К. Д. Анциферова, А. Я. Ашеберга, С. М. Ариуни, Ф. К. Бакало, Д. З. Бакрадзе, Ѳ. А. Быкова, Г. О. Гвиниева, А. А. Гребенщикова, Я. И. Гурлянда, К. В. Домова, И. Я. Долженко, Г. А. Джаниева, Д. И. Кипиани, Д. В. Коиркелія, П. М. Лебединскаго, А. Е. Носа, П. А. Опочинина, Я. И. Рашета, М. А. Селитринникова, Н. П. Смиттена, В. Д. Спасовича, Т. Тимановскаго, Я. Г. Теръ-Іоанисяна, В. А. Хлѣбникова, Н. И. Чижевскаго* и др.

Кромѣ статей общаго юридическаго характера по вопросамъ гражданского и уголовного права и судопроизводства, межевымъ, нотаріальнымъ, судебно-военнымъ и пр., а также о *внутренней жизни кавказскихъ судовъ* и о *вопросахъ дня*,—въ 1885 г. будутъ помѣщены: *грузинскіе законы царя Вахтанга*, съ необходимыми предисловіемъ и примѣчаніями, и продолжены изслѣдованія законовъ: *армянскихъ*—по Мхитару Гошу, *еврейскихъ*—по Маймониду, *мусульманскихъ*, собственно Кавказскихъ народностей; ихъ адаты и пр. Кромѣ того *О. І. Гулишамбаровъ, Д. П. Пурцеладзе, Н. А. Шаверовъ* и др. общали статьи по вопросамъ *финансовымъ и экономическимъ*: *П. И. Ковалевскій, З. А. Блюмъ, Г. И. Еджубовъ, А. А. Павловскій* и др.—по *судебно-медицинскимъ*.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Редакція и администрація журнала (для приѣма подписки, объявленій и розничной продажи)—Тифлисъ, Сололякская улица д. кн. Меликова.

Подписная цѣна на журналъ, съ дѣйствіемъ и пересылкою: на годъ 10 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 3 мѣс.—3 р. 20 к.; на 1 мѣс.—1 р. 25 к. *Разсрочка въ платежѣ денегъ* допускается—для годовыхъ и полугодныхъ подписчиковъ. Для *студентовъ*—годовая плата 8 руб. полугодная 5 руб.

Желающіе приобрести журналъ за прежніе годы, уплачиваютъ: за 1881 г.—8 р. 20 к. и за всѣ послѣдующіе по 10 руб. *При перемѣнѣ адреса* вносить 40 к. *Подписка и объявленія принимаются также въ Москвѣ и Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ И. П. Анисимова.*

При доставленіи въ редакцію „Юрид. Обзоръ“ экземпляра юридическаго сочиненія, о немъ будетъ данъ отчетъ и сдѣлана публикація.

Имъ подписчики „Юрид. Обзоръ“ имѣютъ право на полученіе, чрезъ редакцію, свѣдѣній о положеніи ихъ дѣлъ въ Тифл. судеб. учрежд.—въ текстѣ журнала безвозмездно, а письменныя и телеграфныя—по соглашенію съ ред. журнала.

Редакторъ—Издатель *А. С. Френель.*

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИКЪ

ОБЩАГО УГОЛОВНАГО ПРАВА

СЪ ПОДРОБНЫМЪ ИЗЛОЖЕНІЕМЪ НАЧАЛЪ РУССКАГО
УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,

Второе исправленное и значительно дополненное изданіе.
Кіевъ. 1882 г. Предисловіе. I—IV. Оглавленіе. стр. 1—19.
Текстъ. стр. 1—930. Указатели стр. 1—7. 1—8. Цѣна 5 р.
и пересылка за 3 ф. Сочиненіе ординарнаго профессора уни-
верситета Св. Владиміра, доктора уголовного права, А. Ф. Ки-
стяковского.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Лица, обращающіяся
непосредственно къ вдовѣ автора, адресуя: Кіевъ. Кузнецкая
ул. собств. домъ, а равно и студенты университетовъ, платятъ
4 руб. съ пересылкою.

О ПРЕСТЪПЕНІИ ОБВИНЯЕМОМУ СПОСОБОВЪ

УКЛОНЯТЬСЯ ОТЪ СЛѢДСТВІЯ И СУДА.

Изслѣдованіе А. Кистяковского.

Продается (въ количествѣ оставшихся 42 экз.) въ редакціи
журнала уголовного и гражданского права, по 1 руб. за экз.
съ пересылкою, вмѣсто 1 руб. 25 коп. безъ пересылки.

ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. со всѣми дополненіями по 1 декабря 1881 г. съ разъясненіями по рѣшеніямъ сената по 1 іюля 1881 г. Составлено Н. С. Таганцевымъ. *Изданіе 4-е*, 1882 года. Цѣна 4 рубля.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ дополненіями и разъясненіями по рѣшеніямъ сената и съ приведеніемъ мотивовъ. Составленъ Н. Таганцевымъ, изданіе 2-е, 1879 г. Цѣна 2 руб.

Курсъ русскаго уголовного права Н. С. Таганцева. В. 2—1878 г. 2 р.

Главный складъ изданій въ С.-П.-Б. въ книжномъ магазинѣ Стасюлевича, Васильев. остр. 2 л., д. №, 7.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената за 1876 г.

Составили **А. Книримъ** (оберъ-прокуроръ гражд. касс. департам. прав. сената) и **Е. Ковалевскій** (товарищъ оберъ-прокурора гражд. касс. департам. прав. сената).

Т. I. МАТЕРІАЛЬНОЕ ПРАВО. Цѣна безъ пересылки 3 р., съ пересылкою во всѣ города имперіи 3 р. 50 к.

Т. II. СУДОПРОИЗВОДСТВО. Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената за 1874 г.

Составили: **А. Книримъ** (оберъ-прокуроръ гражд. касс. депар. сената) и **Е. Ковалевскій** (товарищъ оберъ-прокурора гражд. касс. деп. прав. сената).

Т. I. МАТЕРІАЛЬНОЕ ПРАВО. Цѣна безъ пересылки 2 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города имперіи 3 р.

Т. II. СУДОПРОИЗВОДСТВО. Цѣна безъ пересылки 2 р. 50 к., съ пересылкою 3. р.

Въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, «Новаго Времени»
и друг. продаются:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

положеній и извлеченій изъ гражданскихъ
кассационныхъ рѣшеній.

- Т. I, по гражданскому праву съ 1866 года по 1876 годъ
Цѣна 2 руб.
Т. II, по гражданскому судопроизводству съ 1876 года по
1879 г. Цѣна 2 руб.
Т. III, по гражданскому праву и судопроизводству съ 1876 г.
по 1879 г. Цѣна 1 руб.
Т. IV, по гражданскому праву и судопроизводству за 1879 г.
Цѣна 75 коп.
Т. V, по гражданскому праву и судопроизводству за 1880 г.
Цѣна 75 коп.
Т. VI, по гражданскому праву и судопроизводству за 1881 и
1882 годы. Цѣна 1 руб.

Составилъ Г. Вербловскій
(Членъ Воронежскаго Окружнаго Суда).

Того же автора:

ДВИЖЕНИЕ РУССКАГО ГРАЖДАНСКАГО ПРОЦЕССА, ИЗЛОЖЕННОЕ НА ОДНОМЪ ПРИМѢРѢ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

*Законъ объ отмѣнѣ личнаго задержанія и объ измѣненіи
постановленій объ указанномъ ростѣ.* Цѣна 40 коп.

*Законоположенія о лошадяхъ съ имуществомъ, переходящихъ
безмездными способами.* Цѣна 40 коп.

ОТЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ КІЕВѢ.

Университетскія Извѣстія въ 1885 году будутъ выходить: въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки шесть рублей и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ *приложеній*, пользуются уступкой 20^о/о.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаютъ въ канцеляріи Правленія Университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ Малая Садовая, № 4, и Кіевъ Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Каждая книжка **Извѣстій**, за исключеніемъ текущихъ официальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ Университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I — *историко-филологическій*; отдѣлъ II — *юридическій*; отдѣлъ III — *физико-математическій*; отдѣлъ IV — *медицинскій*; отдѣлъ V — *научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности учебныхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI — *критико-библиографическій*. Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обзорѣ выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, составляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторъвъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться о ясномъ и четкомъ письмѣ текста, особенно иностраннаго, а равно и читать, для устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, невзятые обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются бесплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятые для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тогдашъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *бесплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За разсылку объявленій при журналѣ, взимается по 5 р. съ тысячи.

6) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала, причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

Примѣчаніе При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, высылается 1 р., а при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ 1 р. 50 к. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса высылается 30 к. деньгами или марками.

7) **Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала** препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ не позже полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) **Жалобы на неполученіе листовъ кассационныхъ рѣшеній** принимаются лишь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и рѣшеній тѣмъ лицамъ, которые подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

В. М. З. Ф.
4/23/05
5/10/05

Объ изданіи въ 1885 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ Іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 и болѣе листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . 8 р. съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . 8 р. 50 к. отдѣльно книга журнала 2 р.	съ пересылкой въ другіе города . . 9 р. за-границей 12 р.
--	--

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 18 р. 50 к.

Рѣшенія касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 3 р. съ касс. рѣш. 8 р. въ апрѣль 3 р. и въ августѣ остальная до подписной цѣны сумма. Въ случаѣ невысылки въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала приостанавливается. Гл. студентамъ университетовъ и кандидатамъ на судебныя должности, удостовѣрившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.

Подписка принимается: въ конторахъ Журнала—при книжныхъ магазинахъ Анисимова: въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Публичною Библіотекою и въ Москвѣ, на Никольской улицѣ.

Гл. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, улоу Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 39.

Оставшіеся экземпляры журнала продаются: за 1880 г. 9 руб. (въ количествѣ 1 экз.); за 1882 годъ (безъ III и IV книгъ, въ количествѣ 1 экз.) 5 р. съ пересылкою. За 1879, 1881 1883 и 1884 г. г. по 9 р. съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Выписывающіе четыре послѣдніе года одновременно, улачиваютъ 28 р. съ пересылкою и по 20 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 1 руб. съ пересылкою. Оставшіеся экземпляры кассационныхъ рѣшеній сената продаются сърошгрованными: гражданскаго департамента—за 1877 годъ 4 р. за 1878 годъ 4 р. включая и расходы по пересылкѣ. Кассационныхъ рѣшеній сената, а равно и журнала за другіе годы, кромѣ означенныхъ, въ редакціи не имѣется.

Редакторъ В. Володинъ-роуъ.